

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

48
у
196

Въ Библиотекѣ Общества
Исторіи и Древностей Россійскихъ
отъ автора.

МНИМЫЕ

СЛѢДЫ КАТОЛИЧЕСКАГО ВЛІЯНІЯ

ВЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ПАМЯТНИКАХЪ ЮГО-СЛАВЯНСКАГО И РУССКАГО
ЦЕРКОВНАГО ПРАВА.

На поводу сочиненія проф. П. С. Суворова:
„Слѣды западно-католическаго церковнаго
права въ памятникахъ древняго русскаго
права“. Ярославль, 1888.

А. Павлова.

HARVARD
LAW
LIBRARY

МОСКВА.

издана А. И. Снегиревой, Остоженка, Садовая п., с. д.
1892.

R45
978
PAV

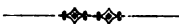
X Мнимо
МНИМОЕ C

Slědy katolického vlivania
СЛѢДЫ КАТОЛИЧЕСКАГО ВЛІЯНІЯ

ВЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ПАМЯТНИКАХЪ ЮГО-СЛАВЯНСКАГО И РУССКАГО
ЦЕРКОВНАГО ПРАВА.

По поводу сочиненія проф. Н. С. Суворова:
„Слѣды западно-католическаго церковнаго
права въ памятникахъ древняго русскаго
права“. Ярославль, 1888.

Pavlova, A.
А. Павлова.

МОСКВА.

Типографія А. И. Снегиревой. Остоженка, Савел. п., с. д
1892.

RUS
978
PAV

Дозволено Цензурою. Москва. Мая 7 1892 года.
Цензоръ Архимандритъ Арсеній.

Изъ книгъ «Чтеній въ Общ. Люб. Дух. Просвѣщенія» за 1892 годъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Введение: Общій обзоръ древне-славянскихъ и русскихъ памятниковъ, въ которыхъ указываются слѣды католическаго вліянія—стр. 1—3.

Глава I. Древне-славянскій епитимейникъ, извѣстный подъ именемъ „Заповѣди св. отецъ“ (стр. 3—49). Сходство этой „Заповѣди“ съ однимъ средне-вѣковымъ латинскимъ пенитенціаломъ — 3. Доказательства ея происхожденія изъ этого пенитенціала: а) отрицательныя и критика ихъ — 3; положительныя и критика ихъ — 13. Сравненіе „Заповѣди“ съ предполагаемымъ латинскимъ источникомъ ея—22. Связь „Заповѣди“ съ древне-славянскимъ „чиномъ надъ исповѣдающимся“ и догадка проф. Суворова о вліяніи на этотъ чинъ западной церковной практики — 30. Отношеніе тогоже чина къ покаянному номоканону Іоанна Постника — 31. Предположеніе о вліяніи на Постниковъ номоканонъ латинскихъ пенитенціаловъ — 34. Критика этого предположенія—35. Вопросъ о времени происхожденія Постникова номоканона—41. Общій выводъ изъ содержанія всей главы—48.

Глава II. Законъ судный людемъ (стр. 50—107). Вопросъ о происхожденіи и взаимномъ отношеніи двухъ редакцій этого памятника—50. Мнимые слѣды вліянія западнаго церковнаго права а) въ краткой редакціи Закона суднаго—64; б) въ редакціи обширной — 100. Критика мнѣнія, будто отрывки изъ Моисеевыхъ законовъ, внесенные въ эту редакцію, служатъ доказательствомъ вліянія на нее западныхъ церковно-юридическихъ возрѣвій—101. Отношеніе Моисеевыхъ законовъ къ византійскимъ источникамъ Закона суднаго—103.

Глава III. Разные памятники древне-русской и славянской канонической письменности съ мнимыми слѣдами католическаго вліянія (стр. 107—119). „Въпросанія“ Кирика—108. „Заповѣдь св. отецъ ко исповѣдающимся сыномъ и дщеремъ:“ мнѣнія объ ней ученыхъ — *тамъ же*. Отношеніе этой „Заповѣди“ и другихъ славянскихъ епитимейниковъ къ той (старшей) „Заповѣди“, о которой была рѣчь въ I-й главѣ — 113. Еще одинъ мнимый слѣдъ католическаго вліянія въ „Въпросаніяхъ“ Кирика — 114. Сербская разрѣшительная молитва о публично кающихся съ мнимо-католическимъ возрѣвіемъ на апостола Петра—116.

Глава IV. Церковные уставы Владиміра и Ярослава (стр. 119—163). Мнѣніе будто уставъ св. Владиміра произошелъ

не раньше второй половины XIV вѣка—119. Критика этого мнѣнія: несомнѣнные свидѣтельства о существованіи Владимірова устава въ XIII вѣкѣ—121. Старшій списокъ этого устава—128. Волынская редакция Владимірова устава 1286 года въ позднѣйшихъ копіяхъ—131. Мнимые слѣды католическаго вліянія въ уставахъ св. Владиміра и Ярослава—136. Тенденціозность мнѣнія, будто западно-русская редакция Ярославова церковнаго устава старше восточно-русской: критика этого мнѣнія—149. Восточно-русская редакция Ярославова устава была употребительна не только въ восточной, но и въ западной Руси — 152. Положительныя доказательства старшинства восточной редакціи предъ западною—155. Сравнительная оцѣнка той и другой редакціи съ рациональной и практической точекъ зрѣнія—157.

Заключеніе (стр. 159).

Приложеніе (стр. 163).

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

<i>Напечатано:</i>		<i>Нужно читать:</i>
Стр. строка.		
27	25 МОАНТСА	МОАНТСА
30	14 соединялось	соединялась
87	(примѣч. послѣд. строка) стр. 9.	стр. 89.
103	22 ъ Земледѣльческимъ	и Земледѣльческимъ.

*Даждь премудрому разуму,
и премудрѣйшій будетъ*
Притч. IX, 9.

Профессору церковнаго права въ Ярославскомъ юридическомъ лицѣ Н. С. Суворову удалось сдѣлать одно весьма любопытное открытіе, оповѣщенное имъ сначала на VП-мъ Археологическомъ съѣздѣ (въ Ярославлѣ), а потомъ — въ особомъ изслѣдованіи, изданномъ въ 1888 году подъ заглавіемъ: „Слѣды западно-католическаго церковнаго права въ памятникахъ древняго русскаго права“. Это открытіе состоитъ въ томъ, что почтенный профессоръ подмѣтилъ черты поразительнаго сходства между однимъ средневѣковымъ латинскимъ пенитенціаломъ и небольшимъ славянскимъ епитимейникомъ, носящимъ въ рукописяхъ глухое надписаніе: „Заповѣдь св. Отець“. Въ виду совершенной неизвѣстности (по крайней мѣрѣ по печатнымъ изданіямъ) какого нибудь *греческаго* источника для этой „Заповѣди“, проф. Суворовъ естественно принялъ ее за прямой переводъ съ упомянутаго латинскаго пенитенціала (стр. 7). Своему открытію ученый канонистъ придаетъ тѣмъ большую важность, что „Заповѣдь св. Отець“ несомнѣнно принадлежитъ къ древнѣйшимъ памятникамъ славянской канонической письменности. Она находится уже въ составѣ той славянской Кормчей, которую, по ея содержанію и языку, принято считать за одинъ изъ переводныхъ трудовъ славянскихъ просвѣтителей Кирилла и Меѳодія ¹⁾. Таже самая „Заповѣдь“ недавно открыта и из-

¹⁾Разумѣеть славянскую Кормчую, содержащую въ себѣ переводъ сборника церковныхъ каноновъ въ 50-ти титулахъ, составленнаго въ VI вѣкѣ Констан-

дана Гейтлеромъ въ составѣ Синайскаго глаголическаго Евангелиона, принадлежащаго по письму къ XI-му вѣку, а по языку — ко временамъ еще болѣе отдаленнымъ ¹⁾. Если же славянскій памятникъ такой глубокой древности оказывается прямымъ заимствованіемъ изъ латинскаго источника, то это обстоятельство неволью наводитъ на мысль, что подобныя заимствованія могутъ встрѣтиться и въ другихъ памятникахъ славянской церковной письменности, сходныхъ съ „Заповѣдію“ и появившихся еще до формальнаго раздѣленія церквей востока и запада. И дѣйствительно, проф. Суворовъ нашелъ довольно явственные, на его взглядъ, „слѣды западно-католическаго церковнаго права“ не только въ упомянутой „Заповѣди“, но и въ слѣдующихъ памятникахъ древне-славянскаго и русскаго церковнаго права: 1) въ т. наз. „Законѣ судномъ людемъ“; 2) въ разныхъ древне славянскихъ и русскихъ епитимейникахъ и вообще въ правилахъ о покаяніи и разрѣшеніи отъ грѣховъ; наконецъ—3) въ извѣстныхъ церковныхъ уставахъ, приписываемыхъ первымъ двумъ христіанскимъ князьямъ Руси—св. Владиміру и Ярославу.

Достаточно сдѣлать общее указаніе на вопросы, составляющіе задачу ученаго изслѣдованія проф. Суворова, чтобы понять ихъ высокой научный интересъ. Тѣмъ удивительнѣе для насъ то обстоятельство, что трудъ почтеннаго профессора, не смотря на его, такъ сказать, вызывающій характеръ, до сихъ поръ не былъ обстоятельно и безпристрастно оцѣненъ въ нашей ученой литературѣ, ни въ духовной, ни въ свѣтской. Предлагаемая теперь рецензія этого труда составлена уже довольно давно; но по обстоятельствамъ, насколько отъ насъ не зависящимъ, она не могла своевременно явиться въ печати. Впрочемъ — время тутъ ни при чемъ. Изслѣдованіе проф. Суворова, уже по новости своего содержанія и по рѣдкой оригинальности историческихъ воззрѣній и методологическихъ приѣмовъ автора, безспорно заслуживаетъ

тинопольскимъ патриархомъ Іоанномъ Схоластикомъ. Старшій списокъ такой Кормчей, какъ извѣстно, находится въ Румянцовскомъ музеѣ подъ № 230.

¹⁾ Geitler, Euchologium Glagolski spomenik manastira Sinai brda. Zagreb. 1882, 188—195.

самаго тщательнаго, подробнаго, хотя бы нѣсколько и запоздалаго, разсмотрѣнія.

Начнемъ съ выше указаннаго открытія почтеннаго профессора, такъ какъ здѣсь именно заключается центръ научной тяжести всего его изслѣдованія¹⁾.

I.

Оригиналомъ древне-славянскаго епитимейника, называемаго въ рукописяхъ „Заповѣдію св. Отець“, проф. Суворовъ признаетъ латинскій пенитенціалъ, изданный Вассершлебенемъ подъ именемъ *Poenitentiale Merseburgense a*²⁾. Сходство обоихъ памятниковъ, славянскаго и латинскаго, настолько очевидно, что проф. Суворовъ съ полнымъ убѣжденіемъ признаетъ первый за прямой переводъ съ послѣдняго. Тѣмъ не менѣе ученая добросовѣстность побудила автора подвергнуть это убѣжденіе строгой критической провѣркѣ, — утвердить его на длинномъ рядѣ доказательствъ, отрицательныхъ и положительныхъ.

Доказательства первой категоріи понадобились автору потому, что въ самомъ латинскомъ пенитенціалѣ, предполагаемомъ подлинникѣ славянской „Заповѣди“, оказываются довольно ясныя и внушительныя слѣды происхожденія изъ восточнаго, т. е. греческаго источника. Таковы: 1) постъ въ теченіи нѣсколькихъ четырехдесятницъ, назначаемый этимъ пенитенціаломъ въ видѣ епитиміи за разные грѣхи и, по сознанію самихъ западныхъ ученыхъ, возникшій первоначально на востокѣ, а потомъ, чрезъ посредство греческихъ монаховъ, жившихъ въ Италіи (Базиліанцевъ), принятый и на западѣ; 2) правило, представляющее постъ въ субботу необязательнымъ, и 3) другое правило, запрещающее употреблять въ пищу кровь и удавленную. Два послѣднія правила настолько

¹⁾ Самъ авторъ начинаетъ свою работу съ вопроса о вліяніи католическаго церковнаго права на „Законъ судный людемъ“ (стр. 3—90).

²⁾ *Wasserschleben, Bussordnungen der abendländischen Kirche nebst einer rechtsgeschichtlichen Einleitung.* Halle, 1851, s. 391—401.

чужды издавна установившейся практикѣ западной, именно Римской церкви, что какой-то средневѣковый глоссаторъ написалъ противъ перваго изъ нихъ на полѣ рукописи занимающаго насъ пенитенціала такое примѣчаніе: „Отсюда видно, что эти пенитенціальныя обычаи чужды Римской церкви, которая всегда предписывала соблюдать постъ въ субботу; напротивъ мы думаемъ, что они принадлежать восточной церкви, какъ видно и изъ дальнѣйшаго правила, налагающаго покаяніе на тѣхъ, кто ѣсть кровь и удавленину“¹⁾. Шмицъ, новый издатель того же пенитенціала, только въ другой редакціи, признаетъ эту глоссу исторически невѣрною и настаиваетъ на томъ, что соблюденіе субботняго поста, въ эпоху происхожденія пенитенціала, не было въ Римѣ постояннымъ и всеобщимъ; въ частности, онъ вовсе не соблюдался греческими (Базиліанскими) монахами, которыхъ много было тогда въ Римѣ и его окрестностяхъ, и что только съ IX вѣка, вслѣдствіе оппозиціи противоположному правилу и практикѣ греческой церкви, постъ этотъ сдѣлался на западѣ общепринятымъ. Что же касается до запрещенія употреблять въ пищу кровь и удавленину, то, по словамъ Шмица, оно и на западѣ почти обыкновенно внушалось новообращеннымъ народамъ, чтобы отучить ихъ отъ дикости языческой жизни и сдѣлать причастными христіанской культурѣ²⁾. Профессоръ Суворовъ вполне убѣждается этими доводами (см. стр. 120—121); но мы остаемся въ сильномъ сомнѣніи, — и вотъ по какимъ причинамъ. Самъ Шмицъ въ другомъ мѣстѣ своей книги и по другому поводу доказываетъ глубокую древность субботняго поста въ Римѣ и другихъ западныхъ церквахъ, ссылаясь на свидѣтельства папы Иннокентія I и блаж. Геро-

1) Ex hoc videtur poenitentiales has observationes abesse Romanae ecclesiae, penes quam semper die sabbati fuit jejunium praescriptum, sed potius putamus esse Orientalis ecclesiae, quod etiam inde conspicitur, quod, ut patebitur inferius, datur sta (-ista) misedia (?) illis, qui comedant sanguinem vel suffocatum.— *Schmitz*, Bussbücher und Bussdisciplin der Kirche. 1883, s. 230, Anmerk. 1. Въмѣсто поставленнаго у насъ съ вопросительнымъ знакомъ *misedia*, Шмицъ предлагаетъ читать *misericordia*; но эта поправка мало помогаетъ дѣлу правильнаго пониманія текста.

2) *Bussbücher*, s. 230—231.

нима, изъ коихъ первый утверждаетъ важность этого поста на апостольскомъ преданіи, а послѣдній говорить о его соблюденіи не только въ Римской, но и въ испанской церкви²⁾. Если теперь мы сопоставимъ эти свидѣтельства съ тѣмъ мѣстомъ занимающаго насъ пенитенціала, которое Шмицъ не затрудняется признать принадлежностью Римской церковной книги, то получится удивительная несообразность: Римская церковь, съ одной стороны, издавна предписывала своимъ членамъ соблюдать постъ по субботамъ, съ другой — освобождала отъ этого поста епитимійцевъ, — тѣхъ именно лицъ, которыя обязаны были къ усиленнымъ подвигамъ поста и покаянія (т. наз. *superimpositiones*), и держалась по отношенію къ нимъ другого правила, которое въ ея пенитенціалѣ выражено было такъ: *Qui tota septimana jejumat pro peccatis, sabbato et dominica die manducet et bibat, quicquid ei aptum fuerit*³⁾. Такое правило могли практиковать и пропагандировать на западѣ только греческіе монахи. у которыхъ былъ подъ руками свой пенитенціалъ — номоканонъ съ именемъ патріарха Іоанна Постника и съ такимъ предписаніемъ относительно епитимійцевъ: *σαββάτω καὶ κυριακῇ μὴ εἴη τι βρώματι ἢ πόματι τὸ ὀνομαζόμενον ἐπιτιμᾶσθαι, ἀλλ' εἶναι ἀκώλυτον εἰς πάντα, ὡς πάντες οἱ μὴ ἔχοντες ἐπιτίμιον*⁴⁾. Это, по нашему мнѣнію, и есть прямой источникъ выше приведеннаго правила латинскаго пенитенціала. Мы не находимъ возможнымъ приписать какойнибудь западной и въ особенности Римской церкви происхождение и того правила Мерзбургскаго

1) Bussbücher, стр. 316.

2) Тамъ же, стр. 242.

3) См. *Morinus*, Comment. de discip. in admin. sacram. poenitentiae. p. 623. Venetiis, 1702. Списки Постникова номоканона несомнѣнно употреблялись греческими монахами въ Италіи. Одинъ списокъ, писанный въ XIII вѣкѣ въ монастырѣ Спасителя въ Мессинѣ, находится теперь въ Оксфордской университетской библиотекѣ (*Coxe, Catal. codd. mss. Blblioth. Bodl. p. 662*). Другой того же столѣтія — указавъ Монкофономъ въ описаніи рукописи Римскаго Базиліанскаго монастыря, содержащей въ себѣ каноническій синописъ съ толкованіями Аристіна (см. *Diarium Italicum*, p. 218, № 43). А если до насъ сохранились италянскіе списки Постника, писанные въ XII вѣкѣ, то, значитъ, тамъ существовали и старшіе списки, съ которыхъ списаны были эти младшіе.

пенитенціала, которымъ запрещается употреблять въ пищу кровь и удавленину. На западѣ, уже со временъ блаженнаго Августина и благодаря ему именно, установился совершенно безразличный взглядъ на это дѣло¹⁾. Сколько извѣстно, единственный примѣръ противоположнаго возрѣнія представляется въ 20-мъ правилѣ Орлеанскаго собора 535 года, которое запрещаетъ христіанамъ ѣсть дохлыхъ животныхъ или умерщвленныхъ другими животными²⁾. Кромѣ того, запрещеніе употреблять въ пищу кровь и удавленину, съ назначеніемъ за то *сорокодневнаго* покаянія, высказывается еще въ посланіи папы Григорія III (731—741) къ германскому апостолу св. Бонифацію; но не нужно забывать, что этотъ папа былъ родомъ сиріецъ, и потому нѣтъ ничего удивительнаго, если въ его посланіи встрѣчается предписаніе, согласное съ правилами и практикою восточной церкви³⁾. Но что это предписаніе ни мало не измѣнило обыкновенной практики Римской церкви, даже по отношенію къ *варварскимъ* народамъ, видно изъ знаменитыхъ отвѣтовъ папы Николая I на вопросы новообращенныхъ болгаръ. Болгары тоже спрашивали папу: можно-ли употреблять въ пищу удавленину? (что конечно запрещали имъ греки, отъ которыхъ они приняли крещеніе), — и получили отвѣтъ съ довольно обширною выпискою изъ одного сочиненія блаж. Августина, который доказывалъ, что для христіанъ предписанія Моисеева закона относительно животной пищи совершенно необязательны⁴⁾.

1) *Schmitz*, op. cit. p. 321.

2) См. тамъ же.

3) Свидѣтельство папы Григорія III приводитъ и Шмицъ (тамъ же), но опускаетъ изъ виду національность этого свидѣтеля, что въ настоящемъ случаѣ весьма важно.

4) Приведемъ папскій отвѣтъ въ подлинникѣ и вполнѣ: *Animalia sive volatilia, si sine ferro mactentur, et solo ictu hominis percussa moriantur, si liceat comedi sciscitami. De hoc sanctus Augustinus contra Faustum Manichaeum pleniter scripsit, de cujus verbis modicum quid nunc propter prolixitatem tangimus: Ubi, inquit, ecclesia gentium talis effecta est, ut in ea nullus Israēlita carnalis appareat: quis jam hoc Christianus observat, ut turdos, vel minutiores aviculas non attingat, nisi quarum sanguis effusus est, aut leporem non edat, si manu a cervice percussus nullo cruento vulnere occisus est; et qui forte pauci adhuc tangere ista formidant, a caeteris*

Проф. Суворовъ тѣмъ болѣе долженъ былъ бы обратить вниманіе на это важное свидѣтельство (замолчанное Шмицемъ), что въ латинскомъ пенитенціалѣ, принимаемомъ имъ за подлинникъ славянской „Заповѣди св. Отецъ“, онъ видитъ также и тотъ пенитенціалъ, который посланъ былъ папою Николаемъ I Болгарамъ по особенной просьбѣ ихъ о присылкѣ такой книги (стр. 117—118). Выходитъ, слѣдовательно, что новообращенные Болгары получили отъ папы на одинъ и тотъ же вопросъ два противоположные отвѣта: утвердительный—въ собственномъ посланіи папы, и отрицательный—въ присланномъ имъ пенитенціалѣ.

Изложенныя (отрицательныя) доказательства западнаго, а не восточнаго, происхожденія Мерзбургскаго пенитенціала авторъ подкрѣпляетъ еще слѣдующими общими соображеніями: „Если бы этотъ пенитенціалъ приписать восточной церкви, то пришлось бы отнести къ восточной же церкви почти всѣ западныя пенитенціалы, такъ какъ большинство каноновъ Мерзбургскихъ можно найти въ другихъ западныхъ пенитенціалахъ, и не только въ англо-саксонскихъ (въ которыхъ можно было бы предполагать вліяніе Θεодора кентербюрійскаго, природнаго грека изъ Тарса), и не только въ франкскихъ, въ которыхъ значительная часть содержанія заимствована изъ англо-саксонскихъ покаянныхъ книгъ, но и въ ирландско-британскихъ пенитенціалахъ. Предположимъ, что и ирландско-британскіе пенитенціалы не остались свободными отъ греческаго вліянія, такъ какъ существуютъ нѣкоторыя основанія полагать, что британская церковь обязана своимъ происхожденіемъ востоку и въ большей степени стояла въ общеніи съ востокомъ, чѣмъ это было обычно на западѣ. Но что же слѣдуетъ отсюда? Составителями правилъ покаянныхъ были все-таки британцы, точно также, какъ и составителемъ такъ называемаго Θεодоровскаго пенитенціала былъ не природный грекъ, Θεодоръ кентербюрійскій, а природный англо-саксъ, который на составленномъ имъ сборникѣ оставилъ

irridentur, ita omnium animos in hac retinuit illa sententia Veritatis: Non quod intrat in os vestrum, vos conquinat, sed quod exit (Resp. 90. См. *Migne, Patrol. latin. t. 119, p. 1011*).

печать своей національности. Не отвергая возможности того, что восточное церковное право было принято въ соображеніе (къмъ?) и болѣе или менѣе повліяло на церковныя сборники (чьи?), между прочимъ и при посредствѣ Базиліанскихъ монаховъ, мы придемъ къ тому лишь выводу, что западное церковное правообразованіе включило въ себя элементы болѣе разнообразныя, чѣмъ восточное, и выразилось въ болѣе отчетливыхъ формахъ, чѣмъ это послѣднее. Изъ того, что каноническія правила греческихъ соборовъ включены были въ сборникъ Діонисія Малаго (вѣрнѣе было бы сказать, что сборникъ правилъ греческихъ соборовъ *цѣликомъ* переведенъ Діонисіемъ и *дополненъ* правилами только *одного* западнаго собора — Кароагенскаго 419 г.), никто не будетъ выводить, что правообразованіе западной церкви обязано своимъ происхожденіемъ востоку, а выведетъ только то, что и восточное церковное право вошло, какъ одинъ изъ составныхъ элементовъ, въ западное церковное правообразованіе“ (стр. 121—122). Мы должны сознаться, что не совсѣмъ ясно понимаемъ, какимъ образомъ эти общія соображенія устраняють мысль о происхожденіи Мерзебургскаго пенитенціала изъ восточнаго источника, на который такъ внушительно указываютъ выше приведенныя черты въ его содержаніи. Изъ того, что „большинство правилъ этого пенитенціала встрѣчается и въ другихъ западныхъ пенитенціалахъ“, никто, конечно, не выведетъ заключенія, что „всѣ“ или „почти всѣ“ такіе сборники западная церковь получила отъ восточной, а сдѣлаетъ только тотъ выводъ, что Мерзебургскій пенитенціалъ былъ однимъ изъ самыхъ старшихъ и наиболѣе употребительныхъ на западѣ. Память о его сравнительномъ старшинствѣ и, смѣемъ прибавить, восточномъ происхожденіи сохранялась даже въ позднѣйшихъ рукописяхъ (IX — X в.), въ которыхъ онъ является хотя въ измѣненной и дополненной редакціи (списокъ такъ назыв. Valicellanum II), но за то — съ миниатюрою *византійскаго* стиля (не греческій ли монахъ — духовникъ, принимающій исповѣдь кающагося? и съ надписью: *Item alii canones poenitentiales vetustiores* ¹⁾). Позволительно высказать

¹⁾ *Schmitz*, *op cit.* p. 342.

предположеніе, что греческій подлинник Мерзебургскаго пенитенціала, въ первичной свей формаци, былъ извѣстенъ и авторамъ древнѣйшихъ западныхъ пенитенціаловъ—ирландо-британскихъ. По крайней мѣрѣ Вассершлебенъ, общепризнанный авторитетъ въ вопросахъ по исторіи западныхъ пенитенціаловъ, въ предисловіи ко второму своему изданію „Ирландскаго каноническаго сборника“ приводитъ въ доказательство греческаго вліянія на церковное правообразованіе въ Ирландіи слѣдующее правило изъ одного тамошняго пенитенціала: *Poenitentia homicidii VII anni in pane et aqua, vel X, ut dicit Monocheta* ¹⁾). Какой греческій источникъ скрывается подъ варварски искаженнымъ названіемъ *Monocheta*, Вассершлебенъ не объясняетъ и мы объяснить не можемъ; но въ высшей степени важно то, что въ этомъ источникѣ находилось правило, которое по сроку епитиміи, назначенной въ немъ за убійство (10 лѣтъ), совершенно совпадаетъ съ 1-мъ правиломъ Мерзебургскаго пенитенціала и славянскою „Заповѣди св. Отецъ“ ²⁾). Если западное церковное право вообще (что допускаетъ и проф. Суворовъ) питалось восточнымъ и принимало въ себя даже такіе источники этого послѣдняго, которые здѣсь, на западѣ, подвергались формальной (но безуспѣшной) проскрипціи со стороны папъ (правила апостольскія и трульскаго собора): то почему не допустить такого же отношенія и западныхъ пенитенціаловъ къ восточнымъ покаяннымъ номоканонамъ, хотя бы послѣдніе и содержали въ себѣ нѣчто несогласное съ мѣстными церковными воззрѣніями и обычаями? Пусть составители латинскихъ пенитенціаловъ, пользуясь греческими источниками, „налагали на нихъ печать своей національности“; но заимствованія не переставали отъ этого быть заимствованіями, точно также, какъ римское право, рецепированное романо-германскими народами и во многихъ пунктахъ радикально

¹⁾ Die Irische Kanonensammlung, 2-te Aufl. Einleit. s. XXI; ср. Bussordnungen, s. 136, cap. 3.

²⁾ Ниже мы увидимъ, что такое правило, т. е. совершенно сходное съ 1-мъ канонемъ Мерзебургскаго пенитенціала, встрѣчается и въ греческихъ покаянныхъ номоканонахъ.

ими измѣненное, все-таки остается и называется римскимъ. Не нужно, при разрѣшеніи настоящаго вопроса, упускать изъ виду и того общезвѣстнаго факта, что на востокѣ уже съ начала V вѣка древняя система публичныхъ церковныхъ покаяній, съ подраздѣленіемъ ихъ на 4 степени, стала значительно ослабѣвать и угупать свое господство въ практикѣ той системѣ, которая принята въ позднѣйшихъ греческихъ епитимейникахъ и которую въ общихъ чертахъ подтвердилъ трульскій соборъ въ послѣднемъ (102-мъ) своемъ канонѣ. Между тѣмъ на западѣ старая система, говоря вообще, держалась почти до конца IX вѣка. Такимъ образомъ уже аргюи нужно допустить, что въ развитіи новой пенитенціальной системы восточная церковь на нѣсколько столѣтій опередила западную и приготовила для нея многочисленныя образцы своей практики, которыми всего прежде воспользовалась ирландо-британская церковь, никогда не знавшая дисциплины *публичныхъ* покаяній ¹⁾). Вассершлебенъ предполагаетъ, что первоначальные церковныя порядки и учрежденія въ Ирландіи и Шотландіи образовались не безъ вліянія *египетскихъ* монастырей и пустынножительскихъ колоній ²⁾). А относительно позднѣйшихъ временъ и другихъ западныхъ церквей Шмицъ, а за нимъ и проф. Суворовъ, совершенно правильно замѣчаютъ, что восточная практика *частныхъ* церковныхъ покаяній могла сдѣлаться извѣстною составителямъ латинскихъ пенитенціаловъ чрезъ посредство греческихъ монаховъ, имѣвшихъ нѣсколько монастырей въ Римѣ, въ его окрестностяхъ и всего болѣе — въ южной Италіи (Magna Graecia). Здѣсь, какъ и на самомъ востокѣ, дисциплина церковныхъ покаяній новой системы уже съ VIII вѣка (если не раньше) находилась исключительно въ рукахъ монаховъ. Монахи были духовниками; имъ же конечно нужно приписать и составленіе всѣхъ извѣстныхъ и неизвѣстныхъ руководствъ для духовнической практики. Прямое, хотя и

1) См. *Wasserschleben*, Bussordnungen, s. 29: ср. 11.

2) *Die Irische Kanonensammlung*, Einleit. s. XXI (2 Aufl.). Въ этомъ каноническомъ сборникѣ, дѣйствительно, содержится многочисленныя извлечения изъ *Vitae Patrum et monasteriorum Aegypti*.

довольно позднее, указание на такое значение греческого монашества въ Италіи находимъ въ житіяхъ двухъ тамошнихъ святыхъ греческой національности: препод. Нила Младшаго (X в.) и ученика его Вареоломея (XI в.). О первомъ жизнеописатель сообщаетъ слѣдующее любопытное извѣстіе: Авара, вдова дукса Капуи Пандульфа, виновная въ умерщвленіи своего родственника, политическаго соперника ея сыновей, обратилась съ просьбою къ препод. Нилу назначить ей епитимію за это преступленіе. Преподобный сначала отказывался отъ этого и предлагалъ кающейся обратиться къ епископамъ, которымъ Спаситель вручилъ власть вязать и рѣшить. На это Авара отвѣчала, что она уже исповѣдалась предъ епископами и получила отъ нихъ епитимію — три раза въ недѣлю прочитывать Псалтирь и раздавать милостыню; но теперъ желала бы, для совершеннаго врачеванія своей души, воспользоваться духовною помощію и отъ него, преподобнаго. „Если такъ, сказалъ послѣдній, то вотъ тебѣ врачевство: исполни предписаніе закона Божія: кровь за кровь, душу за душу. Выдай одного изъ своихъ сыновей родственникамъ убитаго: пусть они поступятъ съ нимъ, какъ захотятъ, и тогда получишь полное отпущеніе своего грѣха“ ¹⁾. Свидѣтельство — не малой исторической важности. Оно показываетъ, что и греческое духовенство въ Италіи, подобно латинскому, имѣя дѣло не только съ цивилизованною, но и варварскою или полуварварскою паствою (сначала Лонгобардами, потомъ — Норманами), признавало необходимымъ, при наложеніи епитиміи за то или другое преступленіе противъ ближняго, требовать отъ виновныхъ полной сатисфакціи лицамъ, потерпѣвшимъ отъ преступленія. Не менѣе любопытно свидѣтельство, находящееся и въ житіи св. Вареоломея. Мы узнаемъ отсюда, что греческіе монахи, въ качествѣ духовниковъ, пользовались всеобщимъ уваженіемъ въ Италіи; слава о нѣкоторыхъ изъ нихъ доходила

¹⁾ *Migne, Patrol. graec. t. 120, p. 186: Παράδος ἕνα τῶν σῶν υἱῶν τοῖς ἰδίοις τοῦ τελευτήσαντος, τοῦ ποιῆσαι ἐν αὐτῷ εἴ τι ἂν θέλωσι, καὶ τότε ἀπολλυμένη τοῦ ἀμαρτήματος.*

до самихъ папъ. Такъ по крайней мѣрѣ было съ св. Вареоломеемъ, по сказанію его жизнеописателя. По этому сказанію, папа Бенедиктъ IX (1033—1044)—порочнѣйшій изъ порочныхъ людей, возсѣдавшихъ на апостольскомъ престолѣ въ XI вѣкѣ, чувствуя угрызенія совѣсти, призывалъ къ себѣ преподобнаго, чтобы исповѣдаться предъ нимъ въ своихъ грѣхахъ и получить отъ него приличное духовное врачеваніе. Выслушавъ исповѣдь первосвященника, св. Вареоломей, „не по примѣру другихъ духовныхъ врачей, боящихся высокаго сана кающихся, или прельщаемыхъ дарами и почестями, но имѣя въ виду неисцѣлимость открытой ему душевной болѣзни, далъ и соотвѣтственное врачевство“ — запретилъ папѣ навсегда священнодѣйствованіе, что—замѣчаетъ жизнеописатель къ славѣ преподобнаго—и было немедленно исполнено¹⁾. Мы имѣемъ и другія, официальные свидѣтельства о томъ, что св. Вареоломей состоялъ духовникомъ у разныхъ высокопоставленныхъ лицъ не только греческой, но и латино-варварской національности²⁾. Если такіе примѣры встрѣчаются даже около половины XI вѣка, почти наканунѣ формальнаго и окончательнаго раздѣленія церквей, то мы въ правѣ предполагать, что въ прежнія времена авторитетъ греческихъ духовниковъ между разноплеменнымъ населеніемъ Италіи былъ еще выше. Это въ особенности должно сказать о томъ болѣе чѣмъ столѣтнемъ періодѣ (642—752), въ продолженіе котораго на папскомъ престолѣ возсѣдали 12 лицъ восточнаго (греческаго и сирійскаго) происхожденія, въ томъ числѣ—и Григорій III, въ посланіи котораго

²⁾ *Migne*, Patrol. graec. t. 127, p. 484: 'Ο δὲ (преп. Вареоломей) οὐ τὸ τοῦ θρόνου ὑψηλὸν ἐπιτόρητι, οὐκ εἰς τὸ ὑπερέχον τῆς ἀξίας ἐβλεψεν, οὐκ εἰς δώρα ἀπέειδε καὶ τιμὰς, ὅπερ οἱ πολλοὶ πάσχουσι τῶν ψυχῶν ἰατροὶ, ἀλλὰ πρὸς τὸ τοῦ πάθους δυσίατον καιρίαν καὶ τὴν τομὴν διδοῦς αὐτῷ ἔφη· οὐκ ἔξεστί σοι ἱεροουργεῖν, σχολάζαι δὲ μᾶλλον, καὶ τὸ θεῖον ἐξιλεώσασθαι, ὃ πλημμελήσας παρώξυνας. 'Ο δὲ... παρεῖθ' ἄρ' τὸν θρόνον καταλιπὼν ἰδιωτικῶν ἐδείχνητο. Но исторія знаетъ и другіе мотивы, по которымъ Бенедиктъ IX отказался отъ престола.

¹⁾ См. двѣ современныя грамоты, данныя монастырю препод. Вареоломей, у Монфокона въ *Palaeographia graeca*, p. 394, 396.

къ св. Бонифацію мы уже видѣли примѣръ пользованія правилами восточныхъ покаянныхъ номоканоновъ ¹⁾). Въ это время, когда въ самой Римской церкви введены были разные греческіе церковные обряды и праздники и даже признани (папою Константиномъ) правила трульскаго собора, всего удобнѣе могли распространиться на западъ и восточные пенитенціалы, конечно—въ латинскихъ переводахъ или, точнѣе, передѣлкахъ ¹⁾).

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію положительныхъ доказательствъ, приводимыхъ профессоромъ Суворовымъ въ пользу западнаго происхожденія Мерзебургскаго пенитенціала. Къ сожалѣнію, почтенный авторъ, признавая эти доказательства „несомнѣнными“, ограничивается только голымъ перечнемъ ихъ. „Въ пенитенціалѣ Мерзебургскомъ, говоритъ онъ, наравнѣ съ другими западными пенитенціалами, мы видимъ такія *несомнѣнныя* черты западнаго происхожденія, какъ: постъ на хлѣбѣ и водѣ, покаяніе, соединенное съ изгнаніемъ и странствованіемъ, покаяніе духовныхъ лицъ, соразмѣряемое съ ихъ іерархическими степенями, и воспрещеніе духовнымъ лицамъ продолжать супружеское сожитіе съ женами“. Кромѣ того „нѣкоторыя бытовые черты, отмѣченныя Мерзебургскимъ пенитенціаломъ, свойственны не греческому населенію Византійской имперіи, а варварскимъ германскимъ племенамъ, какъ напр. постъ по найму“ (стр. 122—123). Только одна первая черта въ содержаніи латинскаго пенитенціала—назначеніе епитиміи въ видѣ поста на

¹⁾ Вотъ имена этихъ папъ: 1) Феодоръ, грекъ (642—649); 2) Агафонъ, грекъ (678—682), 3) Левъ II, тоже (682—683), 4) Іоаннъ V, сиріецъ (685—687), 5) Коновъ, аракіецъ (687—687), 6) Сергій I, сынъ выходцевъ изъ Автиохіи (688—701), 7) Іоаннъ VI, грекъ (701—705), 8) Іоаннъ VII, грекъ (705—706), 9) Сисиній, сиріецъ (707), 10) Константинъ, сиріецъ (708—715), 11) Григорій III, сиріецъ (731—741), 12) Захарія, грекъ (741—752). См *Caspari, Quellen zur Geschichte des Taufsymbols und der Glaubensregel*. Bd. III. s. 194, not. 330.

²⁾ О вліяніи эллинизма на церковную и социальную жизнь въ Италіи въ указанный періодъ времени см. въ превосходной книгѣ *Diehl's: Etudes sur l'administration byzantine dans l'exarchat de Ravenne*. Paris, 1888, p. 251 и слѣд.

хлѣбѣ и водѣ — на нѣкоторое время остановила на себѣ вниманіе нашего канониста, — заставила его задаться вопросомъ: нѣтъ ли чего подобнаго и въ греческихъ покаянныхъ номоканонахъ? Оказалось слѣдующее: „Такъ называемое сухояденіе (Ξηροφαγία) весьма часто встрѣчается въ греческихъ покаянныхъ номоканонахъ или канонаріяхъ, соотвѣтствующихъ западнымъ пенитенціаламъ. Но сухояденіе и называется сухояденіемъ; подобная же формула, какъ „на хлѣбѣ и водѣ“, „о хлѣбѣ и водѣ“, *говоря вообще*, неизвѣстна восточнымъ номоканонамъ“. (стр. 12). Оговорка: „говоря вообще“ вынуждена была тѣмъ, что самъ авторъ въ одномъ кодексѣ Вѣнской придворной бібліотеки нашелъ греческій покаянный номоканонъ съ двумя (изъ 125) правилами, въ которыхъ назначается покаяніе „на хлѣбѣ и водѣ“. Объ этомъ номоканонѣ проф. Суворовъ замѣчаетъ, что онъ „очень ранняго происхожденія“, и что „двѣ (упомянутыя) статьи, случайно (?) въ него внесенныя, могли имѣть своимъ источникомъ какой нибудь западный пенитенціалъ, подобно тому, какъ изъ западнаго же пенитенціала этотъ самый номоканонъ заимствовалъ статьи о присужденіи къ покаянію патріарховъ, епископовъ, священниковъ и діаконовъ, — статьи, *вообще говоря* (опять!), необычныя въ восточныхъ номоканонахъ, особенно раннихъ, и напротивъ составляющія общее правило въ западныхъ пенитенціалахъ“ (стр. 12, прим. 17). Таковъ мотивъ этой, два раза повторенной оговорки. А смыслъ ея для читателя можетъ быть только тотъ, что профессоръ Суворовъ, специалистъ дѣла, для настоящей спеціальной работы отлично изучилъ всѣ печатныя изданія греческихъ покаянныхъ номоканоновъ и, по всей вѣроятности, знакомъ не съ однимъ только Вѣнскимъ *рукописнымъ* номоканономъ, но и со многими другими. Но на дѣлѣ оказывается далеко не то. Пересмотрѣвъ имѣющійся у насъ подъ руками печатный и отчасти рукописный матеріалъ, въ которомъ нужно было искать основаній для того или другого разрѣшенія настоящаго вопроса, мы убѣдились, что формула „на хлѣбѣ и водѣ“ далеко не такъ чужда восточнымъ покаяннымъ номоканонамъ, какъ увѣряетъ себя и другихъ почтенный авторъ. Такъ, напримѣръ, въ извѣстномъ Ко-

тельеровомъ номоканонѣ (подробности о которомъ см. въ нашемъ „Номоканонѣ при Большомъ Требникѣ“, стр. 26—27) формула эта (ἐπιτιμᾶσθω ἐν ἄρτῳ καὶ ὕδατι) встрѣчается *шесть* разъ, въ статьяхъ, стоящихъ почти *рядомъ*, что указываетъ на единство источника, изъ котораго взяты онѣ въ эту обширную, изъ разныхъ источниковъ составленную компиляцію (см. ст. 159, 162, 168—171). Кроме того, мы находимъ ту же формулу въ нѣсколькихъ краткихъ сборникахъ епитимійныхъ правилъ, изданныхъ Питрою въ IV-мъ томѣ Spicilegii Solesmensis подъ именами разныхъ Отцовъ и соборовъ греческой церкви, на примѣръ: ἐπροφαγῶν ἐν ἄρτῳ καὶ ὕδατι (Василія В. прав. 4; оп. cit. p. 460), ἐπροφαγοῦντες ἄρτον μόνον καὶ ὕδωρ (Златоуста прав. 16, p. 462), μετανοεῖτω ἐν ἄρτῳ καὶ ὕδατι (Аванасія и Златоуста прав. 11, p. 457 и Халкидон. собора прав. 1, p. 464), ἐσθίειν ἄρτον καὶ ὕδωρ (въ одномъ спискѣ Постникова номоканона, *ibid.* p. 437). Наконецъ епитимія на хлѣбѣ и водѣ назначается въ трехъ правилахъ еще неизданной греческой компиляціи, носящей въ рукописяхъ надписаніе: Ἐκλογὴ ἐπιτιμίων παντοῖων τῶν παδῶν. Два изъ этихъ правилъ тождественны съ тѣми, какія профессоръ Суворовъ нашель въ Вѣнскомъ номоканонѣ „недавняго происхожденія“ и призналь „заимствованіями изъ какого нибудь западнаго пенитенціала“. Теперь же мы во очію видимъ, что они взяты въ этотъ номоканонъ изъ греческаго источника весьма почтенной древности; ибо помянутая Ἐκλογὴ известна намъ по рукописи XIII вѣка, писанной на *Авоинѣ*. Это—рукопись Московской синодальной библіотеки № 475 ¹⁾. Но всего важнѣе вотъ что: въ числѣ вышеуказанныхъ покаянныхъ правилъ, изданныхъ Питрою въ Spicilegium So-

1) Приведемъ по этой рукописи занимающія насъ правила: Ὁ ἐπίορκος, ἔτος ἐν ἐν ἄρτῳ καὶ ὕδατι. — Ἐάν ἀποθάνῃ βρέφος ἀβάπτιστον πλησίον τῶν γονέων αὐτοῦ, πληρουμένον τῶν ἑπτὰ ἡμερῶν, ἵνα ποιήσωσι οἱ γονεῖς αὐτοῦ τεσσαράκοντα ἡμέρας ἐν ἄρτῳ καὶ ὕδατι (Ркп. л. 267, столб. 1—2). Третье правило, не находящееся въ Вѣнскомъ номоканонѣ) съ тою же формулою епитиміи читается въ нашей рукописи такъ: Εἰ τις μαχαρίσει τῷ ἰδίῳ θελήματι... ἐπιτιμᾶται χρόνον ἕνα, ἄρτου καὶ ὕδατος χρωμένος (тамъ же).

lesmense, находятся и такіа, которыя во всемъ своемъ содержаніи оказываются буквально, или почти буквально сходными съ правилами латинскаго пенитенціала, выдаваемаго профессоромъ Суворовымъ за подлинникъ славянской „Заповѣди св. Отець“. Правда, такихъ правилъ — очень не много, всего два; но въ виду этой скромной цифры не нужно забывать слѣдующаго факта, хорошо извѣстнаго всякому, кто сколько нибудь занимался памятниками этого рода по рукописямъ: судьба всѣхъ вообще пенитенціаловъ -- и греческихъ, и латинскихъ, и славянскихъ — была такова, что ни одинъ изъ нихъ, подъ руками позднѣйшихъ переписчиковъ и компиляторовъ, не сохранялся въ первоначальномъ своемъ видѣ и редакціи; напротивъ, каждый въ большей или меньшей мѣрѣ дѣлился своимъ содержаніемъ съ другими однородными сборниками и, наоборотъ, самъ принималъ въ себя ихъ составныя части ¹⁾. Въ своемъ мѣстѣ мы иллюстрируемъ это на примѣрѣ славянской „Заповѣди св. Отець“; а теперь ограничимся только общимъ констатированіемъ факта, дающаго намъ полное право смотрѣть на упомянутыя и ниже приводимыя два правила, какъ на случайно сохранившіеся и тѣмъ болѣе для насъ драгоценныя отрывки одного цѣлаго, одного краткаго греческаго епитимейника, который послужилъ подлинникомъ или, можетъ быть, только отдаленнымъ источникомъ какъ для латинскаго Мерзбургскаго пенитенціала, такъ и для сходной съ нимъ славянской „Заповѣди св. Отець“. Вотъ текстъ этихъ двухъ правилъ, параллельно съ латинскимъ и славянскимъ переводомъ ихъ:

Εἰ τινος παιδίον δι' ἀμέλειαν αὐτοῦ ἀποθανεῖ ἀβάπτιστον, τρία ἔτη	Si cujus infans sine baptismo per negligentiam mortuus fu-	Ἄνε κόμοу оумреть отроуа неирьцѣно за лнностью, ꙗзта ☉

1) Относительно латинскихъ пенитенціаловъ это наглядно доказывается изданіемъ ихъ въ сборникѣ Вассершлебена, гдѣ надъ текстомъ статей каждаго пенитенціала указаны параллельныя мѣста въ другихъ пенитенціалахъ.

μετανοεῖτω ἐν ἄρτῳ καὶ ὕδατι (Pitra, Spicilegium Solesmense, t. IV, p. 464) ¹⁾.

Εἴ τις κληρικὸς φόνον ποιήσει, δέκα ἔτη μετανοεῖτω τὰ γ' ἔτη ἐν ἄρτῳ καὶ ὕδατι, καὶ μετὰ ταῦτα ὑποδεχέσθω ἐν τῇ πόλει αὐτοῦ, εἰ καλῶς διῆξε τὴν μετάνοιαν, μαρτυροῦντος τοῦ ἐπισκόπου καὶ τῶν ἱερέων, μεθ' ὧν μετενόησε· πληροφορῶν κατενώπιον πάντων, καὶ ἐν ὑποταγῇ τοῖς γονεῦσιν αὐτοῦ ἔσται, λέγων· «τὸ θέλημα ὑμῶν ποιῶ ὑποτασσόμενος». Εἰ δὲ τοῦτο οὐ ποιεῖ, μηδὲ ἐν τῇ πατρίδι δεχθήσεται, ἀλλ' ἀπελθέτω κατὰ τὸν Κάϊν ἐπὶ γῆς ἀλλοτρίας (Pitra, op. cit. p. 457, can. κή). ²⁾.

erit, III annos poeniteat, I ex his in pane et aqua, II sine vino et carne (правило 61. См. у Суворова приложение № I, стр. XIX).

Si quis clericus homicidium fecerit et proximum suum occiderit, X annis exul poeniteat, postea recipiatur in patria, si bene egerit poenitentiam in pane et aqua, testimonio comprobatus episcopi, vel sacerdotum, cum quibus poenituit et cui commessus fuit, et satisfaciat parentibus ejus, quem occidit, vicem filii reddens et dicens: „quaecunque vultis, faciam vobis“. Si autem non satisfecerit parentibus illius, nunquam recipiatur in patria, sed more Cain vagus et profugus sit super terram (правило 1. См. у Суворова приложение № I, стр. I).

ХЛѢБЪ И Ѡ ВОДѢ (42 е правило „Заповѣди св. Отець“. См. у Суворова тамъ же).

НѢЖЕ РАЗБОИ СТВОРИТЬ Ѡ РОЖЕННИКА СВОЕГО ОУБИИТЬ, ꙗ ЛѢТЪ ДА ПОКАЕТЬСА ВЪ НИИИ ОБЛАСТИ, И ПОТОМЪ ДА ПРИИТЬ БОУДЕТЬ ВЪ ѠУЫСТЕНІЕ СВОЕ, АЩЕ БОУДЕТЬ ПРАВЕДНО ПОКАЛЪСА Ѡ ХЛѢБЪ ТЪКМО И Ѡ ВОДѢ, И ДА ПОСЛУШЕСТВОУЮЕТЪ ІЕМОУ ІЕПИСКОПИ И ПОПОВЕ, ОУИИИХЪ ЖЕ ІЕСТЬ ПОКАЛЪ ВЪ РОЖЕННИО ОУБИЕНАГО. АЩЕ АИ СА БОУДЕТЬ НЕ ДОБРЕ ПОКАЛЪ, ТО НЕ ПРИИТЬ БОУДЕТЬ ВЪ ѠУЫСТЕО СВОЕ.

¹⁾ Это—первое изъ 8 подложныхъ правилъ Халкидонскаго собора, изданныхъ Питроу по рукописи 1295 г., о которой см. у Монфокова въ Bibliotheca Coisliniana, № 364, p. 563.

²⁾ Это—одно изъ подложныхъ правилъ Аванасія В. и Златоуста, изданныхъ Питроу по рукописи, писанной въ XII в. на Авоинъ (ср. Montfaucou, op. cit. № 363, p. 562).

Последнимъ правиломъ опровергается и то (второе) утверждение проф. Суворова, будто покаяніе, соединенное съ изгнаніемъ изъ собственнаго мѣстожителства и съ сатисфакціей лицамъ, потерпѣвшимъ отъ преступленія, составляетъ исключительную принадлежность только западныхъ пенитенціаловъ. Появленіе въ восточной церкви подобныхъ правилъ, носящихъ на себѣ явственную печать варварскаго вліянія, объясняется тѣми же самыми причинами, какими они вызваны были и въ западной. Восточная церковь, не позднѣе западной, начала имѣть дѣло съ варварскими народами, и прежде всего на самомъ западѣ, въ Ирландіи и Британіи, гдѣ первыя сѣмена христіанства несомнѣнно посеяны были греческими миссіонерами. Въ одномъ изъ тамошнихъ пенитенціаловъ мы уже указали слѣдъ вліянія восточной дисциплины церковныхъ покаяній ¹⁾. Теперь замѣтимъ еще, что другой ирландскій пенитенціалъ, авторомъ котораго былъ одинъ изъ мѣстныхъ миссіонеровъ Vinniaus (въ концѣ V вѣка), содержитъ въ себѣ правило, почти дословно сходное съ занимающимъ насъ правиломъ греческаго покаяннаго номоканона, латинскаго (позднѣйшаго) пенитенціала и славянской „Заповѣди св. Отець“ ²⁾. Но само собою понятно, что восточная церковь всего чаще и ближе соприкасалась съ *сосѣдними*, т. е. съ восточными же, варварскими народами. Ея миссіонерами христіанство, уже въ первыя четыре столѣтія, распространено было въ Персіи, Арменіи, Грузіи и по сѣвернымъ берегамъ Чернаго моря (въ Скиѣи). Такъ произошли на востокъ тѣ варварскія епископіи (*οἱ ἐν Ἀρβαρικοῖς ἐπίσκοποι*), которыя 28 правиломъ Халкидонскаго, 4-го вселенскаго собора подчинены были Константинопольскому патріарху. Затѣмъ, въ знаменитую эпоху переселенія народовъ, варварскій элементъ почти въ одинаковой мѣрѣ увеличился на территоріи какъ западной, такъ и восточной церкви. Не удивительно поэтому, если пенитенціальная практика обѣихъ церквей, направленная къ постепенному преобразо-

¹⁾ См. выше, стр. 9.

²⁾ См. *Wasserschleben*, Bussordnungen, s. 113. § 23; ср. s. 10—11.

ванію быта и воззрѣній варварскихъ пришлецовъ, поселявшихся частію спорадически между прежнимъ христіанскимъ населеніемъ востока и запада, частію сплошными массами въ предѣлахъ Римской и Византійской церковной области, оказывалась совершенно тождественною по способамъ дѣйствования на эти грубыя массы, именно — примѣнялась къ ихъ обычаямъ и понятіямъ, обращая тѣ и другія въ средства для достиженія своей цѣли. Таково, въ частности, и настоящее правило, насквозь проникнутое варварскими юридическими воззрѣніями. Примѣръ употребленія подобнаго правила въ греческой церковной практикѣ мы уже видѣли въ житіи препод. Нила Младшаго.

Напрасно также почтенный авторъ выдаетъ за исключительную принадлежность западныхъ пенитенціаловъ и третью черту въ содержаніи Мерзбургскаго пенитенціала — „покаяніе духовныхъ лицъ, соразмѣряемое съ ихъ іерархическими степенями“. Доказательства противнаго въ обиліи находимъ въ другомъ сочиненіи самого проф. Суворова, озаглавленномъ: „Къ вопросу о тайной исповѣди и духовникахъ въ восточной церкви“ (Ярославль, 1886 г.). Здѣсь, между прочимъ, твердо обосновано положеніе, что и въ восточной церкви со временъ трульскаго собора (692 г.) епитимія, въ смыслѣ общаго церковнаго наказанія, назначалась не только мірянамъ, но и духовнымъ лицамъ за ихъ преступленія какъ противъ обще-христіанской дисциплины, такъ и противъ особенныхъ обязанностей по званію и должности (стр. 172—178). А что епитимія клирикамъ, въ томъ и другомъ случаѣ, „соразмѣрялась съ ихъ іерархическими степенями“, это и само по себѣ понятно, какъ необходимое требованіе справедливости („кому больше дано, съ того больше и взыщется“), и прямо доказывается греческими покаянными номоканонами. Такъ по Котельерову номоканону, епископъ за плотской грѣхъ подвергается 20-лѣтней епитиміи, пресвитерь 9-тилѣтней, діакопъ 6-тилѣтней ¹⁾. Въ томъ же номо-

¹⁾ См. въ этомъ номоканонѣ правила 140, 141 и 146 (Monum. eccles. graec. t. I, p. 92). Любопытный вариантъ къ первому правилу представляется въ

канонъ почтенный профессоръ могъ бы найти правило, доказывающее, что и постъ по найму обыченъ былъ не только варварскимъ германскимъ народамъ, но и греческому населенію Византійской имперіи — въ тѣхъ, конечно, мѣстностяхъ, гдѣ оно смѣшано было съ варварскимъ, или гдѣ населеніе было чисто-варварское, но съ греческимъ духовенствомъ ¹⁾).

Остается, наконецъ, одно правило Мерзбургскаго пенитенціала, подобнаго которому мы, дѣйствительно, не находимъ ни въ одномъ изъ извѣстныхъ намъ греческихъ покаянныхъ номоканонѣвъ, — „правило, воспреещающее духовнымъ лицамъ продолжать супружеское сожителство съ женами“. Шмицъ съ особеннымъ удареніемъ указываетъ на эту черту въ содержаніи занимающаго насъ пенитенціала, какъ на „безспорное“ доказательство западнаго его происхождения ²⁾. Но нашъ почтенный канонистъ въ настоящемъ случаѣ долженъ былъ бы обратить особенное вниманіе на то обстоятельство, что славянскій текстъ указаннаго правила, по „Заповѣди св. Отецъ“, довольно далеко расходится съ своимъ (предполагаемымъ) латинскимъ оригиналомъ. Приведемъ оба текста параллельно:

Si quis clericus vel cujuslibet superioris gradus, qui uxorem habuit, et post conversationem vel honorem iterum eam agnovit, sciat se

Аще который прнхътъникъ, или ващину утъ нмъмъ, оставль женоу, утъ прннметъ, и пакыю прннметъ, аще естъ дьяконъ, ѡ лѣтъ да покаеѣтса;

греческомъ покаянномъ номоканонѣ Мюнхенской королевской библиотеки *X отъка*: Ἐπίσκοπος ἐὰν πέσῃ εἰς ἀμαρτίαν γυναικός, ἔχει ἐπιτίμησιν ἕτη ἰε̄, ἐξαγγέλλων εἰς ἕτερον ἱερέα, καὶ λοιπά, εἴ τι ἂν παραγγέλλει αὐτῷ (cod. graec. № 498, fol. 221). Сравни вышеприведенное замѣчаніе проф. Суворова о томъ, что подобныя правила, вообще говоря, не встрѣчаются въ раннихъ греческихъ номоканонахъ. Но номоканонъ въ спискѣ X в., по нашему мнѣнію, есть достаточно ранній.

¹⁾ Приведемъ это правило вполне: Εἴ τις λάβῃ δώρημα, ἢ ἱερεὺς ἢ ἕτερός τις, τοῦ ποιῆσαι μετανοίας, καὶ οὐ ποιῆσει αὐτὰς εἰς καιρὸν αὐτοῦ, ἵνα ποιῆσῃ αὐτὰς διπλοῦν (прав. 69, Coteler. op. cit. p. 80). Правило не запрещаетъ брать на себя исполненіе чужой епитиміи по найму, а назначаетъ за неустойку въ этомъ договорѣ исполненіе епитиміи вдвое.

²⁾ Bussbücher, s. 231.

adulterium commisisse Idcirco
si diaconus, V annos poeniteat,
II ex his in pane et aqua,
si sacerdos, VII, III in pane
et aqua ¹⁾.

аще ли попъ, ꙗзъ да по-
кается.

Латинское правило, очевидно, мотивировано мыслию о целибатѣ, т. е. *обязательномъ* безбрачїи клириковъ высшихъ степеней, начиная съ діаконой (ordines majores), и выражаетъ эту мысль весьма энергично: sciat se adulterium commisisse; иначе, конечно, и не могъ выразиться западный церковный писатель, какимъ бы источникомъ онъ ни пользовался. Напротивъ, славянское правило (которому сейчасъ приведенныя слова латинскаго попитепціала вовсе неизвѣстны) говоритъ о добровольномъ оставленїи клирикомъ своей жены и возобновленїи сожитїя съ нею, послѣ возведенїя на высшую степень. Случаи оставленїя клириками своихъ жёнъ, по взаимному согласїю съ ними, во времена трульскаго собора были довольно обычнымъ явленїемъ въ „варварскихъ церквахъ“ (ἐν ταῖς βαρβαρικαῖς ἐκκλησίαις), входившихъ въ составъ Константинопольскаго патріархата. Соборъ, уступая жизненной силѣ такого обычая, какъ *мѣстнаго изытїя* изъ общаго правила, въ 30-мъ канонѣ своемъ постановилъ: „опредѣляемъ, да не имѣютъ болѣе (священники, разлучившіеся съ своими женами) сожителства съ ними, ни подъ какимъ видомъ, дабы симъ образомъ явили они намъ совершенное доказательство своего обѣта“. Впрочемъ, въ эпоху дѣйствїя Византїйскихъ гражданскихъ законовъ, дозволявшихъ разводъ по взаимному согласїю супруговъ (а такїе законы издавались въ Византїйской имперїи даже въ VIII или IX столѣтїи ²⁾), случаи, подобные указаннымъ въ 30-мъ канонѣ трульскаго собора, могли встрѣчаться и въ другихъ восточныхъ церквахъ, а не въ однѣхъ только варварскихъ. По нятно, что и здѣсь открывалось мѣсто дѣйствїю тогоже

¹⁾ См. у Суворова приложение № I, прав. 12.

²⁾ См. *Zachariae, Ius graeco-romanum*, pars III, p. 61—62, гдѣ помѣщенъ отрывокъ такой повелѣны неизвѣстнаго императора, относимой ученымъ издателемъ къ концу VIII или началу IX в. Ср. также примѣчанїе къ этому отрывку.

самаго правила: ибо клирикъ, добровольно и по взаимному обѣту съ своею женою прекратившій сожитіе съ нею, уже не можетъ возобновить этого сожитія безъ грѣха для себя и безъ соблазна для другихъ, особенно послѣ поставленія на высшую степень. Вотъ общій мотивъ какъ приведеннаго правила трульскаго собора, такъ и настоящей статьи славянской „Заповѣди св. Отець“¹⁾). Такимъ образомъ и эта статья „Заповѣди“ могла имѣть свой греческій подлинникъ, происшедшій или въ какой либо греко-варварской мѣстности, или въ такую эпоху, когда въ Византійской имперіи дѣйствовали вышеупомянутые законы о разводѣ по взаимному согласію. Первое представляется, впрочемъ, болѣе вѣроятнымъ.

Изъ всего до сихъ поръ сказаннаго само собою слѣдуетъ, что сходство и отчасти даже буквальное тожество славянской „Заповѣди св. Отець“ съ латинскимъ, такъ наз. Мерзбургскимъ пенитенціаломъ можетъ быть съ *полною вѣроятностью* объяснено такъ: оба эти разноязычные памятника произошли изъ одного общаго *греческаго* источника, сохранившагося до насъ только въ двухъ вышеприведенныхъ отрывкахъ. Этотъ выводъ до нѣкоторой степени подтверждается и ближайшимъ сравненіемъ текста „Заповѣди“ съ текстомъ предполагаемаго латинскаго ея оригинала. Тотъ и другой напечатанъ проф. Суворовымъ въ I-мъ приложеніи къ его книгѣ: латинскій— по изданію Вассершлебена (первыя 90 статей), славянской— по списку Румянцовской Кормчей № 230 съ вариантами по изданію Гейтлера въ *Euchologium Glagolski monastira Sinai*. Сравненіемъ обоихъ текстовъ занимается и проф. Суворовъ, но не столько съ цѣлью доказать происхожденіе славянской „Заповѣди“ отъ латинскаго пенитенціала (на это авторъ имѣетъ другія, намъ уже извѣстныя доказательства), сколько— въ интересахъ европейской науки, чтобы, при помощи своего открытія, содѣйствовать рѣшенію спорнаго между западными учеными во-

¹⁾ Покаянные номоканоны распространяли дѣйствіе этого правила и на мирянъ. Таково, напр., слѣдующее правило, приписываемое св. Ефрему Сирийцу: Ἐάν ἀνδρόγυνον χωρισθῆ, καὶ στραφῶσιν πάλιν ἀμφοτέροι, καὶ ἀναδέξεται εἰς τὸν ἄλλον, ἔχει ἐπιτίμιον ἕτη τβ'. *Spicil. Solesm. IV, p. 459, can. xv.*

проса о сравнительной древности двухъ редакцій пенитенціала, оказавшагося сходнымъ съ славянскою „Заповѣдью“: Мерзербургской, изданной Вассершлебенемъ, и Валицеллянской, изданной Шмицемъ (см. стр. 109—115). Признаемся, хотя бы и къ стыду своему: мы не особенно интересуемся этимъ западно-европейскимъ вопросомъ и предпочитаемъ ему заботу pro domo sua. Можетъ быть, профессоръ Суворовъ своимъ открытіемъ, дѣйствительно, оказалъ не маловажную заслугу европейской наукѣ въ разрѣшеніи вышеупомянутаго спорнаго вопроса; но русская наука не можетъ быть благодарна автору за то, что онъ сдѣлалъ съ текстомъ славянскою „Заповѣди“, при сравненіи ея съ латинскимъ пенитенціаломъ. Онъ разрушилъ оригинальный порядокъ ея статей, какой имѣютъ онѣ въ основномъ списокѣ (Румянц. Кормчей), и размѣстилъ ихъ въ порядкѣ латинскаго пенитенціала (съ удержаніемъ, впрочемъ, нумераціи подлинника), именно: 17-ю статью поставилъ послѣ 14-й, 20-ю — послѣ 47-й, 22-ю — послѣ 40-й, 49-ю — послѣ 23-й. Мотивомъ этой перетасовки, какъ видно изъ подстрочныхъ примѣчаній къ нѣкоторымъ изъ перестановленныхъ статей, было желаніе автора, во что бы то ни стало, найти латинскій двойникъ для каждой статьи славянскаго текста. Дѣло это оказалось весьма не легкимъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ — почти невозможнымъ. Такъ, сопоставивъ 20-ю статью „Заповѣди“, по Румянц. Кормчей, съ 83-ю статьею латинскаго пенитенціала, авторъ вынужденъ былъ замѣтить: „видво, что настоящая статья *не есть буквальный переводъ котораго либо изъ нѣсколькихъ Мерзебургскихъ каноневъ, разсуждающихъ о небрежности разнаго рода въ отношеніи къ св. дарамъ* (20-я статья „Заповѣди“ говоритъ о пролитіи св. даровъ); но этому непріятному сознанію предпосылается успокоительная оговорка: „статья этой нѣтъ у Гейтлера, да и въ Румянц. Кормчей она составляетъ неумѣстную вставку, по крайней мѣрѣ въ той редакціи, какую она получила здѣсь, такъ какъ является повтореніемъ... 47-й статьи славянскою „Заповѣди“: значитъ — подразумѣвается — смущаться тутъ нечѣмъ (см. прилож. № I, стр. XXIV). Въ другихъ случаяхъ перестановка статей „Заповѣди“ съ мѣста на мѣсто совершается безъ всякихъ

объясненій со стороны автора (такъ именно переставлены статьи 17-я и 49-я: см. тамъ же, стр. VII и X—XI), или сопровождается лаконическимъ указаніемъ уже извѣстнаго намъ *общаго* мотива всѣхъ такихъ распоряжковъ: „Мѣсто, занимаемое этою (22-ю) статьею какъ въ Румянц. Кормчей, такъ и у Гейтлера, *не соответствуетъ латинскому пенитенціалу*:“ значить — подразумѣвается — она должна быть поставлена тамъ, куда указываетъ этотъ послѣдній (стр. XVII). Но и въ тѣхъ случаяхъ, когда не было надобности перемѣнять порядокъ статей „Заповѣди“ по требованію латинскаго пенитенціала, авторъ, въ качествѣ согласителя обоихъ текстовъ, не рѣдко оказывался въ крайне затруднительномъ положеніи. Такъ, напримѣръ, сопоставляя 28-ю статью „Заповѣди“ съ 35-ю статьею Мерзебургскаго пенитенціала, онъ долженъ былъ сознаться, что „эта статья, говорящая о *блудѣ* съ вдовою или дѣвицею, можетъ быть поставлена въ соотношеніе къ опредѣленной (т. е. 35-й) статьѣ латинскаго подлинника, рассуждающей о *похищеніи* вдовы или дѣвицы, только благодаря связи ея съ предыдущимъ, — связи, которая воспроизводится *въ нѣсколькихъ пенитенціалахъ* (стр. XII). Особенно характерно слѣдующее замѣчаніе, сдѣланное проф. Суворовымъ по тому поводу, что одна статья „Заповѣди“, стоящая въ Румянц. Кормчей подъ № 27, у Гейтлера занимаетъ самое послѣднее мѣсто: „должно сознаться говорить авторъ, что если бы и въ Румянц. Кормчей статья эта стояла на послѣднемъ же мѣстѣ, *едвали бы даже возможно было установить соответствие между нею и какою либо изъ статей латинскаго подлинника*, — такъ далека славянскій переводъ отъ латинскаго подлинника!“ (стр. XI—XII). И тутъ еще не конецъ всѣмъ затрудненіямъ: въ славянской „Заповѣди“ оказываются три статьи, которыя даже проф. Суворовъ отказался приладить къ какимъ нибудь статьямъ Мерзебургскаго пенитенціала. Одна изъ нихъ находится въ *обоихъ* спискахъ „Заповѣди“ и читается такъ: „*Аще кто кого заканимъ стѣми, толи оупнивѣса бяюеть, ѿ дини да поклетьса ѿ хлѣбъ и ѿ вода; аще ли иеть дѣлкъ, да ѿ лѣтъ ѿ хлѣбъ и ѿ вода* ¹⁾. Другая, именпо: „*Аще кто*

1) Въ *обоихъ* спискахъ статья эта занимаетъ предпослѣднее мѣсто. Мы привели ее по Румянцевскому списку, безъ вариантовъ Гейтлерова изданія.

къ вѣхвѣмъ ходитъ, ꙗ лѣта да покается: двѣ уасти хлѣба, а третнюю попеа да ксть“—имѣется только въ Рум. спискѣ, занимая въ немъ самое послѣднее мѣсто. Третья составляетъ принадлежность одного Синайскаго списка и является здѣсь въ видѣ слѣдующей прибавки къ 45-й (по Рум. списку 47-й) статьѣ „Заповѣди“ (о пролитіи св. даровъ): „кто въ цркви съпа, толи емоу врагъ блзнь принесеть въ зль, ж̄ (7) день да поститъса, и да поклонитъса на день р̄“. Какъ же проф. Суворовъ рѣшаетъ вопросъ о происхожденіи этихъ излишковъ „Заповѣди“, сравнительно съ ея оригиналомъ?—Очень просто: первую и послѣднюю статью онъ сопоставляетъ съ *другими* латинскими пенитенціалами, значитъ—признаетъ „Заповѣдь“ не только переводомъ съ Мерзбургскаго пенитенціана, но и *компиляціей* изъ разныхъ латинскихъ сборниковъ тогоже содержанія ¹⁾. Это—уже новость, къ которой почтенный авторъ ничѣмъ насъ не приготовилъ и о которой, поэтому, мы ничего сказать не можемъ. Замѣтимъ только, что послѣднія слова третьей статьи: „и да поклонитъса на день р̄“, слова, очевидно говорящія объ извѣстныхъ *μετάνοια* греческихъ покаянныхъ номоканонъ, никакъ не могутъ быть признаны заимствованіемъ изъ какого либо латинскаго пенитенціала, которые въ составѣ каноническаго наказанія за грѣхи вовсе не знаютъ ежедневнаго совершенія опредѣленнаго числа земныхъ поклоновъ (*μετάνοια*). Что же касается до второй изъ выше приведенныхъ статей „Заповѣди“, не находящихся въ Мерзбургскомъ пенитенціалѣ, то проф. Суворовъ, безъ всякихъ околичностей, приписываетъ ее не переводчику, а переписчику (стр. 111; ср. прилож. № I, стр. XXVIII).—*Sic volo, sic jubeo!*

Таково отношеніе славянской „Заповѣди“ къ латинскому пенитенціалу *въ цѣломъ ея составѣ*. Войдемъ теперь въ ближайшее разсмотрѣніе *отдѣльныхъ* статей того и другого текста, сопоставляемыхъ авторомъ, какъ переводъ съ подлинникомъ. Наиболѣе близкими къ пенитенціалу оказываются слѣдующія статьи „Заповѣди“: 2-я, 7-я, 10-я (=лат. 9),

¹⁾ См. стр. 112 и прилож. № I, стр. XVIII и XXVIII (примѣчанія).

19-я (=лат. 18), 21-я (=лат. 19), 26-я, читаемая по Гейтлеру (=лат. 33), 33-я (=лат. 44), 41-я (=лат. 60), 43-я (=лат. 64). Затѣмъ всѣ остальные статьи болѣе или менѣе уклоняются отъ сопоставляемыхъ съ ними латинскихъ текстовъ. Самъ проф. Суворовъ указываетъ на уклоненія двоякаго рода. Впервыхъ: „въ славянскомъ текстѣ есть нѣкоторыя лишнія слова противъ латинскаго“ (стр. 111). Правильнѣе было бы сказать: не слова, а цѣлыя предложенія (срав. напримѣръ славянскій текстъ, поставленный противъ 40-й, 46-й и 51-й статей латинскаго). Этому мало: къ 4-й статьѣ латинскаго пенитенціала авторъ приурочилъ два правила славянской „Заповѣди“ (3-е и 4-е), изъ коихъ послѣднее, сравнительно съ указаннымъ для него подлинникомъ, представляетъ очевидный логическій плеоназмъ, такъ что это правило, по настоящему, слѣдуетъ причислить къ вышеупомянутымъ тремъ статьямъ „Заповѣди“, не имѣющимъ себѣ подобій въ Мерзебургскомъ пенитенціалѣ¹⁾. И наоборотъ: въ славянскомъ текстѣ есть болѣе или менѣе значительныя сокращенія противъ латинскаго: одно изъ нихъ (въ 12-й статьѣ) мы уже видѣли выше (стр. 20); въ примѣръ другихъ можно указать на статьи 40-ю (=лат. 57) и 46-ю (=лат. 78); а 32-я статья „Заповѣди“ представляется слитіемъ двухъ, довольно длинныхъ статей латинскаго пенитенціала (41-й и 42-й). Вовторыхъ: въ славянскомъ текстѣ, по указанію профессора Суворова, „встрѣчаются частыя

¹⁾ Объ отношеніи латинской статьи къ поставленнымъ противъ нея двумъ славянскимъ пусть судить самъ читатель по ниже слѣдующему подлинному тексту ихъ:

4. Si quis fornicaverit, sicut sodomita fecerit, X annos poeniteat, III ex his in pane et aqua, et nunquam cum alio dormiat.

Г. Аще которыи приуѣтъникъ содомьскыи блудъ створишь, ꙗко ѿвѣтъ да покажеться, ꙗко ѿ нихъ ѿ хлѣба и ѿ вода.

Д. Аще которыи приуѣтъникъ блудъ створишь, ꙗко ѿвѣтъ да покажеться.

О простомъ блудѣ и особенномъ наказаніи за него (сравнительно съ содомствомъ) латинскій текстъ ничего не знаетъ

отступленія отъ Мерзбургскаго пенитенціала въ срокахъ покаянія“ (стр. 111),—гораздо болѣе частыя, должны мы прибавить, чѣмъ сколько указано авторомъ. Но особеннаго вниманія заслуживаютъ, конечно, тѣ статьи славянской „Заповѣди“, въ которыхъ, какъ мы видѣли, и самъ проф. Суворовъ едва могъ уловить черты сходства съ латинскимъ пенитенціаломъ. Глубокое несогласіе этихъ статей съ указанными для нихъ оригиналами почтенный авторъ относитъ къ „недомыслию переводчика“ (стр. 115). Посмотримъ, все ли тутъ можно объяснить однимъ „недомыслиемъ“. Возьмемъ прежде всего 27-ю статью „Заповѣди“, удивившую почтеннаго автора своею отдаленностію отъ латинскаго оригинала (ст. 34). Послѣдній начинается словами: *si quis mathematicus fuerit, id est per invocationem daemonum mentes hominum tulerit*. Въ свою очередь славянскій текстъ говоритъ: **Аще кто клатъ боудеть, толн молитъса сътонамъ** и пр. Почему проф. Суворовъ думаетъ, что „клатъ боудеть“ есть непременно переводъ латинскихъ рѣченій: *mathematicus fuerit*? Не вѣроятнѣ ли допустить, что и *mathematicus* и **клатъ**—два разноязычные, и равно неправильные, перевода греческаго слова *ἐπαροιδός*—заклинатель? По крайней мѣрѣ всѣ признаки, которыми латинскій пенитенціалъ характеризуетъ своихъ „математиковъ“ (*per invocationem daemonum mentes hominum tulerit. aut debacchantes fecerit*), а славянская „Заповѣдь“—своихъ „клатыхъ“ („молитъса сътонамъ, имена нмъ творитъ тлѣвѣскамъ“), болѣе идутъ къ заклинателямъ, чѣмъ къ т. назыв. „математикамъ“, т. е. астрологамъ, специальность которыхъ состояла въ предсказываніи будущаго по звѣздамъ. Дѣятельность же заклинателей (*ἐπαροιδοί, γόητες*—*incantatores*) описывается греческими канонистами совершенно согласно съ настоящею статьею латинскаго пенитенціала и славянской „Заповѣди“, на примѣръ: *Γόητες μὲν εἰσὶν, οἳ καὶ ἐπαροιδοὶ καλοῦνται, οἱ διὰ τινῶν μαγικῶν ἐπιφοδῶν ἢ θηρίᾳ καταδεσμοῦντες, ἢ πρὸς βλάβην ἀνθρώπων, ἢ καὶ ὠφέλειαν τῷ δοκεῖν ποιούτες τινα πρὸς βλάβην μὲν, νόσους, ἢ παραφροσύνας (=mentes hominum tulerit, debacchantes fecerit), ἢ παρέσει: ἐπάγοντες... ἐπικλήσει δαιμόνων (per invocationem daemonum) ¹⁾.*

¹⁾ Σουλ. IV, 307.

Или: Γόητες οἱ δαίτικοι ἄδοντες ψαλμοῦς, καὶ ὀνομάτων μαρτυρικῶν μεμνημένοι καὶ τοῖτοι τῆν ἐκ τῶν δαιμόνων παρενεύροντες χορταίαν (МОЛИТЪСА СЪТОНЛМЪ, ИМЕНАНМЪ ТВОРИТЬ УЛВУСКИА) ¹⁾). Изъ другихъ указанныхъ профессоромъ Суворовымъ примѣровъ „недомыслия“ славянскаго переводчика особенно замѣчательны слѣдующіе два. *Вопервымъ*: „латинскія слова, въ которыхъ покаяніе назначается со ссылкой на предыдущую статью: sicut in superiore sententia, переведены неправильно: „**понеже ващшии ієсть нареуєна**“, а у Гейтлера даже: „**ващшина реуєтса**“ (стр. 114). Чтобы понять, въ чемъ тутъ состоитъ „недомыслие“ переводчика, необходимо привести оба текста вполнѣ:

13. Si quis fornicaverit cum sanctimoniali vel Deo dicata, sicut in superiore sententia, unusquisque juxta ordinem suum poeniteat ²⁾.

гї. Аще кто съ уѣрницею блудѣ сътворитъ, понеже ващъшии ієсть нареуєна (ващшина реуєтса), г лѣта да поклѣтса ѿ хлѣбъ и ѿ водѣ.

Неужели славянскій текстъ можно принять за переводъ съ латинскаго, хотя бы и „недомысленный“? Между ними только одно сходство: оба говорятъ о блудѣ съ черницей. Но какъ говорятъ?—Латинскій—съ глухою ссылкой на предыдущее правило; славянскій—съ указаніемъ мотива епитиміи, назначенной имъ за это прегрѣшеніе, совершенно независимо отъ предыдущаго правила. Мотивъ понятенъ самъ по себѣ: „**понеже (уѣрница) ващшии ієсть нареуєна**“ или: „**ващшина реуєтса**“ ³⁾—имѣетъ преимущество предъ простою женщиной. Погречески это могло быть выражено такъ: διότι μέζων λογιέται. Какъ бы то ни было, только разница между латинскимъ и славянскимъ текстомъ такъ велика, что сопостав-

¹⁾ Σουλ. VI, 357.

²⁾ Предыдущее правило (12-ое), говорящее о латини о celibatѣ клириковъ, а послаславянски—о добровольномъ оставленіи клириками своихъ женъ, приведено нами выше на стр. 20.

³⁾ Слово *ващшина* приводится въ лексиконѣ Миклошича въ значеніи греч. ὑπεροχή. Но мы думаемъ, что Гейтлеръ неправильно прочиталъ или напечаталъ тутъ свою рукопись, и, по указанію Румянц. списка, предлагаемъ такое чтеніе: *ващшии нареуєтса*.

леніе ихъ, какъ подлинника и перевода, было бы своего рода „недомыслиемъ“. — *Во вторыхъ*: „слова латынскаго пенитенціала: si quis aliquid de *ministerio* sanctae ecclesiae vel quaecunque opus quolibet modo fraudaverit vel neglexerit переведены: „аще кто ѿ монастырьскыя цркви тькмо что оукрдетъ“ (стр. 115). Очевидно, проф. Суворовъ предполагаетъ, что переводчикъ вм. *ministerium* прочиталъ *monasterium*, и думаетъ: какимъ бы образомъ могло произойти такое ошибочное чтеніе, если бы онъ, переводчикъ, имѣлъ передъ глазами греческій текстъ, тождественный по содержанию съ латинскимъ, т. е. говорящій о порчѣ или небрежномъ содержаніи св. сосудовъ и вообще церковной утвари (*ministerium*)? Вѣдь погречески эти предметы называются: *σκεῦη*, *στολαί* и другими именами, не имѣющими никакого созвучія съ латинскими *ministerium* или *monasterium*? Откуда же могъ взяться въ славянскомъ переводѣ „монастырь“? Отвѣчаемъ: если у переводчика былъ подъ руками греческій текстъ, совершенно сходный съ выше приведеннымъ латинскимъ, то и въ этомъ текстѣ могло стоять латинское слово *ministerium*, съ тѣмъ же самымъ значеніемъ, какое имѣло оно на западѣ ¹⁾, въ особенности если допустить, что греческій подлинникъ, съ котораго переведена славянская „Заповѣдь“, произошелъ также на западѣ, именно — въ Италіи. Значить, ошибка въ переводѣ, т. е. принятіе *ministerium* за *monasterium*, могла одинаково случиться при чтеніи какъ латинскаго, такъ и греческаго текста. Но едва ли есть необходимость предполагать тутъ такую ошибку: славянскій переводчикъ могъ имѣть дѣло съ одною редакціею греческаго правила (согласною съ чтеніемъ „Заповѣди“), а латинскій — съ другою (какую видимъ въ Мерзебургскомъ пенитенціалѣ).

Такимъ образомъ и чрезъ ближайшее сравненіе текста славянской „Заповѣди“, съ текстомъ слоднаго съ нею латинскаго пенитенціала мы утверждаемся въ предположеніи, что она есть переводъ не съ латинскаго, а съ греческаго подлинника. Самый языкъ „Заповѣди“ какъ будто не сво-

¹⁾ См. это слово въ Глоссаріяхъ (греко-варварскихъ) Дюканжа и Меурсія.

бодень отъ нѣкоторыхъ эллинизмовъ, или такихъ оборотовъ, которыхъ не могъ бы допустить переводчикъ, если бы онъ имѣлъ дѣло съ латинскимъ оригиналомъ, но которые совершенно понятны и естественны въ одномъ изъ старшихъ славянскихъ переводовъ съ греческаго. Напримѣръ: въ соотвѣтствіе словамъ латинскаго пенитенціала: *Si quis veneficio aliquem perdidit* (ст. 9), славянская „Заповѣдь“ говоритъ: „Аще ли кто отравленна дѣла (или по другому списку: отравенна радн) погоуентъ улѣзка“ (ст. 10). Оборотъ: „отравленна дѣла или радн“ могъ быть только буквальнымъ переводомъ греческаго: *διὰ φαρμάκου*, а не латинскаго безпредложнаго: *veneficio*. Но объ этомъ—довольно.

„Заповѣдь св. Отець“, какъ краткій епитимейникъ, первоначально, по всей вѣроятности, соединялась съ „чиномъ исповѣди“. Древнѣйшій списокъ этого „чина“ находится въ томъ же Синайскомъ глаголическомъ Евхологіонѣ, въ которомъ мы, благодаря изданію Гейтлера, имѣемъ и старшій списокъ „Заповѣди“. Хотя въ самомъ Евхологіонѣ эти двѣ статьи („чинъ надъ исповѣдающимся“ и „Заповѣдь“) и отдѣлены одна отъ другой довольно длиннымъ „чиномъ“ постриженія въ монашество (стр. 147 — 188), но между ними несомнѣнно существуетъ тѣсная матеріальная связь, такъ какъ принятіе исповѣди и наложеніе епитиміи на кающагося составляютъ начало и конецъ одного и того же дѣла, совершаемаго духовникомъ нераздѣльно. Конечно, въ виду этой связи, всего же болѣе—въ твердомъ убѣжденіи, что „Заповѣдь“ происходитъ изъ латинскаго источника, проф. Суворовъ въ концѣ своего изслѣдованія объ ней выступилъ съ догадкою, что и „чинъ исповѣди“, имѣющійся въ Синайскомъ Евхологіонѣ, образовался подъ влияніемъ того же запада. Главнымъ основаніемъ этой догадки послужило замѣчаніе Гейтлера, высказанное имъ въ предисловіи къ своему изданію,—что въ „чинѣ надъ исповѣдающимся“ *только двѣ* молитвы могутъ быть сопоставлены съ греческимъ ориги-

наломъ у Гоара (см. у Суворова стр. 116 и у Гейтлера XV). „Если такъ, подхватываетъ нашъ авторъ, то отсюда слѣдуетъ заключить, что переводчикъ—составитель славянскаго Евхологія—не нашелъ въ греческой церковной практикѣ того, что ему требовалось, и что, слѣдовательно, у грековъ не было еще въ то время выработаннаго экзомологитарія ¹⁾, или чинопослѣдованія исповѣди, какъ не было и выработаннаго канонарія, т. е. совокупности правилъ о наложеніи духовникомъ покаянія за разные грѣхи, не было, по крайней мѣрѣ, такого экзомологитарія и канонарія, которые бы имѣли приложеніе не къ монахамъ только и монахинямъ, а вообще ко всему христіанскому народу. Что касается канонарія, то составитель сборника (т. е. Синайскаго Евхологіона), какъ мы видѣли, превратилъ латинскій пенитенціалъ въ Заповѣдь св. отецъ. Относительно же экзомологитарія *нельзя съ увѣренностью утверждать*, чтобы онъ былъ переводный (конечно—съ латинскаго), хотя невольно бросается въ глаза сходство нѣкоторыхъ мѣстъ въ „чинѣ надъ исповѣдающимся“ съ наставленіемъ объ исповѣди Отмара, аббата с. галленскаго, его ученикамъ, каковое наставленіе напечатано у Вассершлебена въ „Bussordnungen“ (стр. 125). Чтобы подкрѣпить всѣ эти гаданія, авторъ связываетъ ихъ съ вопросомъ о подлинности знаменитаго покаяннаго номоканона восточной церкви, усвояемаго общимъ преданіемъ Константинопольскому патріарху Іоанну Постнику († 596).

„Какъ извѣстно, говорить на эту тему проф. Суворовъ, относительно подлинности епитимійнаго греческаго номоканона, дошедшаго до насъ съ именемъ Іоанна Постника, еще съ конца XI столѣтія заявлены были сомнѣнія, не устраненныя и въ настоящее время. До сихъ поръ однако *никому изъ русскихъ ученыхъ* не представлялось случая обратить вниманіе на тотъ фактъ, что въ древнѣйшемъ славянскомъ сборникѣ (т. е. въ Синайскомъ Евхологіонѣ) „чинъ надъ

¹⁾ Проф. Суворовъ постоянно пишетъ „экзомологистарій“, вѣроятно, повторяя нашу корректурную ошибку, допущенную въ „Номоканонѣ при Бол. Требникѣ“. Пользуемся настоящимъ случаемъ, чтобы исправить свою ошибку и предостеречь отъ нея другихъ.

исповѣдающимся“ не представляетъ сходства ни съ однимъ изъ сохранившихся съ именемъ Іоанна Постника чинопослѣдованій и канонаріевъ. Позволительно думать, что если бы около половины IX вѣка существовали у грековъ выработанное чинопослѣдованіе исповѣди и опредѣленный сборникъ правилъ для наложенія епитимій за грѣхи, то составителю славянскаго Евхологія не было бы надобности самому составлять (!) „чинъ надъ исповѣдающимся“, руководясь *западной церковной практикой* (итакъ теперь можно говорить объ этомъ уже „съ увѣренностью“?), и тѣмъ менѣе было надобности вносить въ свой сборникъ „Заповѣдь св. отецъ“, прямо переведенную съ латинскаго пенитенціала“ (стр. 125—126). Остановимся на минуту, чтобы дать себѣ отчетъ въ приведенныхъ выпискахъ, хотя тутъ далеко еще не все, что авторъ нашелъ нужнымъ сказать на ту же тему. Замѣтимъ прежде всего, что если Гейтлеръ могъ найти у Гоара греческіе подлинники только для двухъ молитвъ изъ числа семи, имѣющихся въ Синайскомъ глаголическомъ „чинѣ надъ исповѣдающимся“, то нашъ ученый канонистъ, прежде чѣмъ дѣлать какіе нибудь рѣшительные выводы изъ этого обстоятельства, долженъ былъ бы поискать въ другихъ печатныхъ изданіяхъ греческаго чина исповѣди, не найдется ли въ нихъ подлинниковъ и для остальныхъ молитвъ славянскаго „чина надъ исповѣдающимся“, изданнаго Гейтлеромъ. Поиски были бы не напрасны и даже не особенно трудны, такъ какъ они сдѣланы уже другими русскими учеными, задолго до выхода въ свѣтъ книги проф. Суворова. Такъ покойный проф. И. Д. Мансветовъ въ своей превосходной статьѣ о Синайскомъ глаголическомъ Евхологіонѣ указалъ греческій подлинникъ еще для двухъ молитвъ, находящихся въ чинѣ исповѣди этого Евхологіона ¹⁾). Если бы это указаніе было извѣстно нашему почтенному канонисту, то онъ, по всей вѣроятности, иначе бы редактировалъ выписанныя нами мѣста въ его книгѣ и, между прочимъ, воздержался бы отъ заявленія, — что „никто изъ русскихъ ученыхъ не обратилъ вниманія на *несходство* древнѣйшаго славянскаго

¹⁾ Приб. къ Твор. св. Отецъ, 1883, ч. 32, стр. 375—377.

чина исповѣди съ какимъ либо греческимъ чинопослѣдованіемъ и канонаріемъ, сохранившимся съ именемъ Іоанна Постника“: указанные И. Д. Мансветовымъ двѣ греческія молитвы, имѣющія своихъ двойниковъ въ славянскомъ Синайскомъ Евхологіонѣ, находятся какъ разъ въ чинопослѣдованіи исповѣди, посвящемъ на себѣ имя патріарха Іоанна Постника и напечатанномъ у Алляція и Морина ¹⁾). Такимъ образомъ вниманіе русскихъ ученыхъ, занимавшихся славянскимъ чиномъ исповѣди по Синайскому Евхологіону прежде проф. Суворова, обращено было и на греческое чинопослѣдованіе съ именемъ Іоанна Постника, при чемъ оказалось, что въ этомъ чинопослѣдованіи имѣются четыре молитвы, находящіяся и въ сейчасъ упомянутомъ славянскомъ чинѣ, и что всѣ вообще, и греческія и славянскія, редакціи чина исповѣди, при всей ихъ „неустойчивости“ (замѣчаніе И. Д. Мансветова), постоянно сохраняли въ себѣ тѣ или другія составныя части своего общаго прототипа, усвояемаго преданіемъ Іоанну Постнику. Итакъ изъ семи молитвъ, входящихъ въ составъ древнѣйшаго славянскаго чина исповѣди, мы не можемъ указать греческихъ подлинниковъ только для трехъ: первой (у Гейтлера на стр. 131—133) и двухъ послѣднихъ (стр. 142—147). Но достаточно хоть бѣгло прочитать какъ эти молитвы, такъ и

1) Пославянскіи молитвы эти начинаются словами: **Вѣ́ко гѣ ѿѣ при-
зываети праведники** (Гейтлеръ, стр. 135); другая: **Гѣ ѿѣ спѣннѣ моего**
(стр. 134). Погречески: Δέσποτα κύριε ὁ θεός, ὁ καλῶν δικαίους (Allatius,
De consens. p. 1316—1317; Morinus, op. cit. p. 618); другая: Κύριε ὁ θεός
τῆς σωτηρίας τῶν δοῦλων σου (Allatius, p. 1317; Morinus, p. 618). Но по-
слѣдняя молитва гораздо ближе къ славянскому тексту читается въ одной
рукописи Вѣнской придворной библіотеки (Cod. hist. graec. № 75, fol. 193 v.),
откуда она обязательно списана для насъ профессоромъ В. В. Ягичемъ.
Считаемъ не лишнимъ привести ее вполнѣ по этой рукописи: Κύριε ὁ θεός
τῆς σωτηρίας ἡμῶν, ὁ ἐλεήμων καὶ οἰκτεῖρμων, μακρόθυμος καὶ πολυέλεος,
ὁ κλῖνας οὐρανοῦς καὶ καταβάς ἐπὶ σωτηρίαν τοῦ γένους τῶν ἀνθρώπων,
ὁ μὴ βουλόμενος τὸν θάνατον τοῦ ἁμαρτωλοῦ πρὸς τὸ ἐπιστρέφαι καὶ
ζῆν αὐτόν· αὐτὸς δέσποτα παρακλήθητι ἐπὶ τὸν δοῦλόν σου, τὸν δ., παρά-
σχον αὐτῷ τόπον καὶ καιρὸν μετανοίας, συγγνώμην ἁμαρτιῶν, ἴλασμόν
πταισμάτων, χαρίζομενος αὐτῷ πᾶν πλημμέλημα ἐκούσιόν τε καὶ ἀκούσιον,
καὶ διαλλάγητι αὐτόν καὶ σύναφον τῇ ἀγία σου ἐκκλησία.

всѣ прочія составныя части „чина“, чтобы замѣтить въ тѣхъ и другихъ ясные слѣды происхожденія изъ греческаго источника: языкъ всего „чина“ изобилуетъ словами и оборотами рѣчи, свойственными только переводу *съ греческаго* ¹⁾. Сказаннаго совершенно достаточно, чтобы видѣть, насколько основательно предположеніе профессора Суворова, — что „славянскій переводчикъ греческаго Евхологіона (подлинника Синайской глаголической рукописи) *самъ составилъ* „чинъ надъ исповѣдающимся“, *руководясь западной церковной практикой*“. Единственнымъ оправданіемъ этой смѣлой гипотезы служить уже слишкомъ осторожная оговорка автора, что ему „невольно бросилось въ глаза сходство нѣкоторыхъ мѣстъ въ „чинѣ надъ исповѣдающимся“ съ наставленіемъ объ исповѣди Отмара, аббата с. галленскаго“. Осторожность была весьма кстати: ибо изъ приложенія къ книгѣ № II, гдѣ напечатанъ отрывокъ изъ Отмарова наставленія, параллельно съ якобы „сходными мѣстами въ чинѣ надъ исповѣдающимся“, всякій читатель, „имѣющій очи видѣти“, увидитъ, что между сопоставленными здѣсь латинскимъ и славянскимъ текстами нѣтъ ни малѣйшаго сходства.

Отъ славянскаго „чина исповѣди“, помѣщеннаго въ Синайскомъ глаголическомъ Евхологіонѣ, проф. Суворовъ переходитъ къ тому греческому, которымъ обыкновенно начинаются списки покаяннаго номоканона, носящаго на себѣ имя Іоанна Постника. Въ рядѣ скромныхъ вопросовъ авторъ старается внушить читателю мысль, что и этотъ номоканонъ обязанъ, если не своимъ происхожденіемъ, то надписаніемъ и внутреннимъ характеромъ, вліянію все тѣхъ же западныхъ понитенціаловъ. „Не выражаютъ ли собою — такъ начинается свои вопросы проф. Суворовъ— дошедшіе до насъ съ

1) Эллинизмы особенно замѣтны тамъ, гдѣ проф. Суворовъ всего болѣе подозрѣваетъ латинское вліяніе, — въ началѣ „чина надъ исповѣдающимся“, напр., стр. 124: **отъмываемъ же пакы грѣхы отъ себя, и же по крѣпленнѣ сътворше**; стр. 125: **дѣтогочеленнѣ** (*παίδουχολογία*); стр. 128: **земельганне** (*χαμακοίτια*); **истоко есть покаянне е же** (*τὸ*) **единою отъстѣжнѣше отъ грѣхъ, къ томоу не възвратнса** (*τὸ μὴ ἐπιστρέφειν*); стр. 129: **соуховдець** (*ἐτηροφάωον*) и др.

именемъ Іоанна Постника греческіе покаянные уставы уже извѣстной реакціи латинскимъ покаяннымъ уставамъ, послѣ того, какъ отношенія между востокомъ и западомъ обострились до открытой вражды и до церковнаго раздѣленія? Не значить ли это настойчивое помѣщеніе имени Іоанна Постника въ заголовкѣ греческихъ покаянныхъ уставовъ, что греки имѣютъ свои покаянные уставы не отъ латинскаго Іоанна (Кассіана), съ *sermo de poenitentia* котораго начинался наприм. Мерзбургскій пенитенціалъ, а отъ своего восточнаго Іоанна Постника, патріарха Константинопольскаго, прославленнаго не только аскетическою жизнію своею, но и отстаиваніемъ привилегій Константинопольскаго патріархата, не смотря на вразумленія (итакъ сами греки сознавали, что Іоаннъ Постникъ былъ „не въ своемъ разумѣ“, когда „отстаивалъ привилегіи своего престола?“), представленія и жалобы римскаго папы Григорія Великаго, и вѣроятно на самомъ дѣлѣ оставившаго нѣкоторыя наставленія объ исповѣди и покаяніи? Не свидѣтельствуетъ ли затѣмъ самая система восточныхъ покаянныхъ руководствъ, или, правильнѣе сказать, претензія на систематичность въ классифицированіи грѣховъ и образовъ покаянія,—такъ какъ нигдѣ система сколько нибудь правильнымъ образомъ не выдерживается—о томъ же реакціонномъ или оппозиціонномъ направленіи этихъ руководствъ по отношенію къ западу?“ (стр. 126—127).

На всѣ три вопроса можно отвѣчать только: нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ. И вопервыхъ: система церковныхъ покаяній, о которой свидѣтельствуетъ такъ называемый Постниковъ номоканонъ, несомнѣнно установилась на востокѣ задолго до раздѣленія церквей и совершенно независимо отъ какой либо оппозиціи латинскому западу. (Да и что за „оппозиція“, состоящая въ подражаніи западнымъ образцамъ, въ исправленіи по нимъ своей церковной практики? Шмицъ логически, но не исторически, былъ болѣе правъ, когда доказывалъ, что субботній постъ сдѣлался на западѣ общеобязательнымъ только съ IX вѣка, вслѣдствіе оппозиціи *противоположной* практикѣ греческой церкви). Въ общихъ чертахъ система церковныхъ покаяній, принятая въ т. наз. Постниковомъ

номоканонѣ, какъ уже выше замѣчено, подтверждена, была еще трульскимъ соборомъ (692) въ его послѣднемъ канонѣ. Соборъ высказываетъ, а номоканонъ подробно развиваетъ ту общую мысль, что древнія строгія правила о продолжительныхъ покаяніяхъ не имѣютъ безусловнаго значенія; напротивъ, получившій власть *вязать и разрѣшать* долженъ обращать вниманіе на нравственное расположеніе и другія обстоятельства кающагося: если онъ показываетъ искреннее и глубокое раскаяніе и если грѣхъ совершенъ при обстоятельствахъ, допускающихъ извѣстную мѣру снисхожденія къ виновному, то срокъ епитиміи, опредѣленный въ древнихъ канонахъ, можетъ быть сокращенъ на половину и болѣе; въ противномъ случаѣ духовникъ обязанъ держаться точнаго смысла каноническихъ правилъ. Иногда сходство между покаяннымъ номоканономъ и соборнымъ правиломъ становится почти буквальнымъ. Позволяемъ себѣ провести здѣсь краткую параллель между тѣмъ и другимъ:

Номоканонъ I. Постника
(Pitra, Spicicil. Solesm. t. IV,
p. 438; Morinus, De admin.
sacr. poenit. ed. 1702).

Δεῖ τὸν δεχόμενον τὴν ἐξομολόγησιν μὴ εἰς ὄγκον, μήτε εἰς πλήθος βλέπειν ἁμαρτημάτων, εἰ καὶ ὑπὲρ φύσιν εἰσὶ τὰ ἁμαρτήματα, ἀλλ' εἰς μόνην ἀφορᾶν τὴν τοῦ θεοῦ εὐσπλαγγνίαν, καὶ πᾶσαν ἰλαρότητα ἔχειν τότε πρὸς τὸν ἐξομολογούμενον..... "Ὅτι οὐ πρὸς τὴν ἀναλογίαν τῶν ἁμαρτημάτων παρὰ τοῖς χρηστοῖς καὶ εὐσπλαγγχοῖς καὶ Χριστομιμήτοις, καὶ τοῖς καλῶς διακρίναι δυνάμενοις καὶ πρόσωπον, καὶ φύσιν, καὶ ὄραν, καὶ τοπον, καὶ ἀγνωσίαν, καὶ νεότητα, καὶ γῆρας, δίδονται τὰ ἐπιτίμια, ἀλλὰ πρὸς τὴν οἶαν εἶπον σύγκρισιν καὶ διάκρισιν (*Morinus*, , op. cit. p. 628). Ταῦτα οὖν εἰδώς, μὴ κατὰ

102-е правило трульскаго, пято-шестого вселенскаго собора.

Δεῖ τοὺς ἐξουσίαν λύειν καὶ δεσμεῖν παρὰ θεοῦ λαβόντας, σκοπεῖν τὴν τῆς ἁμαρτίας ποιότητα, καὶ τὴν τοῦ ἡμαρτηκίτου ἐτοιμότητα, καὶ οὕτω κατάλληλον τὴν θεραπείαν προσάγειν τῷ ἀρρωστῆματι, ἵνα μὴ τῇ ἀμετρίᾳ καθ' ἑκάτερον χρώμενος, ἀποσφαλεῖ πρὸς τὴν σωτηρίαν τοῦ κάμνοντος..... "Ὅστε τὸν τὴν ἰατρικὴν ἐν πνεύματι ἐπιστήμην ἐπιδεικνύμενον (обычное у грековъ выраженіе о духовникахъ), πρότερον χρῆ τὴν τοῦ ἡμαρτηκίτου διάθεσιν ἐπισκέπτεσθαι..... Ἀμφότερα τοίνυν εἶδεναι χρῆ, καὶ τὰ τῆς ἀκριβείας (то есть точный смыслъ древнихъ правилъ),

τὴν ἀκριβείαν τῶν θεῶν κανόνων
διορίζειν τὰ ἐπιτίμια, ἀλλὰ κατὰ
τὴν ποιότητα τοῦ προσώπου (ib.
р. 620).

καὶ τὰ τῆς συντηθείας (то есть
смягченія, какія допускала
практика, выраженіемъ кото-
рой служилъ т. наз. Постни-
ковъ номоканонъ).

Конечно, мы не можемъ навѣрное сказать: соборъ ли имѣлъ передъ собою покаянный номоканонъ (анонимный или съ именемъ Постника), или, наоборотъ, авторъ номоканона слѣдовалъ соборному правилу; но несомнѣнно, что соборъ утвердилъ уже давно установившуюся церковную практику, которую, какъ *обычную* (συνήθεια), онъ и противопоставляетъ постановленіямъ древнихъ канонѳвъ (ἀκριβεία).

Вовторыхъ: „настойчивое помѣщеніе имени Іоанна Постника въ заголовкѣ греческихъ покаянныхъ уставовъ“ нисколько не выражаетъ собою оппозиціи западнымъ пенитенціаламъ, начинавшимся съ рѣчи Іоанна Кассіана о покаяніи, такъ какъ рѣчь эта далеко не была такимъ обычнымъ явленіемъ въ латинскихъ пенитенціалахъ, какъ надписаніе имени Іоанна Постника въ греческихъ покаянныхъ номоканонахъ: изъ двухъ списковъ, или точнѣе, изводовъ пенитенціала, признаваемого проф. Суворовымъ за подлинникъ славянской „Заповѣди св. Отецъ“ и за нѣчто общеизвѣстное на востокѣ, рѣчь Іоанна Кассіана находится только въ одномъ—Мерзбургскомъ. О громадномъ числѣ другихъ пенитенціаловъ и говорить нечего: они вовсе не знаютъ этой рѣчи.

Втретьихъ: „претензія восточныхъ покаянныхъ руководствъ на систематичность въ классификаціи грѣховъ и образовъ покаяніа“ также ни мало не свидѣтельствуетъ „о реакціонномъ и оппозиціонномъ направленіи этихъ руководствъ по отношенію къ западу“. На востокѣ классификація грѣховъ и образовъ покаяніа началась гораздо раньше, чѣмъ на западѣ, и не востокъ подражалъ въ этомъ отношеніи западу, а западъ востоку. Какъ извѣстно, уже въ каноническомъ посланіи св. Григорія Нисскаго къ епископу Литоію всѣ грѣхи возводятся къ тремъ способностямъ челоѳческой души: мыслительной (λογικόν), желательной (ἐπιθυμητικόν) и возбудительной (θυμοειδές). Въ древнѣйшихъ редакціяхъ т. наз. Постникова номоканона не видно этой классификаціи;

но она довольно строго соблюдена въ той (позднѣйшей) редакціи этого покаяннаго руководства, которая въ XIV вѣкѣ принята Властаремъ въ видѣ приложенія къ его алфавитной канонической Синтагмѣ ¹⁾. Наряду съ упомянутымъ посланіемъ Григорія Нисскаго нужно поставить сочиненіе св. Нила „объ осми злыхъ помыслахъ или наклонностяхъ“ (περὶ τῶν ὀκτὼ πνευμάτων τῆς πορνείας, или, по другому надписанію, περὶ τῶν ὀκτὼ τῆς κακίας λογισμῶν) ²⁾. Совершенно такое же сочиненіе и въ то же самое время (около половины V вѣка) явилось и на западѣ изъ-подъ пера Іоанна Кассіана. Совпаденіе—не случайное и не удивительное: оба писателя были учениками св. Іоанна Златоуста и затѣмъ оба подвизались въ монастыряхъ Египта. Іоаннъ Кассіанъ и не выдаетъ своего ученія за оригинальное: онъ излагаетъ его отъ лица египетскаго подвижника—аввы Серапіона, одного изъ своихъ наставниковъ въ монашеской жизни, и удерживаетъ (на половину) самыя греческія названія злыхъ наклонностей души, которыя исчисляются у него въ томъ же самомъ порядкѣ, какъ и у св. Нила (gastrimargia, fornicatio, philargyria, ira, tristitia, aedia, cenodoxia, superbia) ³⁾. Вышеупомянутая рѣчь Кассіана о покаяніи есть не болѣе, какъ краткое и довольно безграмотное изложеніе этого ученія, и неужели она—жалкая копія третьей руки съ греческаго образца — могла играть у самихъ же грековъ такую важную роль, какую приписываетъ ей проф. Суворовъ? ⁴⁾.

Вышеприведенные (и нами разсмотрѣнные) вопросы авторъ заключаетъ: 1) однимъ „любопытнымъ“ извѣстіемъ объ Іоаннѣ Постникѣ и 2) указаніемъ въ номоканонѣ, носящемъ имя этого патріарха, слѣдовъ прямого западнаго вліянія. Извѣстіе, взятое у кардинала Питры, гласитъ: „Любопытно, что въ древнѣйшихъ покаянныхъ руководствахъ Іоаннъ Постникъ не называется еще святымъ, — можетъ быть, и въ

1) См. эту редакцію Постникова номоканона въ Συτάγμα Рали и Потли т. IV, стр. 432—445.

2) См. *Migne*, Patrolog. graec. t. 79, p. 1145 sq., p. 1435 sq.

3) Patrolog. latin. t. 49, p. 609 sq.

4) См. эту рѣчь у Вассершлебена въ Bussordnungen, s. 387—388.

агиологій греческій имя его занесено было уже послѣ того, какъ возникло религиозное (правильнѣе было бы сказать: церковное) раздѣленіе между востокомъ и западомъ“ (стр. 127) Но и сочиненія такихъ отцовъ восточной церкви, какъ Василій В., Златоустъ и др., не всегда надписывались ихъ именами съ эпитетомъ: „святой“. Надписаніе: *Τὸς ἐν ἀγίοις πατρὸς ἡμῶν* („иже во святыхъ отца нашего“) признавалось обязательнымъ только для „житій“ святыхъ. Такъ надписано было и житіе Іоанна Постника, составленное *вскорѣ послѣ его кончины* „Фотиномъ, боголюбезнѣйшимъ пресвитеромъ и епископомъ великой Константинопольской церкви“, очевидцемъ подвиговъ и чудесъ почившаго патріарха. Отрывокъ изъ этого житія, съ тѣмъ же самымъ надписаніемъ, читанъ былъ на седьмомъ вселенскомъ соборѣ (787 г.) и включенъ въ самые соборные акты¹⁾. Свидѣтельство этихъ актовъ о современномъ, всеобщемъ въ восточной церкви, чествованіи Іоанна Постника, какъ святаго, прямо подтверждается Мѣсяцесловомъ, находящимся при одномъ греческомъ Евангеліи, писанномъ *вскорѣ послѣ седьмаго вселенскаго собора*, т. е. если не въ концѣ VIII-го, то въ самомъ началѣ IX-го вѣка²⁾. Что же касается до слѣдовъ прямого западнаго вліянія на номоканонъ Іоанна Постника, то проф. Суворовъ усматриваетъ ихъ „въ такихъ мѣстахъ этого памятника, въ которыхъ говорится о значеніи дѣлъ покаянія. Въ *Ἀκολούθια καὶ τάξις ἐπὶ ἐξομολογητέων* выражается та мысль, что выполнившій наложенное духовникомъ покаяніе получаетъ отпущеніе содѣянныхъ имъ грѣховъ, а тотъ, кто беретъ на себя и исполняетъ еще сверхъ того излишнее покаяніе, заслуживаетъ не только отпущенія грѣховъ, но и вѣнца за заслугу. Эта мысль, продолжаетъ авторъ, сама собою просится на сопоставленіе съ *ordo poenitentiae* при пенитенціалахъ латинскихъ, въ которыхъ читается слѣ-

¹⁾ См. Дѣянія вселенскихъ соборовъ въ русскомъ переводѣ, изданъ при Казанск. дух. академіи, т. VII, стр. 306—311.

²⁾ См. Мѣсяцесловъ Востока архимандрита Сергія, т. I, приложение 1, стр. 3 Свѣдѣнія, изложенныя нами въ текстѣ о времени причисленія Іоанна Постника къ лику святыхъ, читатель можетъ дополнить по сочиненію Гергенрёттера: Photius, Patriarch von Constantinopel. Bd. I, s. 190.

дующее мѣсто: *omnis poenitens non solum debet jejunare, quod illi mandatum est a sacerdote, verum etiam postquam compleverit ea, quae illi iussa sunt, debet, quantum ipsi visum fuerit, jejunare sive tetradas, sive parascevas*“ (с. 127—128) ¹⁾. Мы должны быть очень благодарны почтенному автору за это сопоставленіе. Оно еще разъ подтверждаетъ высказанную нами догадку о томъ, что авторы латинскихъ пенитенціаловъ, даже древнѣйшихъ, пользовались уже готовыми греческими образцами. Въ настоящемъ случаѣ слѣды этого пользованія ясны, можно сказать, до осязательности. Авторъ латинскаго „чина покаянія“ (*ordo poenitentiae*), черпая изъ своего источника, не счелъ даже нужнымъ замѣнить греческія названія среды и пятницы обычными и исключительно употребительными на западѣ названіями этихъ дней: *feria IV, feria VI* ²⁾. Мы не говоримъ уже о томъ, что по сознанію самихъ западныхъ ученыхъ (напр. Шмица), *усиленный* постъ по середамъ и пятницамъ, какой требовался отъ покаяльниковъ въ смыслѣ *superimpositio*, принятъ былъ на западѣ отъ монастырей *восточныхъ* ³⁾. Но вотъ что важно: догадка о вліяніи Постникова номоканона на латинскіе пенитенціалы высказывалась и прежде насъ однимъ изъ авторитетныхъ представителей науки церковнаго права на за-

¹⁾ *Wasserschleben, Bussordnungen, s. 362.*

²⁾ Иначе поступилъ другой составитель латинскаго пенитенціала, съ которымъ мы познакомимся, опять такъ благодаря проф. Суворову. На стр. 18, въ концѣ 17-го примѣчанія нашъ почтенный канонистъ приводитъ слѣдующее мѣсто изъ одного рѣдкаго изданія т. наз. „Римскаго пенитенціала“: „*Poenitentia unius anni, qui in pane et aqua jejunandus est, talis esse debet: in unaquaque hebdomade (единственный эллинизмъ) tres dies, id est secundam feriam, IV et VI, in pane et aqua jejunet, et tres dies, III, V et sabbatum a vino, medone, mellita, cervisia, a carne et sagimine, et caseo, et ovis, et abdomine et pinguibus piscibus se absteineat. Manducet autem minutos pisciculos, si habere potest, sin autem, unius generis piscem, legumina, et olera et roma comedat et cervisiam*“. Обязательный для кающихся постъ *по понедельникамъ*, ослабленіе поста *по субботамъ* и подробное перечисленіе предметовъ питанія въ каждый день недѣли—все это, какъ безъ сомнѣнія извѣстно и проф. Суворову, составляетъ отличительную особенность восточныхъ покаянныхъ номоканоновъ и въ особенности — монастырскихъ уставовъ. Нѣчто подобное находится и въ номоканонѣ Постника.

³⁾ *Bussbücher, s. 150.*

падѣ—Рихтеромъ. Это извѣстно и проф. Суворову; но онъ, само собою понятно, отстаиваетъ *свой* взглядъ на дѣло, ссылаясь при этомъ на Вассершлебена, который, на основаніи предполагаемаго имъ старшинства латинскихъ пенитенціаловъ передъ упомянутымъ греческимъ (происшедшимъ будто бы не ранѣе XII в.), доказывалъ также, что если между тѣми и другимъ найдется какое нибудь сходство, то это должно быть объясняемо такъ, что первые послужили источникомъ для послѣдняго, а не наоборотъ. Проф. Суворовъ отвергаетъ основаніе, на которомъ Вассершлебенъ утверждалъ свою догадку; но въ самой этой догадкѣ не находитъ „ничего невѣроятнаго“, хотя, съ своей стороны, не замѣняетъ отвергнутаго основанія никакимъ другимъ (стр. 128. прим. 195). Вслѣдствіе этого спорный вопросъ по необходимости остается *in statu quo*. Въ самомъ дѣлѣ, какъ рѣшить: западные-ли пенитенціалы оставили свой слѣдъ на восточныхъ, или наоборотъ, — когда неизвѣстно, которые изъ нихъ старше? Выше мы представили нѣкоторыя положительныя и апріорныя доказательства въ пользу сравнительнаго старшинства греческихъ покаянныхъ номоканоновъ предъ латинскими пенитенціалами. Теперь займемся этимъ вопросомъ исключительно по отношенію къ такъ называемому Постникову номоканону. Что можно съ достовѣрностію сказать о времени его происхожденія?

Начнемъ съ фактовъ безспорныхъ. Несомнѣнно, что этотъ номоканонъ въ той редакціи, въ которой онъ надписывается именемъ „Іоанна, монаха и діакона, ученика Василия Великаго“, существовалъ и употреблялся въ греческой церкви уже въ X-мъ вѣкѣ, ибо къ этому вѣку восходитъ старшій изъ *извѣстныхъ* намъ списковъ его, находящійся въ рукописи Мюнхенской королевской бібліотеки № 498 и ошибочно надписанный здѣсь именемъ Василия (вм. Іоанна)¹⁾. Въ концѣ тогоже X-го, или въ самомъ началѣ XI-го столѣтія номоканонъ Іоанна Постника, приблизительно въ той

¹⁾ Ср. *Hardt*, *Catalogus codd mss graec. bibliothecae regiae Bavaricae*. 1812 г. т. V, стр. 193 и слѣд. Мы имѣемъ точную копию съ этого списка, святую для насъ въ 1877 г. молодымъ нѣмецкимъ ученымъ Карломъ Мюллеромъ.

же редакціи, переведенъ былъ на грузинскій языкъ св. Евѣиміемъ, грузинскимъ царевичемъ и аѳонскимъ монахомъ († 1028 г.). Въ высшей степени интересныя, хотя для спеціалиста не всегда удовлетворительныя, свѣдѣнія объ этомъ переводѣ сообщаются въ статьѣ покойнаго академика Броссе, напечатанной въ VII-мъ томѣ Бюллетеней Императ. Академіи Наукъ, на французскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ: *Notice sur un Nomocanon géorgien, manuscrit du Musée asiatique de l'Académie impériale des sciences № 103 a*. Отсюда мы узнаемъ, что переводъ сдѣланъ былъ съ такой греческой рукописи, въ которой номоканонъ Іоанна Постника слѣдовалъ непосредственно за правилами трульскаго собора, тоже переведенными св. Евѣиміемъ на родной языкъ. Переводчикъ поставилъ надъ второю частію своего труда такое заглавіе: „Каноны о грѣхахъ, написанные блаженнымъ отцомъ нашимъ, Іоанномъ, архіепископомъ Константинопольскимъ, называемымъ Постникомъ. Знайте, что сей блаженный Іоаннъ Постникъ былъ послѣднимъ изъ написавшихъ правила Номоканона и что онъ послѣ VI-го вселенскаго собора долгое время былъ добрымъ архіереемъ, исполненнымъ благодати Св. Духа. (Ясно, что препод. Евѣимій опредѣлялъ хронологическое отношеніе переведенныхъ имъ статей по порядку, въ какомъ стояли онѣ въ его оригиналѣ). По причинѣ великой слабости нашего рода, онъ болѣе чѣмъ кто либо изъ св. Отцовъ смягчилъ каноническія наказанія за грѣхи, и Господу угодно было, чтобы въ настоящее время архіереи по этимъ именно правиламъ наказывали грѣшниковъ“¹⁾. Вотъ два драгоцѣнныя свѣдѣнія, ведущія къ важнымъ заключеніямъ. Если во времена св. Евѣимія номоканонъ Іоанна Постника въ греческихъ рукописяхъ присоединялся

¹⁾ Bulletin, t. VII, p. 150—160. Изъ слѣдующаго затѣмъ (стр. 160—164) довольно подробнаго описанія Евѣиміева перевода оказывается, что онъ, дѣйствительно, близокъ къ той редакціи Постникова номоканона, которая въ печатномъ изданіи Морина озаглавлена: «Ἰωάννου μοναχοῦ, μαθητοῦ τοῦ μεγάλου Βασιλείου». Morinus, op. cit. p. 633 sq... Будь этотъ переводъ не описанъ только, а переданъ вполнѣ, параллельно съ греческимъ текстомъ, наука церковнаго права, вѣроятно, получила бы въ немъ драгоцѣнныя данныя для рѣшенія вопроса о первоначальной или, по крайней мѣрѣ, одной изъ древнѣйшихъ редакцій Постникова номоканона.

къ правиламъ трульскаго собора, то въ этомъ позволительно видѣть свидѣтельство о существованіи въ средѣ тогдашняго греческаго духовенства такого же взгляда, какой мы высказали выше, именно — что между правилами названнаго собора и покаяннымъ номоканономъ съ именемъ Іоанна Постника существуетъ тѣсная внутренняя связь, наглядно выступающая въ послѣднемъ (102-мъ) соборномъ правилѣ. Номоканонъ является какъ бы обширнымъ комментариемъ на это правило. Для того, чтобы покаянный номоканонъ успѣлъ вступить въ указанную связь съ правилами трульскаго собора, которыя сами по себѣ составляютъ цѣлый каноническій кодексъ, и приобрести тотъ общепризнанный въ греческой церкви авторитетъ, о которомъ говоритъ св. Евѳимій, требовалось конечно не мало времени: книга, переведенная теперь на грузинскій языкъ, могла быть даже старше трульскаго собора.

Кромѣ грузинскаго перевода, мы имѣемъ и другой, болѣе древній переводъ той же книги — славянскій. Старшій списокъ этого перевода, какъ извѣстно, находится въ той же самой Румянцовской Кормчей, по которой проф. Суворовъ издалъ „Заповѣдь св. Отець“ и которая вообще обидуетъ памятниками славянской письменности глубочайшей древности. Въ Россіи славянскіе списки Постникова номоканона, какъ видно изъ знаменитыхъ „Въпрошаній“ Кирика, извѣстны были уже въ первой половинѣ XII вѣка. Но самый переводъ несомнѣнно сдѣланъ гораздо раньше и, по всей вѣроятности, въ Болгаріи. Въ его языкѣ встрѣчается не мало словъ, свойственныхъ только первоначальнымъ славянскимъ переводамъ съ греческаго, напримѣръ: **меньшица** (παλλαχί), **сноубленіе** (μαλαχία)¹⁾, **палротъ** (παρθύρις), **нзвразъ** (ἔκτρομα), **огреновеніе** (ἀποχή), **уетула**, т. е. жена (ἡ τοῦ ἀναγνώστου), **ошнбатиса** (ἐκλόπτειν), **присньство** (ἰδιωσύνη = свойство), **простына** (σχιγγώμη) и др. Все это даетъ намъ право относить настоящій (были и другіе, позднѣйшіе) славянскій переводъ Постникова номоканона ко временамъ, не далекимъ

1) Гоже самое слово въ началѣ номоканона, въ вопросахъ духовника исповѣдающемуся, переводится **мза**: „**мзъ ли рдн**“ (ἡ διὰ μαλαχίας)?

отъ эпохи обращенія Болгарь въ христіанство. Есть основаніе думать, что номоканонъ Постника, если не въ переводѣ, то въ подлинникѣ послужилъ однимъ изъ источниковъ для составленія извѣстной болгарской юридической компиляціи—„Закона суднаго людемъ“, о которомъ у насъ будетъ подробная рѣчь дальше. Такую мысль мы высказали еще въ 1872-мъ году во введеніи въ „Номоканонъ при Большомъ Требникѣ“. Здѣсь мы замѣтили: „Еще первый христіанскій князь Болгаріи Борисъ-Михаилъ, вступивъ въ союзъ съ Римскою церковію, просилъ папу Николая I прислать ему списокъ покаянныхъ правилъ (*judicium poenitentiae*). Вскорѣ потомъ, обратившись опять къ Константинополю, Борисъ, по всей вѣроятности, и отсюда потребовалъ такой же книги. По крайней мѣрѣ, въ извѣстномъ „Законѣ судномъ“—древнѣйшемъ опытѣ приложенія греко-римскихъ законовъ къ быту новообращеннаго въ христіанство славянскаго народа—содержатся уже правила о церковныхъ епитиміяхъ, основанныя, очевидно, на Постниковомъ номоканонѣ“ (см. въ особенности гл. 7) ¹⁾. Проф. Суворовъ говоритъ теперь, что съ этимъ замѣчаніемъ „нельзя согласиться“, такъ какъ „церковное покаяніе“ или „постъ“, назначенный по Закону судному, имѣетъ видъ публичнаго и долгосрочнаго о покаянія, а не тайнаго (предъ духовникомъ) и краткосрочнаго, каковое имѣютъ въ виду восточные номоканоны съ именемъ Іоанна Постника“ (стр. 128, прим. 195 въ концѣ) Тутъ допущено маленькое смѣшеніе двухъ вещей, имѣющихъ большое различіе: исповѣди и покаянія. Исповѣдь—всегда тайная; но покаяніе, т. е. епитимія, наложенная духовникомъ за грѣхъ, открытый на исповѣди, исполняется покаяльникомъ не тайно (предъ духовникомъ), а болѣе или менѣе въявь: поститься въ дни, для другихъ непостные, раздавать милостыню, ежедневно класть дома и въ церкви опредѣленное число земныхъ поклоновъ (метаній), не приступать, вмѣстѣ съ другими, въ церковныхъ собраніяхъ къ принятію св. даровъ—все это развѣ можетъ остаться тайною? При томъ же епитимія могла быть назначена по номоканону Постника не только духовникомъ за

¹⁾ Стр. 24, примѣч. 3.

тайные грѣхи, но и церковнымъ судомъ за *явные* преступленія: въ такомъ случаѣ она, конечно, становилась уже публичною и, какъ такая, выполнялась епитиміею подъ наблюденіемъ и руководствомъ духовника, обязаннаго потомъ свидѣтельствовать предъ архіереемъ какъ о выполненіи епитиміи, такъ и о нравственномъ исправленіи виновнаго. Въ номоканонѣ Постника, дѣйствительно, находятся и такія правила, которыя прямо относятся къ публичному покаянію. Таково, напр., правило предписывающее епитиміею оставаться въ церкви за литургіею только до молитвъ объ оглашенныхъ, а потомъ выходить изъ общаго собранія и стоять въ церковномъ притворѣ ¹⁾. Это—вопервыхъ. А потомъ мы спросили бы нашего почтеннаго критика: почему онъ не обратилъ вниманія на ту статью „Закона суднаго“, въ которой, по нашему указанію, церковная епитимія назначена по номоканону Постника, именно—на статью 7-ю, составляющую впрочемъ одно цѣлое съ слѣдующею за нею 8-ю? Статьи эти гласятъ: „**Иже коупетроу свою пометь жемъ себя, по законуу людьскомоу носъ нма объмъ оурезають, и разлоуунти ѿ. А по цркъвномоу законуу, разлоуунти ѿ, и въ постъ на єї лѣтъ да даѣтаса... Въ тоуже казнь да внидетъ нже свою дъщерь пометь ѿ стго крщениа и нже с моужатою обрѣтаѣтса**“. Напрасно бы мы стали искать такого „церковнаго закона“ гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ, кромѣ номоканона Постника ²⁾.

Благодаря славянскому переводу Постникова номоканона, мы получаемъ возможность составить себѣ точное представление о томъ, какую редакцію имѣлъ греческій подлинникъ въ эпоху появленія этого перевода, т. е. приблизительно во второй половинѣ IX вѣка. Въ началѣ переводъ не сходится ни съ одною изъ трехъ редакцій греческаго текста,

¹⁾ *Morinus*, op. cit. p. 623: *Περὶ μὲν τῆς λειτουργίας ἐξέρχεσθαι τοῦ ναοῦ καὶ στήχειν εἰς τὸν νάρθηκα.*

²⁾ *Morinus*, op. cit. p. 620—621: *Ἄπο τοῦ δέ ἐστι... ἀπὸ τῶν ὑψηλῶν αἰμομιξίων, ἧτοι περὶ γνησίας ἀδελφῆς... ἢ συντέκνου... ἔτη ἰβ', Ἐάν δὲ τούτη θυγατρὸς ἧς ἐδέξαντο... ἔτη ιε'.* „Законъ судный“ отступаетъ отъ номоканона только въ томъ, что за оба вида кровосмѣшенія назначаетъ одинаковую епитимію (15 лѣтъ).

напечатанныхъ у Морина ¹⁾; потомъ начинается слѣдовать тексту первой редакціи, изданному подъ заглавіемъ: Ἀκλόουθια καὶ τῆς ἐπὶ ἔξομολογοῦμένων, συνταχθεῖσα ὑπὸ τοῦ ἁγίου πατρὸς ἡμῶν Ἰωάννου τοῦ Νηστεύτου, но дѣлаетъ тутъ значительные пропуски въ началѣ и срединѣ (между прочимъ, опускаетъ всю литургическую часть текста, за исключеніемъ разрѣшительной молитвы); затѣмъ передаетъ большую часть текста третьей редакціи, озаглавленной у Морина: Ἰωάννου μεγάλου καὶ διακόνου, μαθητοῦ τοῦ μεγάλου Βασιλείου (см. Румянц. сп. л. 87 об.), и оканчивается согласно съ текстомъ первой редакціи, т. е. тою же самою молитвою, которая и тамъ стоитъ въ самомъ концѣ ²⁾. Само собою понятно, что фактъ появленія Постникова номоканона въ славянскомъ переводѣ, сдѣланномъ для новообращенныхъ Болгаръ, служитъ новымъ доказательствомъ обширнаго и уже давно установившагося употребленія этой книги въ практикѣ самой греческой церкви. Такъ мало по малу мы и приближаемся къ той эпохѣ, когда жилъ іерархъ, имя котораго носить на себѣ этотъ замѣчательнѣйшій памятникъ восточнаго церковнаго права. Однако отсюда далеко еще до возможности признать этотъ памятникъ, — по крайней мѣрѣ въ тѣхъ его редакціяхъ, съ которыми мы имѣли до сихъ поръ дѣло, — за подлинное произведеніе патріарха Іоанна Постника († 596). Въ этихъ редакціяхъ попадаются такіа черты, которыя никакъ не могли произойти отъ руки названнаго патріарха, напримѣръ—цитата изъ Іоанна Лѣствичника († 606) и упоминаніе о монахахъ и монахиняхъ *великой* и *малой* схимы (μεγάλου σχήματος, μικροῦ σχήματος). Кромѣ этихъ анахронизмовъ, бьетъ въ глаза и та несообразность, что одно и тоже сочиненіе, хотя и въ двухъ разныхъ редакціяхъ, надписывается то именемъ „Іоанна

¹⁾ Греческій текстъ, соотвѣтствующій (хотя не вполне) началу славянскаго перевода, можно читать у Питры въ Spicilegium Solesmense, t. IV, p. 437, подъ рубрикой: Ex alia ejusdem Canonarii editione.

²⁾ Составъ Постникова номоканона по Румянц. Кормчей указавъ у Суворова частію не точно (см. стр. 128, прим. 195), частію ошибочно. Онъ говоритъ, напримѣръ, что здѣсь имѣется только одна молитва (указанная на стр. 174, примѣч. 279); на самомъ же дѣлѣ ихъ три: одна, которую мы указали въ текстѣ, и еще одна (третья)—таже самая, какая издана у Гейтлера на стр. 138 (**Бѣ сіе нашъ давыи отъпоущенне грѣховъ**), но—въ *другомъ* переводѣ.

Постника, патриарха Константинопольскаго“, то именовъ какого-то „Іоанна, монаха и діакона, ученика Василия Великаго“,—несообразность, которая уже въ XI вѣкѣ заставила Никона Черногорца высказать сильное сомнѣніе въ подлинности такъ называемаго Постникова номоканона ¹⁾). Но, что касается анахронизмовъ, то мы уже выше имѣли случай указать на общеизвѣстный фактъ, что въ памятникахъ, подобныхъ номоканону Постника, интерполяціи и другія перемены первоначальнаго текста составляютъ обычное и, можно сказать, исторически-необходимое явленіе. Нѣтъ причины сильно смущаться и указаннымъ различіемъ имени (точнѣе, званія) автора въ надписаніяхъ номоканона, и въ особенностяхъ—нѣтъ нужды различать, на этомъ основаніи, патриарха Іоанна Постника отъ Іоанна монаха и діакона, какъ дѣлаетъ Моринъ. По остроумному и вполне вѣроятному объясненію Ассемани, это различіе могло произойти такъ: Постникъ составилъ свое руководство для духовниковъ еще въ то время, когда онъ былъ діакonomъ (до поставленія въ патриархи, онъ, дѣйствительно былъ діакonomъ Великой церкви); затѣмъ, сдѣлавшись патриархомъ, онъ вновь пересмотрѣлъ свой трудъ и издалъ его уже въ видѣ литургическаго „чинопослѣдованія надъ исповѣдающимися“ (*Ἀκολουθία καὶ ταῖς ἐπι ἐξομολογουμένων*) и краткаго кодекса епитимійныхъ правилъ, что, конечно, болѣе соотвѣтствовало новому іерархическому положенію автора. Но и прежняя, діаконская, редакція книги не была изъята изъ употребленія; только позднѣйшіе писцы, какъ бы на память потомству о тождествѣ автора съ патриархомъ Іоанномъ Постникомъ, стали выставлять этотъ новый титулъ и надъ текстомъ прежней редакціи ²⁾). Отъ себя прибавимъ, что названіе автора „ученикомъ Василия Великаго“ могло быть употреблено, безъ нарушенія исторической истины, въ переносномъ смыслѣ: какъ монахъ, Постникъ и въ діаконскомъ и въ патриаршемъ санѣ жилъ, конечно, по уставу Василия Великаго; а какъ составитель покаяннаго номоканона, въ ко-

¹⁾ См. Номоканонъ при Бол. Требникѣ, стр. 21.

²⁾ *Assemani*, *Bibliotheca juris orientalis canonici et civilis*, lib. III, p. 532—535.

торомъ значительно смягчены прежнія каноническія наказанія за грѣхи, онъ прямо и нѣсколько разъ указывалъ на Василія Великаго, какъ на своего *учителя* въ этомъ дѣлѣ (ταύτης δὲ τῆς συκρίσεως τὴν βοήθειαν δέδωκεν ἡμῖν ὁ μέγας Βασίλειος).

Для болѣе твердаго рѣшенія вопроса о подлинности Постникова номоканона или, по крайней мѣрѣ, объ эпохѣ его происхожденія отъ чьей бы то ни было руки, необходимо было бы сравнить *все* его содержаніе, по старшимъ и лучшимъ спискамъ, съ сочиненіями греческихъ церковныхъ писателей VI—VIII столѣтій. Но для этого мы не имѣемъ ни времени, ни средствъ, ни даже—сколько нибудь уважительнаго повода (въ настоящемъ случаѣ). И тѣ данныя, какія мы привели выше, довольно рѣшительно говорятъ въ пользу сравнительной древности и совершенной независимости этого памятника отъ вліянія латинскихъ пенитенціаловъ. Что касается, въ частности, до того мѣста въ номоканонѣ Постника, въ которомъ проф. Суворовъ усмотрѣлъ „слѣдъ“ этого вліянія, то по справкѣ съ подлинникомъ оказывается, что оно читается не совсѣмъ такъ, какъ излагаетъ его почтенный авторъ—для вѣщаго, конечно, согласенія съ латинскими пенитенціалами ¹⁾. Да если бы и оказалось тутъ полное согласіе восточнаго пенитенціала съ западными, то мы, оглянувшись назадъ, имѣли бы право сказать: вотъ и еще заимствование съ востока, unde lux для запада, особенно въ тѣ времена, когда онъ былъ занятъ составленіемъ своихъ пенитенціаловъ.

И сія убо дозды. А общій выводъ изъ всѣхъ „сихъ“ кратко можетъ быть изложенъ такъ: ни „Заповѣдь св. Отець“, ни тѣмъ менѣе „чинъ надъ исповѣдающимся“, находящійся въ Синайскомъ глаголическомъ Евхологіонѣ, не могутъ быть

¹⁾ Вотъ подлинныя слова номоканона: κατὰ γὰρ ἰσχὺν καὶ προαίρεσιν τοῦ δεχομένου τὰ ἐπιτίμια δίδονται, καὶ οὗ κατὰ ἀναλογίαν τῶν ἡμαρτημένων αὐτῷ· ἐνδέχεται γὰρ τὸν μὲν ὀλίγα ἁμαρτάνοντα πρόθυμον ὄντα μέγα λαβεῖν ἐπιτίμιον, ἵνα μὴ μόνον ἀφεσὶν ἁμαρτιῶν, ἀλλὰ καὶ στέφανον χομίσηται (Morinus op. cit. p. 620). Тутъ рѣчь идетъ не о надбавочной епитиміи, добровольно принимаемой на себя кающимся, по выполненіи той, которая назначена была духовникомъ (какъ толкуетъ проф. Суворовъ), а о первоначальной епитиміи, опредѣляемой духовникомъ непосредственно послѣ исповѣди, по согласенію съ самимъ исповѣдающимся.

производимы изъ латинскаго источника. Если же первая оказывается весьма близкою къ одному западному пенитенціалу, то отсюда слѣдуетъ только, что для той и другого нужно искать одного общаго *греческаго* источника. То обстоятельство, что даже въ печатныхъ (неполныхъ и неудовлетворительныхъ) изданіяхъ греческихъ епитимейниковъ нашлись нѣкоторые отрывки этого источника, внушаетъ намъ надежду, что поиски въ рукописяхъ по бібліотекамъ запада и востока могли бы увѣнчаться открытіемъ и *полнаго* греческаго оригинала славянской „Заповѣди св. Отецъ“.

Обратимся теперь къ разсмотрѣнію другихъ памятниковъ древне-славянскаго и русскаго церковнаго права, въ которыхъ проф. Суворовъ находитъ болѣе или менѣе явственныя слѣды западнаго церковнаго вліянія. Скажемъ напередъ: и здѣсь намъ предстоятъ нерѣдкія встрѣчи съ только-что оставленною нами „Заповѣдію св. Отецъ“, такъ какъ въ каждомъ славянскомъ или русскомъ памятникѣ, содержащемъ въ себѣ какіе нибудь отрывки изъ этой заповѣди, проф. Суворовъ указываетъ „несомнѣнные“ слѣды вліянія западнаго, католическаго церковнаго права (см. наприм. стр. 156). Но само собою понятно, что послѣ всего сказаннаго нами о *дѣйствительныхъ*, т. е. греческихъ, а не латинскихъ источникахъ заповѣди, намъ нѣтъ уже никакой надобности останавливаться на такихъ указаніяхъ автора. Мы считаемъ себя обязанными съ полнымъ вниманіемъ относиться только къ тѣмъ доводамъ почтеннаго профессора, въ которыхъ содержатся указанія на какіе либо *новые* проводники католическаго вліянія въ памятники древне-славянскаго и русскаго церковнаго права, съ которыми онъ имѣетъ дѣло въ остальныхъ частяхъ своего изслѣдованія. Самые многочисленныя и разнообразныя слѣды католическаго вліянія авторъ находитъ въ извѣстномъ „Законѣ судномъ людемъ“, составляющемъ 46-ю главу печатной Кормчей книги.

II.

Давно доказано, что Законъ судный людемъ есть югославянская (именно болгарская) компиляція, составленная изъ разныхъ источниковъ византійскаго права, преимущественно—изъ Эклоги императоровъ Льва Исаврянина и Константина Копронима (ок. 740 г.) ¹⁾. Еще болѣе давно установлено различіе между двумя редакціями этого памятника: краткою и обширною. Та и другая, по наблюденіямъ проф. Суворова, испытала на себѣ неодинаковое вліяніе со стороны католическаго запада. Но вопросу о мѣрѣ, путяхъ и слѣдахъ этого вліянія, вопросу совершенно новому, авторъ предпосылаетъ не менѣе новое разрѣшеніе и стараго вопроса—о происхожденіи и взаимномъ отношеніи двухъ указанныхъ редакцій Закона суднаго.

По этому послѣднему вопросу, слишкомъ 20 лѣтъ тому назадъ, мы высказали такую догадку: „Текстъ обширной редакціи, насколько онъ имѣетъ своимъ источникомъ Эклогу, отличается отъ текста краткой, точнѣе сказать, недополненной редакціи *большою близостію къ греческому подлиннику*. Именно здѣсь нѣтъ примѣровъ назначенія церковныхъ наказаній наряду съ уголовными или взамѣнъ этихъ послѣднихъ, *хотя и встрѣчаются другія отступленія отъ подлиннаго текста Эклоги*. Это обстоятельство невольнo заставляетъ предполагать, что текстъ обширной редакціи Закона суднаго, представляющій извлеченія изъ Эклоги, *древнѣе* соотвѣтственнаго текста краткой редакціи. Во всякомъ случаѣ первый *независимъ отъ послѣдняго*. Это видно уже изъ того, что въ немъ находятся такія статьи изъ Эклоги, которыхъ нѣтъ въ текстѣ печатной Кормчей (и—прибавимъ теперь—въ рукописяхъ, содержащихъ въ себѣ списки той же, т. е. краткой редакціи). Такимъ образомъ необходимо допустить, что подъ именемъ Закона суднаго людемъ или Судебника царя Константина существовали двѣ славянскія компиляціи изъ Эклоги, изъ коихъ одна (краткая) назна-

1) Въ первый разъ это сдѣлано въ книжкѣ, вышедшей въ 1859 г. въ Казани подъ заглавіемъ: „Первоначальный славяно русскій номоканонъ“, стр. 94—97.

чена была преимущественно для судей духовныхъ, другая (обширная)—для судей гражданскихъ. Отсюда объясняются указанные особенности обѣихъ редакцій, а равно и то обстоятельство, почему списки первой редакціи получили мѣсто въ *Кормчихъ*, а списки послѣдней—въ другихъ юридическихъ сборникахъ, въ которыхъ эта статья соединялась съ источниками нашего туземнаго права, въ особенности—съ Русскою Правдой¹⁾. Эту краткую и общую замѣтку проф. Суворовъ подвергаетъ теперь обширной и детальной критикѣ, которая, навѣрное, была бы и короче и основательнѣе, если бы авторъ не придавалъ нашимъ словамъ смысла, болѣе рѣшительнаго, чѣмъ какой имѣютъ они на самомъ дѣлѣ, и не закрывалъ глазъ на такіе наши доводы, которые имѣли для насъ рѣшающее значеніе. Онъ находитъ, напримеръ, что „текстъ обширной редакціи Закона суднаго на самомъ дѣлѣ не отличается большею близостію къ греческому подлиннику, сравнительно съ текстомъ краткой редакціи“, и что объ этой близости „не свидѣтельствуетъ отсутствіе церковнаго покаянія въ спискахъ обширной редакціи“. Почему же не свидѣтельствуетъ?— „Мы видѣли это“, отвѣчаетъ авторъ (стр. 136). Но никто другой не увидитъ ничего подобнаго на предыдущихъ страницахъ сочиненія проф. Суворова. Допустимъ, что тутъ былъ *larsus calami et metorigiae*. Но нельзя допустить возможности доказать недоказуемое. Въ самомъ дѣлѣ, если одна славянская компиляція изъ уголовныхъ законовъ византійской Эклоги, подобно своему источнику, говоритъ только объ уголовныхъ наказаніяхъ за преступленія, а другая прибавляетъ къ этимъ наказаніямъ еще отдачу преступника подъ церковную епитимію: то можетъ ли быть какая рѣчь о томъ, которая изъ этихъ компиляцій стоитъ ближе къ своему подлиннику? Правда, проф. Суворовъ, какъ бы „въ дополненіе къ выше сказанному“, замѣчаетъ далѣе, что составитель обширной редакціи Закона суднаго „большой любитель тѣлеснаго наказанія, гораздо въ большей степени, чѣмъ сама Эклога, которая часто опредѣляетъ: *тлѣтѣсѣω*“ (пославянски „да тепетьса“). Но

¹⁾ Первоначальный славяно-русскій номоканонъ, стр. 18—99.

это — не возраженіе противъ насъ, а скорѣе прямое и, конечно, невольное подтвержденіе нашего *общаго* замѣчанія, что въ текстѣ обширной редакціи хотя и „нѣтъ примѣровъ назначенія церковныхъ наказаній наряду съ уголовными или въ замѣнъ этихъ послѣднихъ“ (что видимъ въ краткой редакціи), за то встрѣчаются *другія* отступленія отъ подлиннаго текста Эклоги“, отступленія — прибавимъ теперь, — состоящія не только въ указанномъ проф. Суворовымъ дополнительномъ наказаніи: „да тепеться“, но и въ перемѣнѣ смысла первой, т. назыв. диспозитивной (описательной) части нѣкоторыхъ статей византійской Эклоги¹⁾. Но и при этихъ отступленіяхъ, обширная редакція Закона суднаго, въ противоположность краткой, все-таки удерживаетъ общій характеръ законовъ Эклоги, какъ *чисто уголовныхъ*. — Не соглашается съ нами почтенный профессоръ и по вопросу о хронологическомъ и матеріальномъ отношеніи между текстами обширной и краткой редакціи Закона суднаго. „Распространенный Законъ судный, пишетъ онъ, не можетъ быть рассматриваемъ, какъ первичная формація, потому что въ этомъ распространенномъ видѣ Законъ судный *тодемъ* пересталъ быть закономъ для *мірянъ* только, такъ какъ въ немъ содержится уже нѣсколько статей относительно клерикальной и монашеской дисциплины“ (стр. 134). Другими словами: если допустить старшинство обширной редакціи предъ краткою, то между надписаніемъ: „Законъ судный людемъ“ и самымъ содержаніемъ этого закона окажется важное несогласіе. Что же? Въ первоначальномъ опытѣ законодательной (точнѣе кодификаторской) работы у народа полуварварскаго это было бы явленіемъ нисколько не удивительнымъ. Но на самомъ дѣлѣ указанное несогласіе есть только видимое. Законъ судный ни въ краткой, ни въ обширной редакціи не былъ закономъ для *мірянъ только*, а общимъ закономъ и для *мірянъ* и для духовныхъ, какъ скоро *тѣ или другіе дѣлались виновными въ предусмотрѣнныхъ въ немъ преступ-*

¹⁾ Напримѣръ статья о половой связи съ замужнею кумою, матерью крестника или крестницы (тит. XVII, гл. 26), измѣнена въ статью о прелюбодѣянн *вообще* (Русс. Достоп. II, 151: „о жещѣ“).

ленийъ. Краткая редакція, какъ выше замѣчено, знаетъ два вида наказаній за *нѣкоторыя* изъ этихъ преступленій: наказанія уголовныя—*по закону людскому* и наказанія каноническія—*по закону Божию* или *церковному*; а редакція обширная за *всѣ* преступленія опредѣляетъ одно только уголовное наказаніе. Вотъ почему мы и сказали, что первая назначена была *преимущественно* для судей духовныхъ,— когда дѣло шло о назначеніи мірянину за то или другое преступленіе церковнаго покаянія, вмѣсто наказанія уголовного, а послѣдняя—*преимущественно* для судей свѣтскихъ,— *преимущественно, а не исключительно*— потому, что могли быть и дѣйствительно предусмотрѣны *въ этой редакціи* случаи совершенія общихъ (уголовныхъ) преступленій и духовными лицами, которыя *во всякомъ случаѣ* подлежали суду только церковному. О такихъ-то именно преступленіяхъ духовныхъ лицъ и говорятъ тѣ статьи обширной редакціи, которыя проф. Суворовъ относитъ къ правиламъ „клерикальной и монашеской дисциплины“ ¹⁾. Статьи эти, ко-

¹⁾ Имено статьи, надписанныя: 1) о попѣ и епископѣ („Аще имуть попа или епископа съ чюжею женою“); 2) о черноризцѣ („Аще имуть черноризца съ черницею блудъ дѣюща“); 3) о попѣ бѣгунѣ („Аще попь бѣжитъ отъ своего епископа ко иному епископу“). Русс. Достоп. ч. II, стр. 181, 183, 178. Послѣдняя статья, *по нашимъ и жетіямъ*, дѣйствительно относится къ правиламъ „клерикальной дисциплины“; но въ эпоху составленія Закона суднаго попа бѣгуна, очевидно, приравнивали къ служилому „людину, убѣгавшему отъ своего князя къ иному князю“, почему и статья о томъ и другомъ бѣгунѣ поставлены въ законѣ рядомъ. Впрочемъ мы допускаемъ, что обѣ статьи могли быть прибавлены къ первоначальному тексту Закона суднаго уже у насъ въ Россіи, гдѣ обширная редакція этого памятника несомнѣнно находилась въ большомъ употребленіи, преимущественно—въ качествѣ руководства для судей гражданскихъ, т. е. свѣтскихъ, каковыми были и архіерейскіе десятильники—органы особой судебной власти епископа по гражданскимъ и уголовнымъ дѣламъ между „людьми церковными“. Такое значеніе въ древней Руси обширной редакціи Закона суднаго доказывается уже тѣмъ, что списки ея обыкновенно соединялись со списками Русской Правды, и притомъ такъ, что пзъ текста обоихъ памятниковъ составлялось какъ бы *одно шло*. Такихъ списковъ сохранилось не мало—гораздо болѣе, чѣмъ сколько насчитываетъ проф. Суворовъ въ доказательство ихъ незначительной распространенности, сравнительно со списками краткой редакціи (стр. 158). Ему остались неизвѣстными: 1) спи-

нечно, нисколько не измѣняютъ общаго характера Закона: суднаго, какъ закона *для мірянъ*, ибо духовныя лица, совершая чисто уголовныя преступленія, становятся такими же преступниками предъ „закономъ людскимъ“, какъ и міряне, хотя, въ отличіе отъ этихъ послѣднихъ, они и въ такихъ случаяхъ отдаются Закономъ суднымъ для суда и наказанія своему духовному начальству ¹⁾.—Гораздо солиднѣе слѣдующее возраженіе проф. Суворова: „Позднѣйшее появленіе обширной редакціи еще яснѣе доказывается нѣкоторыми изъ статей, въ которыхъ по краткой редакціи назначается отдача въ постъ. Всмотриваясь въ эти статьи, не можемъ не замѣтить, что редакторъ распространеннаго Закона суднаго хотя и ничего не говоритъ объ отдачѣ въ постъ на то или другое время, но изложилъ эти статьи, имѣя подъ руками не византійскую Эклогу, а краткую редакцію Закона суднаго. Византійская Эклога..... не считаетъ нужнымъ оговариваться, что то или другое изъ опредѣляемыхъ ею наказаній назначается *по закону святскому*..... Въ обширной же редакціи Закона суднаго удѣлѣно упоминаніе о *законѣ людскомъ*,—ясный знакъ того, что редакторъ имѣлъ дѣло съ краткимъ спискомъ Закона суднаго и, преслѣдуя свою цѣль, опускалъ въ своей компиляціи отдачу въ постъ по церковному закону..... Въ одномъ случаѣ компиляторъ распространеннаго Закона суднаго даже, такъ сказать, промахнулся: урѣзывая статьи краткой редакціи, оставилъ не тутъ, гдѣ бы слѣдовало, и упомянулъ о Божіемъ законѣ, чего не долженъ былъ бы дѣлать, хотя и тутъ

сокъ, приводимый издателемъ Софійскаго Временника въ вариантахъ къ печатанному здѣсь тексту Закона суднаго; 2) списокъ (XV в.)¹⁾ изданный въ 1888 г. въ Новгородской лѣтописи по харатейному списку (стр. 476—483); 3 и 4) два списка, указанные Калачовымъ въ изслѣдованіи о Русс. Правдѣ (стр. 70: списки Погодинскій и Троицкій); 5) списокъ Одесскій, о которомъ упоминаетъ тотъ же Калачовъ (стр. 69) и 6) списокъ Увдольскаго въ сборникѣ № 820. Вѣроятно, найдутся и другіе.

1) По статьямъ, указаннымъ въ предыдущемъ примѣчаніи, епископъ, попъ и діаконъ, виновные въ прелюбодѣяннѣ, подвергаются лишенію сана; попъ, убѣгающій отъ своего епископа—запрещенію священнодѣйствія („да не поеть“); блудящіе монахи и монахиня—пожизненному заключенію въ монастырской тюрьмѣ на цѣпяхъ.

впрочемъ до отдачи въ постъ не дошелъ“ (стр. 134—136) ¹⁾. Ясно, что въ этомъ возраженіи исключительно приняты во вниманіе только тѣ статьи изъ Эклоги, которыя *общимъ* редакціямъ Закона суднаго, но совершенно оставлены въ сторонѣ тѣ, на которыхъ мы основывали свою мысль о независимости обширной редакціи отъ краткой, именно статьи, составляющія исключительную принадлежность одной только обширной редакціи. Конечно, мы выразили бы эту мысль точнѣе и правильнѣе, если бы сказали, что обширная редакція Закона суднаго, насколько она матеріально совпадаетъ съ краткою, можетъ быть безусловно признана независимою отъ этой послѣдней только въ томъ отношеніи, что знаетъ нѣсколько лишнѣхъ статей изъ византійской Эклоги—общаго источника обѣихъ редакцій. Съ другой стороны, и проф. Суворовъ, взявъ во вниманіе эти лишнія статьи, отличающія обширную редакцію отъ краткой, долженъ былъ бы изложить общій результатъ своихъ наблюденій надъ текстами той и другой редакціи съ необходимыми ограниченіемъ, именно сказать: обширная редакція *не вполне* зависима отъ краткой. Но можно ли и этотъ результатъ признать за окончательный? Одно несомнѣнно, что обѣ редакціи представляютъ общія имъ статьи изъ Эклоги *въ одномъ и томъ же славянскомъ переводѣ*. Но этотъ переводъ дошелъ до насъ не въ болгарскихъ, а въ русскихъ спискахъ, восходящихъ притомъ не далѣе конца XIII и XIV вѣка. Уже самые старшіе изъ этихъ списковъ носятъ на себѣ глубокіе слѣды порчи первоначальнаго текста, отчасти указанные самимъ проф. Суворовымъ (стр. 34, прим. 65).

1) Авторъ имѣетъ въ виду (и прямо приводитъ) слѣдующую статью Закона суднаго: а) въ краткой редакціи: *Ничѣмъ жену свою и приняшайса раба, меллющѣнса кезуниниць, сию достонть отъ князь земли томъ да ко мноюю землю продадатъ ю, а ценоу еи дати нишнѣмъ. Того же блудцаго по закону Божию достоннѣ ѡтдадѣтиса Божиимъ ракомъ, и предати ѿ въ постъ и т. д.*; б) въ обширной редакціи: *Ничѣмъ жену свою, а блуда съ робою, да са тепеть мужъ той и т. д. а цѣна та дати ѹбогимъ. Тоже блудцаго по Божию закону достонть, да ѡдѣстѣса Божиимъ ракомъ.*

Порча состояла не только въ искаженіи отдѣльныхъ словъ, но и въ произвольныхъ, почти всегда неумѣлыхъ сочетаніяхъ разнообразныхъ чтеній, представляемыхъ прежними пзводами и списками памятника. Такъ могъ промзойти и тотъ старшій (русскій) списокъ обширной редакціи Закона суднаго (изданный во 2-й части Русс. Достопамятностей), въ которомъ проф. Суворовъ находитъ неопровержимыя, на его взглядъ, доказательства полной зависимости этой редакціи отъ краткой. Писецъ и вмѣстѣ редакторъ этого списка могъ имѣть передъ глазами списки обѣихъ редакцій,—и сработалъ изъ нихъ нѣчто свое, во многихъ отношеніяхъ непохожее ни на тотъ, ни на другой изъ его оригиналовъ. Изъ списка краткой редакціи онъ могъ позаимствоваться выраженіями: „по закону Божію“, „по закону людскому“, на которыя такъ сильно напиралъ проф. Суворовъ¹⁾. Но придавать этимъ выраженіямъ рѣшающее значеніе въ вопросѣ о сравнительномъ старшинствѣ той или другой редакціи Закона суднаго уже потому невозможно, что и въ текстѣ краткой редакціи находятся такія мѣста, которыя прямо указываютъ на его зависимость отъ текста обширной редакціи. Въ доказательство приведемъ по старшимъ спискамъ той и другой редакціи слѣдующія статьи, съ которыми не разъ имѣлъ дѣло и проф. Суворовъ:

Синод. № 132, л. 338 об.

Русс. Достоп. II, 150.

Иже копѣтраю свою понметъ жена себа, по закону людскому носъ има обѣма оураздуютъ, и разлоуунти ѿ; а по цркъьномоу закону разлоуунти ѿ, и въ постъ еі мѣть да дметаса и пр.

Ѡ Въ гоуже казнь да видеть, иже свою дѣщеръ понметъ Ѡ стго крщима, и

Иже понемши куму свою жана, по закону людскому носа обѣанна оураздати, и размунти ѿ.

Иже дщеръ свою понметъ Ѡ стго крщима, судъ тотъ же по людскому закону, екоже и кумомъ, екоже преже рехомъ, такоже и казнь.

¹⁾ Примѣръ подобнаго обращенія позднѣвшихъ писцовъ съ текстами

Иже с моужатою ѡбратяется
(конецъ 9-й статьи).

**Иже с моужатою женою
ѡбратяется, неса ѡбзвима оуфр-
зати, и да тепетаса; аще ли
смиъ мужъ заступити я, да по-
вѣнеть я ѡба, и яко пса оуз-
ръсти (читай: оуверзъсти) ¹⁾.**

Ясно, что послѣднія слова второй статьи по списку краткой редакціи („и **иже с моужатою ѡбратяется**“) были когда-то начальными словами дальнѣйшей, особой статьи, извѣстной теперь только по спискамъ обширной редакціи, но давно уже исчезнувшей изъ текста краткой, вслѣдствіе чисто-механическаго и потому бессмысленнаго сцѣпленія съ предыдущею статью. Итакъ, если мы имѣемъ хотя одинъ примѣръ, наглядно доказывающій оригинальность обширной редакціи Закона суднаго, сравнительно съ соотвѣтственнымъ текстомъ краткой редакціи, то устанавливать противоположное отношеніе между ними, — и такъ рѣшительно, какъ это дѣлаетъ проф. Суворовъ, — по меньшей мѣрѣ преждевременно. Для окончательнаго рѣшенія этого вопроса нужно было бы критически возстановить первоначальный текстъ обѣихъ редакцій занимающаго насъ памятника, для чего едва ли найдутся теперь достаточныя средства. Но мы не лишены средствъ для рѣшенія другой, болѣе скромной задачи — показать *безотносительную* и глубокую древность, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ статей обширной редакціи, отличающихъ ее отъ краткой. Сюда, по нашему мнѣнію, относятся:

обѣихъ редакцій Закона суднаго указываетъ и самъ проф. Суворовъ, стр. 56—57.

¹⁾ Мы согласны съ проф. Суворовымъ въ томъ, что эта статья, говорящая о предубодѣвѣи вообще, есть передѣлка 26-й главы XVII титула Эклоги, гдѣ опредѣляется наказаніе за квалифицированное прелюбодѣянiе — съ замужнею женою. (См. у Суворова стр. 133, прим. 201 и стр. 36, прим. 67). Но трудно допустить, чтобы авторъ обширной редакціи Закона суднаго могъ составить эту статью изъ словъ краткой редакціи того же Закона: **иже с моужатою ѡбратяется**.

1. Четыре статьи изъ византийской Эклоги, неизвѣстных спискамъ краткой редакціи Закона суднаго, именно 1) вышеприведенная статья о прелюбодѣяннн вообще (Экл. тит. XVII, гл. 26; Русс. Достоп. II, 150), 2) о нанесеніи побоевъ священнику (Экл. тит. тотъ же, гл. 4; Русс. Дост. 182), 3) о казни разбойника (Экл. тит. тотъ же, гл. 50; Р. Д. 183) и 4) о наказаніи лжедоносчика (Экл. гл. 51; Р. Д. 184: „о клеветѣ“). Уже самый фактъ нахождения этихъ статей въ текстѣ обширной редакціи Закона суднаго показываетъ, что онѣ внесены сюда еще въ то время, когда Эклога впервые сдѣлалась извѣстною въ Болгаріи и стала употребляться здѣсь, какъ главный источникъ для первыхъ писанныхъ законовъ. Нужно еще замѣтить, что переводъ указанныхъ статей Закона суднаго, взятыхъ изъ Эклоги, совершенно отличенъ отъ перевода тѣхъ же статей въ полномъ славянскомъ текстѣ Эклоги, составляющемъ 49-ю главу печатной Кормчей, и это различіе можетъ быть объясняемо только такъ, что послѣдній переводъ (тоже болгарскій и весьма древній) въ эпоху происхожденія Закона суднаго былъ еще неизвѣстенъ ¹⁾.

2. Статья „о враждѣ“, изложенная въ такихъ выраженіяхъ: „Аще кто вражду створитъ, Монсѣи поручи: да и деть рука за руку, и нога за ногу, глава за главу; аще ли са и скупитъ, то ѿ земля ѿженеться“ ²⁾. *Вражда* почти у всѣхъ славянскихъ народовъ значитъ: убійство, а также—частная кровавая месть за него и выкупная плата виновнаго тѣмъ, кто имѣлъ право этой мести (отсюда въ древне-славянскихъ памятникахъ выраженіе: *платити вражду*) ³⁾. Законъ, ка-

¹⁾ Въ доказательство полного различія того и другого перевода приведемъ здѣсь вторую изъ указанныхъ въ текстѣ статей: а) по Закону судному: *Нже быеть пона рукую, да са оустыають рука; аще ли (т. е. если же виновный имѣетъ средства откупиться отъ этого наказанія), да дасть ѿ златици;* б) по 49-й главѣ печатной Кормчей: „*Нже унистителн или въ церкви или по крестяхъ (въ подлинникѣ: ἐν λητῆι — въ крестномъ ходу) и дѣцмъ бити наунеть, биень и заточениъ бѣдетъ*“. Первый текстъ, очевидно, есть полная передѣлка подлинника, буквально переданнаго во второмъ.

²⁾ Рус. Достоп. II, 181.

³⁾ Примеры см. у Миклошича въ изслѣдованіи: *Blutrache bei den Slaven*, 5. 15. 27.

рающий преступленіе убійства, содержится конечно и въ византійской Эклогѣ (тит. XVII, гл. 45); но если составитель обширной редакціи Закона суднаго предпочелъ, въ настоящемъ случаѣ, воспользоваться другимъ источникомъ—закономъ Моисея, допускавшимъ частную кровавую мечь за убійство (Исх. XXI, 24; Лев. XXIV, 19—21; Числь XXXV, 19): то въ этомъ позволительно видѣть доказательство происхожденія статьи „о враждѣ“ еще въ такую эпоху, когда и у болгаръ существовалъ въ полной силѣ обычай такой же мести съ возможностью для виновнаго откупиться отъ нея денежною пенею. Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ „вражда“ упоминается еще въ одномъ болгарскомъ памятникѣ XIII-го вѣка, именно въ грамотѣ тамошняго царя Константина Асѣня (1259 — 1278)¹⁾. Такимъ образомъ компиляторъ обширной редакціи Закона суднаго, обращая свой національный обычай въ писанный законъ, по очень понятному побужденію, счелъ нужнымъ прямо сослаться на источникъ этого закона, вполне согласный съ народнымъ обычаемъ и, въ добавокъ, болѣе авторитетный, чѣмъ византійская Эклога. Въ виду указанныхъ фактовъ, длинная полемика проф. Суворова противъ такихъ авторитетныхъ ученыхъ, какъ Губе и В. Г. Васильевскій (стр. 139—142), которые относятъ статью „о враждѣ“ къ первоначальному составу славянскаго Закона суднаго, представляется намъ дѣломъ совсѣмъ напраснымъ.

3. Слѣдующая прибавка къ 1-й статьѣ Закона суднаго: „Всако село, аще ему господинъ погынетъ, а не бѣдетъ на-

¹⁾ Миклошичъ въ цит. сочин. стр. 31 приводитъ слѣдующее мѣсто изъ этой грамоты „Вражду, разбой и комску кражду, да си възима црьквѣ на своихъ си людехъ, и тыя вражди да са не възимають на селяхъ, разкъ на исцихъ (т. е. на самихъ только виновныхъ, отвѣтчикахъ), иъ и то судомъ“. Ср. ту же грамоту въ изданіи Срезневскаго, который читалъ ее вѣскольکو иначе (Свѣд. и замѣт. о малопзв. и пензв. памятникахъ въ Прил. къ XXXIV т. Зап. Имп. Акад. Наукъ № 4, стр. 20).—Миклошичъ въ цитованномъ изслѣдованіи приводитъ еще слова изъ одной болгарской сказки, по смыслу которыхъ убійца платитъ сыну убитаго столько золота, сколько вѣситъ голова убитаго отца (стр. 32).

сладника рода его, да бы тажлаъ, да дастся церкви Кожни. Аще кто ѿ людей тажеть не по насилью, да са тепеть предъ старшиною“. Правило, предоставляющее церкви право на всѣ выморочныя недвижимыя имущества, могло появиться у болгарь (какъ появлялось и у другихъ народовъ) только во времена, самыя близкія къ эпохѣ обращенія ихъ въ христіанство, когда новая религія охватываетъ своею силою всю духовную жизнь новообращеннаго народа и надолго кладетъ свою печать на все его міросозерцаніе и на всѣ житейскія отношенія. Какъ законодатель, такъ и частный человекъ могли высказать такое воззрѣніе въ видѣ обязательной нормы только тогда, когда оно раздѣлялось всеми. Нужно впрочемъ замѣтить, что и по византійскимъ законамъ, именно по новеллѣ императора Константина Порфиророднаго (945—959 г.), третья часть имущества лица, умершаго безъ завѣщанія и безъ прямыхъ наслѣдниковъ (дѣтей), поступала въ собственность церкви¹⁾.

4. Правило, по которому свидѣтельство „попа“ принимается за свидѣтельство 12-ти мужей²⁾. Проф. Суворовъ находитъ, что это правило есть не болѣе, какъ „выраженіе личнаго взгляда и личной тенденціи“ составителя обширной редакціи Закона суднаго, а не „юридическая норма, *когда либо и идъ либо* имѣвшая свое дѣйствіе“ (стр. 145). Почему же такъ? Потому, вѣроятно, что почтенный авторъ придаетъ настоящей статьѣ славянскаго закона уже слиш-

¹⁾ Zachariae, Jus graeco-romanum, pars III, p. 276 — 279. Повидимому, этотъ законъ повліялъ на славянскую редакцію другого, старшаго византійскаго закона, составляющаго 6-ю главу VI титула Эклоги Льва Исаврадина и Константина Копронима (ок. 740 г.). Слова Эклоги: τῷ δημόσιῳ εἰσδομίσθηται, употребленныя сначала о половинѣ выморочнаго имущества, а потомъ о всей массѣ его, наша *вечная* Кормчая передаетъ въ первомъ случаѣ: „апостольская церковь и имѣни да примуть“; во второмъ: „намъ апостольскаа церковь, намъ царское сокровище, намъ людскій сохмъ да приметъ“ (Кормч. т. 49, зач. 7, гл. 2 въ концѣ). Но старшіе списки славянскаго перевода Эклоги остаются еще вѣрными подлиннику, именно переводятъ τὸ δημόσιον — „людскіи“. Мѣрило Праведное Троицкой лавры XIV в. № 15, л. 180 об.

²⁾ Русс. Достоп. II, 182: „Попъ бываетъ (въ послушествѣ) за 12 мужа“.

комъ широкій и безусловный смыслъ, именно понимаетъ етакъ: свидѣтельство попа во всякомъ случаѣ равносильно свидѣтельству 12-ти мужей (мірянъ). Но статья допускаетъ полную возможность и такого пониманія: въ тѣхъ случаяхъ, когда по существу дѣла или по особеннымъ обстоятельствамъ его, свидѣтелемъ на судѣ является одинъ только попъ, его показаніе признается столь же достовѣрнымъ, какъ и показаніе 12 свидѣтелей въ случаяхъ обыкновенныхъ, т. е. такихъ, для которыхъ число это установлено, какъ общее правило. Взятая въ этомъ ограниченномъ смыслѣ, статья стараго болгарскаго (и вмѣстѣ русскаго) закона не представляетъ собою ничего невѣроятнаго или невозможнаго, а служитъ только доказательствомъ глубокой древности изложенной въ ней юридической нормы. Въ самомъ дѣлѣ, если и теперь, по дѣйствующему у насъ праву, простое, т. е. безъ присяги данное показаніе священника на судѣ равняется присяжному показанію мірянина: то въ древности, у народа новообращеннаго въ христіанство, „послушество поповское“, дѣйствительно, могло имѣть такое же рѣшающее значеніе, какъ и послушество 12-ти мужей, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда другихъ свидѣтелей не было, или когда по самому существу дѣла для его судебного рѣшенія требовалась не столько правда формальная, представляемая согласнымъ показаніемъ 12-ти свидѣтелей, сколько матеріальная, вѣщателемъ которой во всякомъ случаѣ признавался священникъ.

5. Статья „о патріаршей части“, которая читается такъ: „**О** уставенный патріархомъ правныйъ уестн: яко не достонтьнымъ възсхыщати области, нномуу достонны на свашченне и строенне, но и гъсхыщеннымъ по омыдъ вратити“¹⁾. Какъ извѣстно, статья эта есть переводъ оглавленія перваго титула каноническаго сборника Іоанна Схоластика²⁾. Значить, она взята

¹⁾ Текстъ этой статьи во всѣхъ извѣстныхъ намъ спискахъ и печатныхъ изданіяхъ Закона суднаго сильно испорченъ.

²⁾ Вотъ греческій подлинникъ этого оглавленія: *Περὶ τῆς ὀριθεύσεως τοῖς πατριάρχεις ἐκ τῶν κανόνων τιμῆς, καὶ τοῦ μὴ ἐξεῖναι τινὶ αὐτῶν ὑφαρπάσειν ἐπαρχίαν ἑτέρωφ προτίχουσαν ἐπὶ χειροτονία καὶ διοικήσειν, ἀλλὰ καὶ τὰς ὑφαρπαγεῖσας ἤδη τοῖς ἀδικηθεῖσιν ἀναποδίδουσαι.*

еще изъ первоначальнаго славянскаго номоканона, каковымъ несомнѣнно былъ переводъ названнаго сборника, находившійся въ древне-болгарской церкви въ преимущественномъ, если не исключительномъ, употребленіи¹⁾. Внесеніе этой статьи въ текстъ Закона суднаго всего проще и естественнѣе объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что уже второй христіанскій государь Болгаріи, знаменитый царь Симеонъ объявилъ свою церковь автокефальною, т. е. независимою отъ Константинопольскаго патріаршаго престола, при чемъ и болгарскій архіепископъ принялъ на себя титулъ *патріарха*²⁾. Нужно было канонически оправдать новый порядокъ церковныхъ дѣлъ въ Болгаріи, противъ котораго, конечно, протестовали изъ Византіи, и это оправданіе, найденное на первой страницѣ каноническаго кодекса самой же греческой церкви, внести въ первый писанный законъ Болгаріи, взятый тоже у грековъ. Правда, статья „о чести патріаршей“ во всѣхъ извѣстныхъ намъ спискахъ обширной редакціи Закона суднаго смотритъ какою-то неумѣстною вставкою³⁾; но не нужно забывать, что систематическое изложеніе законовъ было вообще не по силамъ доброму старому времени и что, съ другой стороны, позднѣйшіе списки такихъ памятниковъ, каковъ Законъ судный, не могутъ служить достовѣрнымъ свидѣтельствомъ о первоначальномъ ихъ видѣ.

Можно было бы привести изъ обширной редакціи Закона суднаго и еще нѣсколько статей, носящихъ на себѣ печать такой же древности; но въ настоящемъ случаѣ достаточно ограничиться однимъ общимъ указаніемъ на тотъ фактъ, что

¹⁾ Доказательства изначальнаго и преимущественнаго употребленія въ древней Болгаріи номоканона Схоластика находятся въ составѣ старшаго (Румянцовскаго) списка этого номоканона, въ которомъ, кромѣ Закона суднаго (въ краткой редакціи), помѣщено нѣсколько статей несомнѣнно болгарскаго происхожденія, напримѣръ, отрывки изъ слова Козмы пресвитера противъ Богомиловъ и др.

²⁾ См. у Голубинскаго въ „Исторіи правосл. церкви болгарской, сербской и румынской“, стр. 37.

³⁾ Она поставлена между статьей „о мѣтати“ (своложествѣ) и статьей: „же сваратса два мужа“ (объ отвѣтственности за раны увѣчья).

обширная редакція названнаго памятника, наряду съ *краткою*, служила источникомъ для составленія разныхъ юго-славянскихъ епитимейниковъ, дошедшихъ до насъ въ спискахъ XIII—XV вв.¹⁾ Отсюда по меньшей мѣрѣ слѣдуетъ, что въ указанную эпоху списки обширной редакціи были столько же общеизвѣстны и употребительны въ средѣ юго-славянскихъ книжниковъ, какъ и списки краткой редакціи. А сдѣлаться таковыми они могли только благодаря болѣе или менѣе давнему происхожденію ихъ общаго оригинала.

По всѣмъ изложеннымъ соображеніямъ, мы остаемся въ сущности при прежнемъ нашемъ мнѣніи (правда, тогда не достаточно мотивированномъ), т. е. признаемъ обѣ редакціи Закона суднаго одинаково древними и обѣ — болгарскими. По тѣмъ же соображеніямъ, мы не находимъ причины, почему бы обширную редакцію Закона суднаго слѣдовало отдѣлять отъ краткой, какъ нѣчто далекое отъ нея по времени и мѣсту своего происхожденія, и трактовать о каждой въ особыхъ главахъ, какъ это дѣлаетъ въ своей книгѣ проф. Суворовъ²⁾.

Теперь пора уже перейти къ главному вопросу, занимающему нашего почтеннаго канониста — къ вопросу о вліяніи католическаго церковнаго права на обѣ редакціи Закона суднаго. Вопросъ поставленъ такъ: „Авторъ настоящаго

¹⁾ Такъ въ извѣстномъ уже номоканонѣ Григоровича, наряду съ 4 и 14-ю статьями изъ краткой редакціи Закона, находятся четыре статьи изъ обширной, изложенныя въ такомъ видѣ: 1) „Аще кесъ родъ умреть и място останеть, ника и лоза, да есть цръкви“ (ср. выше, стр. 59 пун. 3); 2) „Аще шъць неправо имать дѣти, пь единомуу дастъ много, а другомуу мало гытъ ради, да се раздѣлитъ право“ — (ср. Русск. Достоп. II, 177). 3) „Аще кто реуетъ христіанишѣ еретиже, разсужденіе кестъ томоу бити твердо и змишати“ — (ср. тамъ же, стр. 181); 4) „Аще ратан не дошретъ крѣмени своего или пастырѣ, да кестъ лихъ цѣны“ (ср. тамъ же). См. Ягича *Opisi i izvodi*, стр. 194—195.

²⁾ О краткой редакціи авторъ говоритъ въ первой главѣ своего изслѣдованія, обѣ обширной — въ третьей, а между ними поставилъ уже извѣстную намъ „Заповѣдь св. Отець“.

изслѣдованія долженъ откровенно сознаться, что сопоставленіе отдѣльныхъ частей въ славянскомъ Законѣ судномъ съ одной стороны съ византійскими, а съ другой — съ западно-католически источниками, давно уже наводило его на мысль, что 1) передѣлка, которая замѣчается въ краткой редакціи Закона суднаго, сравнительно съ подлинною византійской Эклогой, состоялась подъ вліяніемъ западно-католическимъ, или, по крайней мѣрѣ, благодаря лицу, достаточно знакомому съ западнымъ церковнымъ правомъ, и 2) что нѣкоторыя статьи обширной редакціи Закона суднаго, не имѣя для себя *никакихъ* (!) образцовъ въ византійскомъ законодательствѣ и представляя напротивъ сходство съ памятниками католическаго церковнаго права, явились какъ заимствованія изъ этихъ послѣднихъ“ (стр. 6—7).

Итакъ западное церковное вліяніе на краткую редакцію Закона суднаго сказалось прежде всего въ томъ, чѣмъ эта редакція всего больше отличается отъ своего византійскаго источника, — въ назначеніи за нѣкоторыя преступленія, наряду съ уголовнымъ наказаніемъ, церковнаго покаянія. „Всматриваясь пристально въ передѣланную редакцію статей византійской Эклоги“, авторъ замѣчаетъ слѣдующія черты этой передѣлки, „на которыхъ можно прослѣдить вліяніе западно-католическаго церковнаго права:

1. „Церковное покаяніе въ Законѣ судномъ назначается, какъ *публичное* покаяніе, съ прохожденіемъ по степенямъ, т. е. въ духѣ древне-церковной дисциплины III и IV вв. А извѣстно, что на востокѣ эта древняя дисциплина ослабѣла уже къ V-му столѣтію, между тѣмъ какъ на западѣ, гдѣ католической церкви пришлось играть весьма дѣятельную роль въ воспитаніи и дисциплинированіи варварскихъ народовъ, публичное покаяніе до X (?) столѣтія практиковалось въ обширнѣйшихъ размѣрахъ“ (стр. 9). Правда, нашъ канонистъ не забываетъ, что „и въ восточной практикѣ, современной распространенію христіанства въ Болгаріи, не совсѣмъ забыто было публичное церковное покаяніе“, и въ доказательство такой практики ссылается на опредѣленія Константинопольскаго собора 869 года, который присудилъ лжесвидѣтелей, давшихъ на предыдущемъ соборѣ (861 г.)

ложныя показанія подъ присягой противъ патріарха Игнатія, къ семилѣтнему публичному покаянiю, съ прохожденiемъ его по установленнымъ въ канонахъ степенямъ*. Но „не надобно забывать, спѣшить оговориться авторъ, что соборъ 869 года хотя и состоялъ изъ представителей восточной церкви, но дѣйствовалъ подъ влiанiемъ и руководствомъ папскихъ легатовъ, которые и побудили восточную iерархію „вспомнить и примѣнить въ настоящемъ случаѣ древнее церковное право, перевести его изъ области историческихъ воспоминанiй, сдѣлавшихся теорiей, въ практику“ (стр. 10—11). Много мы могли бы привести свидѣтельствъ изъ памятниковъ восточнаго церковнаго права IX — XIV вв., обличающихъ неправильность изложенныхъ заявленiй нашего почтеннаго коллеги. Но въ настоящемъ случаѣ ограничимся указанiемъ только на тѣ факты, которые находимъ въ другихъ сочиненiяхъ автора настоящихъ „Слѣдовъ западно-католическаго церковнаго права въ памятникахъ древняго русскаго права“. Въ своей магистерской диссертации „о церковныхъ наказанiяхъ“, писанной еще тогда, когда авторъ, по всей вѣроятности, и не мечталъ о предстоящей ему чести сдѣлать открытіе этихъ „слѣдовъ“, онъ приводилъ изъ актовъ Константинопольскаго патріархата XIV вѣка два примѣра преданiя публичному покаянiю, одинъ разъ — за клятвopреступленіе, другой—за волшебство. „Послѣдній документъ, скажемъ собственными словами автора, важенъ, между прочимъ, въ томъ отношенiи, что стояніе внѣ церкви и испрошеніе прощенiя у входящихъ и исходящихъ представляется въ XIV вѣкѣ *дѣломъ обычнымъ*“ (σς εθς) ¹⁾. Если такъ было на востокѣ даже въ XIV вѣкѣ, то совершенно невѣроятно, чтобы греческая iерархіа, присутствовавшая на соборѣ 869 г., смотрѣла на публичныя покаянiя, какъ на дѣло давно минувшихъ дней, перешедшее изъ области практики „въ сферу историческихъ воспоминанiй“, которая въ свою очередь „сдѣлалась теорiей“. Напротивъ, въ восточной церкви всегда дѣйствовало и до нашихъ дней остается въ силѣ правило, что за открытое преступленіе

¹⁾ Стр. 76, прим. 2.

противъ церковныхъ законовъ виновный подвергается *публичному* покаянію. Разъ увлекшись предвзятою мыслию, авторъ не только забываетъ, что самъ писалъ прежде, но и не замѣчаетъ, что приводимые имъ въ подтвержденіе этой мысли аргументы съ одинаковою силою могутъ быть обращены и противъ него. Въ самомъ дѣлѣ, если на западѣ „публичное покаяніе до X вѣка практиковалось въ обширнѣйшихъ размѣрахъ“ по той причинѣ, что „католической церкви пришлось играть весьма дѣятельную роль въ воспитаніи и дисциплинированіи варварскихъ народовъ“, то таже самая задача во второй половинѣ IX вѣка (о предыдущихъ временахъ была рѣчь выше) выпала на долю и восточной церкви по отношенію къ варварскому же народу—болгарамъ, для которыхъ и составлена была компиляція, извѣстная подъ именемъ Закона суднаго. Нужно впрочемъ оговориться, что въ публичныхъ покаяніяхъ Закона суднаго авторъ видитъ только „нѣкоторое, не совсѣмъ рѣшительное доказательство западнаго вліянія“ на эту компиляцію.

„Голѣе значенія“ придаетъ онъ—2) „тому обстоятельству, что Законъ судный, присуждая къ посту на многое число лѣтъ, втеченіе всего этого количества или извѣстной части его, назначаетъ питаться хлѣбомъ и водой“ (стр. 12). Но мы уже имѣли случай оцѣнить безотносительное значеніе этого довода въ предыдущей главѣ, посвященной вопросу о подлинникѣ „Заповѣди св. отецъ“.

3. „Характерно— аргументируетъ далѣе проф. Суворовъ— опредѣленіе терминовъ, или сроковъ и границъ для религіознаго общенія лицъ, отбывающихъ покаяніе, съ вѣрующими, находящимися въ обладаніи полною церковною правоспособностію. Въ Законѣ судномъ говорится, что подвергнутый въ видѣ наказанія церковному покаянію сначала стоитъ внѣ церкви, потомъ входитъ въ церковь до евангелія, затѣмъ— до „Вѣрую во единого Бога“ и наконецъ допускается къ стоянію вмѣстѣ съ вѣрными. Что кающіеся допускались къ присутствію при богослуженіи съ извѣстною постепенностію,— это было руководящимъ правиломъ и для западной и для восточной церковной практики за все время примѣненія церковію публичнаго покаянія“ (стр. 14)..... „Но чтобы

кающіеся допускаемы были къ стоянію за литургіей до чтенія или пѣнія символа вѣры, этого, вѣроятно, никто и никогда не найдетъ ни въ одномъ восточномъ памятникѣ“ (стр. 15). Правда, вслѣдъ затѣмъ самъ авторъ прибавляетъ, что „такой оригинальный терминъ *не* встрѣчается и въ памятникахъ западнаго церковнаго права“; но это обстоятельство все-таки не мѣшаетъ ему видѣть тутъ слѣдъ западнаго вліянія. „Западная литургія, гороритъ онъ, отличается отъ восточной между прочимъ тѣмъ, что херувимская пѣснь, неизвѣстная въ первые вѣка и въ восточномъ церковномъ употребленіи, на западѣ осталась неизвѣстною навсегда. Кромѣ того, рѣзкое разграниченіе между литургіею оглашенныхъ и литургіею вѣрныхъ, которое въ восточномъ церковномъ богослуженіи дѣлалось молитвой объ оглашенныхъ и приглашеніемъ со стороны діакона оглашеннымъ выйти изъ церкви, такъ чтобы за богослуженіемъ оставались лишь „елицы вѣрніи“, въ западной литургіи не удержалось. Вслѣдъ за прочтеніемъ евангелія, въ католической литургіи священникъ произноситъ: *Credo in unum Deum*, послѣ чего символъ вѣры поется хоромъ, а потомъ прямо начинается важнѣйшее литургическое дѣйствіе словами: *Sursum corda* (горѣ имѣмъ сердца). Если бы неизвѣстный редакторъ Закона суднаго зналъ одну лишь восточную литургію, то трудно было бы объяснить, какимъ образомъ онъ представлялъ себѣ возможнымъ присутствіе кающихся во время пѣнія херувимской пѣсни, послѣ напоминанія со стороны священника или діакона о томъ, что въ храмъ должны остаться одни вѣрныи“ (стр. 16). Вся сила этого аргумента заключается въ предположеніи, что въ IX вѣкѣ западная и восточная литургіи имѣли тотъ самый видъ, какой имѣютъ онѣ въ настоящее время. Но извѣстно, что дѣло было далеко не такъ. Восточная литургія получила свой нынѣшній видъ только въ XIV вѣкѣ (при патріархѣ Филооѣѣ ¹⁾), а западная—послѣ Тридентскаго собора ²⁾. Каковъ былъ составъ

¹⁾ См. *Невоструевъ*, Опис. ркп. синод. библ. отд. 3 ч. 1 предисл. стр. V—VI.

²⁾ См. *Herg-nröther*, Handbüch d. Kirchengeschichte, 8 Bd., 3 Aufl. s. 262.

и порядокъ той и другой въ эпоху обращенія болгаръ въ христіанство, — это вопросъ специалистовъ по литургикѣ. Для насъ достаточно замѣтить только, что въ восточной церкви херувимская пѣснь и символъ вѣры введены въ составъ литургіи въ VI столѣтіи, и что первоначальный порядокъ ихъ былъ едва ли не противоположный нынѣшнему, т. е. херувимская пѣснь *слѣдовала* за символомъ. По крайней мѣрѣ изъ дѣяній Константинопольскаго собора 536 года видно, что во время этого собора символъ вѣры читался за литургіею „*послѣ евангелія и по заключеніи дверей церковныхъ*“, т. е. по выходѣ оглашенныхъ и кающихся, или *въ самомъ началѣ* литургіи вѣрныхъ ¹⁾. На этотъ именно моментъ и указываютъ слова Закона суднаго: „до Вѣрую во единого Бога“. Тотъ же срокъ стоянія епитимійцевъ въ церкви за литургіею указанъ и въ покаянномъ номоканонѣ Постника: ἕως τῶν κληρονομησῶν, т. е. до выхода оглашенныхъ изъ церкви, или до прочтенія молитвъ объ нихъ (по 19-му правилу лаодикійскаго собора, кающіеся, какъ уже *крещенные*, выходили изъ церкви *послѣ* оглашенныхъ).

4) Если не болѣе сильнымъ, то болѣе искуснымъ представляется дальнѣйшій аргументъ проф. Суворова: „византійскому праву, говоритъ онъ, чуждо *наитрепное и сознательное* различіе и противоположеніе закона свѣтскаго и закона церковнаго... Между тѣмъ, обращаясь къ западному церковному праву, одновременному или близкому по времени къ составленію Закона суднаго, мы находимъ, что различіе и противоположеніе (въ принципѣ) законовъ церковнаго и гражданскаго, подъ названіями—съ одной стороны: *lex ecclesiastica, lex divina, lex canonica*, съ другой: *lex vulgaris, lex humana, lex mundana*, равно какъ совмѣстное примѣненіе свѣтскаго и церковнаго наказанія (въ практикѣ), было весьма обычнымъ явленіемъ въ законодательствѣ свѣтскомъ и церковномъ“ (стр. 19). Тоже самое, какъ извѣстно, составляетъ особенность и всѣхъ тѣхъ статей Закона суднаго, въ которыхъ наряду съ уголовнымъ наказаніемъ на-

¹⁾ *Филаретъ*, архіен. чернигов., Историч. обзоръ пѣснопослицевъ и пѣснопѣвцевъ греческой церкви, изд. 2, стр. 171; ср. стр. 205 - 206.

значается церковное покаяніе. Ergo — всѣ эти статьи образовались „подъ вліяніемъ не восточнаго, а западнаго церковнаго права“ (стр. 22). Подтвержденіе этого вывода проф. Суворовъ находитъ въ извѣстныхъ отвѣтахъ папы Николая I на вопросы новообращенныхъ болгаръ. Болгары дѣйствительно просили папу прислать имъ какъ сборникъ правилъ о церковныхъ покаяніяхъ, такъ и сборникъ свѣтскихъ законовъ, и папа препроводилъ имъ то и другое, рекомендуя пользоваться этими книгами подъ руководствомъ своихъ легатовъ (стр. 23). Мы уже знаемъ отъ проф. Суворова, что первый сборникъ былъ не иное что, какъ латинскій такъ называемый Мерзбургскій пенитенціалъ, мнимый подлинникъ славянской „Заповѣди св. отецъ“; а теперь узнаемъ, что и давно извѣстный *греческій* источникъ Закона суднаго—Эклога иконоборцевъ Льва Исаврянина и Константина Копронима—получена была болгарами тоже отъ папы, а не изъ Константинополя, вообще — не отъ грековъ. Последняя догадка оправдывается разными соображеніями, изъ коихъ серіознаго вниманія заслуживаютъ слѣдующія два: 1) „въ IX и X столѣтіяхъ Эклога пользовалась распространенностію и извѣстностію въ Италиі“; 2) въ Эклогѣ „можно найти *почти* *всѣ* тѣ преступленія, по поводу которыхъ папа въ своихъ отвѣтахъ (19, 24, 26, 28, 31 и 52-мъ) говоритъ болгарамъ, что они должны развернуть книгу римскихъ законовъ и по этимъ законамъ поступать“ (стр. 24 — 25, примѣч. 38). Итакъ, благодаря остроумнымъ сближеніямъ автора, мы присутствуемъ, такъ сказать, при самомъ процессѣ образованія Закона суднаго: предъ нами на лицо весь или *почти* *весь* матеріалъ, изъ котораго составилаь эта славяно-греко-латинская компиляція; мы можемъ назвать по именамъ всѣхъ или почти всѣхъ участниковъ этого дѣла; можемъ почти съ математическою точностію опредѣлить эпоху появленія не только Закона суднаго, но и Заповѣди св. отецъ: это—тѣ „три-четыре года“ (866—870), когда латинское духовенство господствовало въ Болгаріи и когда, по увѣренію проф. Суворова, „западные церковные порядки могли уже пустить корни въ болгарскую почву, такъ что не могли исчезнуть безслѣдно и по прекращеніи сноше-

ній съ Римомъ“ (стр. 17). Но не будемъ увлекаться „живыми“ историческими картинами, какія показываетъ намъ талантливый авторъ въ далекой перспективѣ давно-минувшихъ вѣковъ, при эффектномъ освѣщеніи съ запада, откуда дѣйствительно падаетъ большой свѣтъ на эпоху обращенія Болгаръ въ христіанство. Попытаемся освѣтить ту же эпоху съ противоположной стороны, и прежде всего спросимъ почтеннаго автора: откуда онъ почерпнулъ убѣжденіе, что на востокъ вовсе не было обычно различіе и противоположеніе закона свѣтскаго и закона церковнаго? Чтобы не ходить далеко за нужными справками по этому вопросу, остановимся на тѣхъ самыхъ фактахъ, которые только-что показалъ намъ проф. Суворовъ. Новокрещенные болгары просятъ папу прислать имъ не только книгу свѣтскихъ (уголовныхъ) законовъ, по которымъ у старшихъ христіанскихъ народовъ судятся и караются преступники разнаго рода, но и книгу церковныхъ правилъ о покаяніяхъ, какъ средствахъ *нравственнаго* исправленія преступниковъ. Откуда они, вчера еще язычники, научились различать и противопоставлять тѣ и другіе законы съ сознаниемъ одинаковой ихъ необходимости для своего поревоспитанія въ народъ цивилизованный и христіанскій? Безъ сомнѣнія — отъ своихъ крестителей-грековъ, къ которымъ они, надобно думать, уже при самомъ крещеніи своемъ обращались съ тою же самою просьбою относительно свѣтскихъ и церковныхъ законовъ, какую повторили потомъ предъ папою Николаемъ I. Прямое указаніе на это находимъ въ посланіи патріарха Фотія къ новокрещенному болгарскому князю Борису-Михаилу. Здѣсь, между прочимъ, содержится слѣдующее наставленіе: „Совершеннѣйшіе изъ законовъ (т. е. греко-римскіе) чтѣ и принимай, и, взирая въ нихъ, направляй свою жизнь; однакожь не по ихъ постановленіямъ налагай на своихъ подданныхъ наказанія—тяжкія и неумолимая, но исправляй (преступниковъ) посредствомъ законовъ *болѣе чело-вѣкълюбовивыхъ*“ (т. е. церковныхъ) ¹⁾. Слова эти съ необ-

¹⁾ Νόμων τοὺς ἀκριβεστάτους ἐπαίνει καὶ ἀποδέχου, καὶ πρὸς ἐκείνους βλέπων τὸν σεαυτοῦ ρύθμιζε βίον, μὴ μέντοι κατὰ τὰς ἐκείνων φήφους τὸ

ходимостію заставляють предполагать, что вмѣстѣ съ патриаршимъ посланіемъ къ болгарскому князю отправлены были и самыя книги законовъ, о которыхъ упомянулъ здѣсь Фотій: ибо въ какіе другіе законы могъ „взирать“ Борисъ-Михаиль, по наставленію патриарха, когда у болгаръ не было еще никакихъ (писаныхъ) законовъ не только церковныхъ, но и свѣтскихъ? При помощи уже извѣстнаго намъ Румянцовскаго списка первоначальнаго славянскаго и по преимуществу болгарскаго номоканона, мы можемъ съ рѣдкою для подобныхъ случаевъ точностію опредѣлить, какія именно книги свѣтскихъ и церковныхъ законовъ могли быть посланы теперь изъ Константинополя въ Болгарію. Въ упомянутомъ славянскомъ номоканонѣ находятся: 1) „Законъ судный людемъ“, составленный какъ-разъ по программѣ патриарха Фотія, ибо здѣсь содержатся: а) извлечения изъ уголовныхъ законовъ Эклоги (дѣйствительно, весьма суровыхъ) и б) параллельныя извлечения изъ церковныхъ правилъ, замѣняющія во многихъ случаяхъ уголовное наказаніе церковнымъ покаяніемъ; 2) покаянный номоканонъ Іоанна Постника, судьба котораго въ славянскихъ церквахъ намъ уже извѣстна, и 3) не менѣе извѣстная „Заповѣдь св. отецъ“. Само собою понятно, что всѣ эти законныя книги и, вѣроятно, нѣкоторыя другія статьи, входящія въ составъ Румянцовскаго номоканона, могли появиться на славянскомъ языкѣ не въ первый годъ по крещеніи Болгаріи и не въ слѣдующіе три-четыре года, когда тамъ господствовало латинское духовенство, а значительно позднѣе, когда между болгарами успѣла уже болѣе или менѣе распространиться грамотность, — по всей вѣроятности, во времена болгарскаго царя-„книголюбца“ Симеона. Догадка проф. Суворова, что греческій источникъ „Закона суднаго“ — Эклога иконоборцевъ получена была болгарами не изъ Византіи, а изъ Рима, болѣе остроумна, чѣмъ основательна. Мы не отрицаемъ того факта, что Эклога „пользовалась распространенностію и извѣстностію въ Италіи“, по—въ какихъ частяхъ Италіи?—На са-

ὀπίσθρον ἀπαραίτητον εἰσπράττον τὰς τιμωρίας, ἀλλὰ διὰ τῶν φιλανθρωποτέρων μᾶλλον παιδαγωγῆσι. Epist. Photii, ed. Baletta, p. 232, cap. 42.

момъ югѣ, въ Калабріи и Сициліи, которыя составляли тогда „тему“ (военный округъ) византійской имперіи и въ которыхъ господствующее населеніе было греческое. Государственная (и вмѣстѣ церковная) территорія города Рима далеко не доходила до границъ этихъ провинцій; она отдѣлялась отъ нихъ разными мелкими независимыми республиками и княжествами средней Италіи. Внѣ указанныхъ греческихъ провинцій, и въ особенности въ Римѣ, Эклога была совершенно неизвѣстна; да если бы и была извѣстна, то папа Николай I никакъ не рѣшился бы послать въ новообращенную Болгарію этотъ памятникъ законодательной дѣятельности „нечестивыхъ“ и въ особенности въ Римѣ ненавистныхъ иконоборцевъ. И странно было бы со стороны папы—послать болгарскому князю, только что разорвавшему свой союзъ съ Византіей, византійскую же законную книгу, и тѣмъ самымъ какъ бы выразить сознание, что и римская церковь въ своей цивилизаторской дѣятельности относительно Болгаріи не можетъ обойтись безъ помощи грековъ. Но всего рѣшительнѣе говорить противъ догадки проф. Суворова неправильность его показанія, будто въ Эклогѣ „можно найти почти всю тѣ преступленія, по поводу которыхъ папа въ своихъ отвѣтахъ говоритъ болгарамъ, что они должны развернуть книгу римскихъ законовъ и по этимъ законамъ поступать“. Преувеличенность этого показанія замѣтилъ и самъ авторъ. Въ дополнительныхъ поправкахъ къ своей книгѣ онъ долженъ былъ оговориться, что римскій законъ о скопцахъ указанъ папою (въ 52-мъ отвѣтѣ) по какому либо сборнику Юстиніановыхъ новеллъ (а не по Эклогѣ, въ которой такого закона нѣтъ). Прибавимъ къ этому, что и другіе законы, упомянутые въ папскихъ отвѣтахъ на вопросы болгаръ о различныхъ видахъ убійства (отв. 24, 26 и 27), не могутъ быть сопоставляемы съ 1-ю главою XVII-го титула Эклоги, какъ это дѣлаетъ проф. Суворовъ: папа въ своихъ отвѣтахъ говоритъ о томъ, что всѣ вообще убійцы могутъ избѣжать уголовнаго наказанія, назначеннаго имъ по законамъ, если воспользуются правомъ прибѣжища къ церкви (*ius asyli*), а Эклога въ указанномъ мѣстѣ опредѣляетъ *наказаніе нарушителямъ этого права*, которое, какъ

извѣстно, представлялось греко-римскими законами не однимъ убійцамъ, но и другимъ преступникамъ, и не преступникамъ только, но и всѣмъ, кто искалъ безопасности подъ охраною церковной святыни (рабамъ, убѣгавшимъ отъ жестокости господъ, лицамъ, избѣгавшимъ отъ незаконнаго порабощенія или отъ разъяренной толпы и т. под.). Но и тутъ еще не конецъ всѣмъ недочетамъ въ законахъ византійской Эклоги, сравнительно съ книгою „досточтимыхъ римскихъ законовъ“, посланною Николаемъ I въ Болгарію: въ этой книгѣ, по указанію папы, болгары могли найти законы о бѣглецахъ изъ отечества (cap. 20: *quod leges deserunt*), о рабахъ, убѣгающихъ отъ господъ (cap. 21: *legum scita non transcenduntur in eo*), о солдатахъ - дезертирахъ или не слушающихъ команды во время войны (cap. 22 и 23: *legum temperetur severitas*), о стражѣ, пропускающей бѣглыхъ за границу (*et de hoc in legibus est requirendum*) и, наконецъ, о ложныхъ обвинителяхъ (cap. 84: *de hoc venerandae leges abunde quod justum est innuant*¹⁾).

1) Вопросъ о томъ, какой именно сборникъ римскихъ гражданскихъ законовъ посланъ былъ папою Николаемъ I новообращеннымъ болгарамъ, по нашему мнѣнію, не имѣетъ особенной важности для исторіи болгарскаго и тѣмъ менѣе русскаго права. Господство латинскаго духовенства въ Болгаріи было такъ непродолжительно, что, по справедливому замѣчанію проф. Богшича, оно не могло оставить тамъ сколько нибудь глубокаго и не скоро изгладимаго слѣда. Тѣмъ не менѣе названный почтенный ученый не уклоняется и отъ рѣшенія вопроса о вышеупомянутомъ сборникѣ. По его мнѣнію, это могъ быть или институтъ Юстиніана или павѣстная вестготская компиляція *Breviarium Alaricianum* (*Pisani zakoni na slovenskom jugu*. Zagreb. 1872, стр. 15). Но на первой догадкѣ не настаиваетъ и самъ авторъ, а принять вторую препятствуетъ то обстоятельство, что названная компиляція произошла и исключительно употреблялась только во Франціи; что же касается до Италіи, то здѣсь въ періодъ вивантійскаго и лангобардскаго владѣнства находились въ употребленіи подлинныя Юстиніановы закононыя книги: кодексъ, институты и новеллы (послѣднія—въ сокращеніи Юліана). Но въ первой четверти IX в. появилась въ Италіи весьма богатая компиляція римскихъ гражданскихъ законовъ, назначенная преимущественно для церковнаго употребленія, — т. наз. *Lex Romana canonice compta* (см. *Maassen, Geschichte d. Quellen und Liter. d. canon. Rechts*, s. 887—888). Она-то, по всей вѣроятности, и была послана папою Николаемъ I въ Болгарію. По крайней мѣрѣ въ ней можно найти *все* римскіе законы, на

Всѣхъ этихъ законовъ напрасно бы мы стали искать въ Эклогѣ. Исключеніе составляетъ развѣ только послѣдній законъ (о ложныхъ обвинителяхъ): онъ имѣется и въ Эклогѣ; но это—такое исключеніе, которое всего яснѣе показываетъ, что посланная папою въ Болгарію книга римскихъ законовъ нисколько не походила на византійскую Эклогу: папская книга содержала въ себѣ *большое число* законовъ о ложныхъ обвинителяхъ (*leges abunde inpuant*), а Эклога—всего только одну статью и то весьма краткую¹⁾. О папскомъ посланіи къ новообращеннымъ болгарамъ вообще нужно замѣтить, что оно важно для исторіи древне-болгарскаго права, и въ особенности для рѣшенія вопроса о происхожденіи Закона суднаго, не столько по отвѣтамъ папы на предложенные ему вопросы, сколько по этимъ самимъ вопросамъ. Они рисуютъ предъ нами довольно полную и живую картину внутренняго быта Болгаріи въ эпоху ея обращенія въ христіанство, объясняютъ мотивы появленія здѣсь перваго писаннаго закона и съ тѣмъ вмѣстѣ служатъ лучшимъ, точнѣе сказать, единственнымъ историческимъ комментариемъ на отдѣльныя статьи сего²⁾.

Кромѣ сойчасъ рассмотрѣнныхъ статей Закона суднаго, отличающихся отъ соотвѣтственныхъ статей Эклоги прибавкою къ уголовнымъ наказаніямъ церковныхъ покаяній и тѣмъ самымъ будто бы обличающихъ на себѣ слѣды вліянія западно-католическаго церковнаго права, проф. Суворовъ находитъ доказательства того же вліянія въ постановленіяхъ славянскаго Закона по двумъ предметамъ: а) о плотской связи въ кругу духовнаго родства и б) о свидѣтеляхъ.

а) Постановленія о плотской связи между лицами, состоя-

которые ссылался въ своихъ отвѣтахъ папа, называя ихъ именномъ *римскими*, т. е. повторяя надписаніе самой компіляціи, въ которой они содержались.

1) Tit. XVII, cap. 51: *Оі ελοφάνται ἐν οἰαδέτηι αἰτία ελοφαντήσοσι τινα τῆ τατοπαθεία ὑποκείσθωσαν*. Ср. послѣднія слова 27-ой главы того же титула, гдѣ опредѣляется наказаніе за ложное обвиненіе въ прелюбодѣяннѣ.

2) Со временемъ мы надѣемся издать таксъ Закона Суднаго въ обѣихъ его редакціяхъ, параллельно съ греческими источниками, и снабдить свое изданіе необходимыми комментаріями, куда войдутъ и папскіе отвѣты.

щими въ духовномъ родствѣ, изложены въ 7 й и 8-й статьяхъ Закона суднаго. Въ первой опредѣляется наказаніе (уголовное и церковное) за бракъ воспріемника съ матерью воспріятого дитяти, а во второй — такое же наказаніе за бракъ воспріемника съ самою воспріятою, своею крестною дочерью. Въ уголовныхъ законахъ Эклоги (т. е. въ ея XVII титулѣ) имѣется источникъ только для первой изъ указанныхъ статей Закона суднаго, но не для второй. Въ этомъ отличительномъ пунктѣ славянскаго памятника авторъ не прочь видѣть слѣдъ католическаго вліянія (стр. 37), хотя самъ же замѣчаетъ, что „о воспрещеніи брака между воспріемниками и ихъ крестницами говорится и въ Эклогѣ (тит. II, гл. 2), но говорится-де не съ точки зрѣнія уголовной наказуемости подобнаго брака, а съ точки зрѣнія гражданскаго вопроса о недопустимости законнаго супружескаго союза между этими лицами“ (стр. 30). Но такъ какъ — скажемъ мы на эту оговорку — Законъ судный былъ не полнымъ переводомъ Эклоги, а лишь передѣлкою ея уголовныхъ законовъ, то для новобращенныхъ болгаръ необходимо было сдѣлать здѣсь дополненіе къ тексту подлинника, — и оно сдѣлано частію по смыслу предыдущей статьи (о наказуемости брака съ матерью крестницы), частію по прямому указанію покаяннаго номоканона Іоанна Постника, правило котораго, *совершенно согласное съ этою дополнительною статьею Закона суднаго*, уже приведено нами выше. Такимъ образомъ мы освобождаемся теперь отъ необходимости производить детальную оцѣнку основаній, на которыхъ проф. Суворовъ утверждаетъ свою догадку о присутствіи тутъ слѣдовъ западно-католическаго вліянія. Мы готовы даже сдѣлать большой сюрпризъ нашему почтенному товарищу по наукѣ. Повидимому, оиъ затруднялся найти на западѣ такой источникъ для настоящей (т. е. 8-й) статьи Закона суднаго, который бы не оставлялъ мѣста никакимъ возраженіямъ. „Папы, говоритъ оиъ, повидимому, не считали необходимымъ явственно оговаривать воспрещеніе браковъ между воспріемниками и воспріятыми, но о немъ упомянуто въ лонгобардскихъ законахъ и въ нѣкоторыхъ сборникахъ церковнаго права IX—X столѣтій“, т. е. въ пенитенціалахъ (стр. 32). Какъ

угодно, но этого мало для скептиковъ: лонгобардскіе законы дѣйствовали слишкомъ далеко отъ Болгаріи ¹⁾); а латинскіе пенитенціалы, въ которыхъ находится правило о недозволенности брака крестнаго отца съ крестною дочерью (см. примѣч. 59), совсѣмъ не похожи на тотъ, какой проф. Суворовъ вручаетъ папѣ Николаю I для пересылки въ Болгарію. Но зачѣмъ было дѣлать поиски въ лонгобардскихъ законахъ и разныхъ западныхъ пенитенціалахъ, когда искомый латинскій источникъ для занимающей насъ статьи Закона суднаго былъ, такъ сказать, подъ руками у автора, — въ томъ же папскомъ посланіи къ болгарамъ? Во 2-мъ своемъ отвѣтѣ папа высказываетъ рѣшительное запрещеніе брака между воспріемникомъ и воспріятою ²⁾). Ergo — заключаемъ мы отсюда—новообращенные болгары заняты были и этимъ вопросомъ, но отвѣтъ на него, содержащійся въ 8-й статьѣ „Закона суднаго“, взяли все-таки не изъ посланія папы, а изъ указанныхъ нами *греческихъ* источниковъ. — Другой и болѣе явственный слѣдъ католическаго вліянія въ постановленіяхъ Закона суднаго о духовномъ родствѣ проф. Суворовъ находитъ въ томъ, что въ этихъ постановленіяхъ „сородительское отношеніе расширилось соотвѣтственно латинскимъ терминамъ *compater* и *commater*, при чемъ самые эти термины славянизировались, или осла-

¹⁾ Самъ авторъ въ другомъ мѣстѣ своей книги пишетъ. „Однако говорить о *непосредственномъ* вліяніи германскаго (въ особенности *лонгобардскаго*) права на славянскій Законъ судный нѣтъ достаточнаго основанія: этого непосредственнаго вліянія вообще не видно ни съ одной статьѣ Закона суднаго,“ (стр. 81).

²⁾ Respons 2: Ita diligere debet homo eum, qui se suscipit ex sacro fonte, sicut patrem... Est tamen alia inter eos gratuita et sancta communio, quae non est dicenda consanguinitas, sed potius habenda spiritualis proximitas. Unde inter eos non arbitramur esse quodlibet posse conjugale connubium; quandoquidem nec inter eos qui natura et eos qui adoptione filii sunt, venerandae Romanae leges permittunt (Migne, Patrol lat. t. 119, p. 979). Далѣе приводится выписка изъ Институцій Юстиніана о бракахъ, запрещенныхъ по кровному родству и усыновленію, и эта выписка еще разъ доказываетъ, что папа имѣлъ дѣло не съ Эклоюю, въ которой, какъ мы видѣли, содержится уже запрещеніе брака между крестнымъ отцомъ и дочерью, невѣстное папѣ изъ гражданскихъ законовъ.

выявились“ (стр. 37). Этимъ авторъ хочетъ сказать, что Законъ судный ставитъ въ отношеніе духовнаго родства не только восприемника, воспринятаго и родителей послѣдняго, но и восприемниковъ между собою, *если ихъ нѣсколько* (что, какъ извѣстно, давно уже вошло въ общій обычай на всемъ западѣ), и что самое названіе, какое славянскій законъ даетъ матери воспринятаго, въ отношеніи къ восприемнику: *коцнѣтра*, очевидно, произошло отъ латинскаго *compater* и выражаетъ собою тоже самое *расширенное* понятіе духовнаго родства. Признаемся: при всѣхъ нашихъ усиліяхъ уяснить себѣ тотъ логическій процессъ, который привелъ автора къ этимъ двумъ положеніямъ, мы все-таки остались въ полномъ недоумѣніи. Буквальный смыслъ приведенныхъ двухъ статей Закона суднаго о духовномъ родствѣ самимъ авторомъ излагается такъ, что въ нихъ говорится о наказуемости незаконнаго брака между восприемникомъ и матерію воспринятаго, а также — между восприемникомъ и воспринятою, — и только (стр. 30). Никакого намека на *многихъ* восприемниковъ и восприемницъ одного и того же младенца и на отношеніе *между ними*, какъ „сочадными“, въ словахъ славянскаго Закона не содержится. Этого мало: примѣровъ такого „расширенія сородительскаго отношенія“ авторъ не нашелъ и въ латинскихъ источникахъ, близкихъ по времени къ Закону судному; напротивъ, нашелъ здѣсь нѣчто прямо противоположное. Такъ онъ приводитъ свидѣтельство одного латинскаго канониста конца XI или начала XII вѣка, который, изложивъ современную церковную догму о духовномъ родствѣ, какъ препятствіи къ браку, въ заключеніе говоритъ слѣдующіе: *Atqui autem dicunt, commatres esse illas, quae filium alicujus simul de sarto fonte suscipiunt, quod non credo, quia unam post aliam ducere aliquis potest* (стр. 32, прим. 58). Если такимъ образомъ даже въ XI и XII вѣкѣ термины *compater* и *commater* употреблялись на западѣ только для выраженія духовной связи восприемниковъ и восприемницъ (сколько бы ни было тѣхъ и другихъ) съ *родителями* воспринятаго (а не между собою), то почему слово *коцнѣтра*, употребленное въ славянскомъ памятникѣ конца IX или начала X вѣка, должно означать нѣчто боль-

шее? Самое слово—конечно латинское ¹⁾. Но такихъ словъ въ древне-славянскомъ языкѣ не мало, напримѣръ: *кръсть* (=сгух), *оцъть* (=acetum), *рака* (=arca), *олтарь* (=altare). Нѣкоторые филологи думаютъ, что всѣ подобныя слова заимствованы славянами (именно болгарами) отъ румыновъ, по старинному—влаховъ ²⁾. Но если не ошибаемся, между славистами существуетъ и такое мнѣніе, что латинскія слова древне-славянской книжной рѣчи принадлежатъ еще просвѣтителемъ *западныхъ* славянъ—св. Кириллу и Меѳодію. Если же никто такого мнѣнія не высказывалъ, то пусть оно будетъ нашимъ. Во всякомъ случаѣ *коу̀петра* въ славянскомъ языкѣ значить то же, что въ латинскомъ *commater*: восприѣмница и мать восприятаго—въ ихъ взаимоотношеніи.

б) Трактатъ о свидѣтеляхъ „Закона суднаго“ есть одинъ изъ самыхъ длинныхъ въ книгѣ проф. Суворова (стр. 37—90) и, надобно сознаться, одинъ изъ самыхъ обременительныхъ для читателя. Авторъ вообще любитъ эпизоды, или, какъ онъ самъ выражается въ одномъ случаѣ, „неболшія историческія экскурсіи“ (стр. 30); но здѣсь эпизоды принимаютъ столь широкіе размѣры и появляются такъ неожиданно, что читатель съ трудомъ можетъ слѣдить за развитіемъ главной мысли трактата и удерживать въ сознаніи и памяти логическую связь составныхъ частей его.

Начинаетъ авторъ съ различенія въ Законѣ судномъ свидѣтелей двухъ типовъ: византійскаго и варварскаго. Первые—общіи славянскому закону съ Эклогою: это — „не болѣе и не менѣе, какъ свидѣтели—въ положительномъ или въ отрицательномъ смыслѣ—факта, подлежащаго судебному разбирательству, а также факта заключенія той или другой юридической сдѣлки, совершенія того или другаго юриди-

¹⁾ Замѣчательно, что какъ слово (*коу̀петра*)=(кума)произошло отъ *commater* (кумъ) и въ мужскомъ родѣ (*коу̀петръ*) не употребляется, такъ *ку̀метръ* (кумъ), очевидно иронсходящее отъ *commater* (а не отъ *commater* какъ думаетъ проф. Суворовъ. стр. 36), употреблялось преимущественно въ значеніи кума, хотя есть и женское *ку̀метра* (см. въ Лаксиконѣ Мишлюшча).

²⁾ *Дриновъ*, Заселеніе Балканскаго полуострова славянами, стр. 140—141.

ческаго акта, напимѣрь, завѣщанія, при чемъ *семь* было максимальнымъ числомъ свидѣтелей, требовавшихся византійскимъ правомъ“ (стр. 38). -- Для выясненія варварскаго типа свидѣтеля авторъ дѣлаетъ довольно большую „экскурсію“ въ исторію германскаго права (стр. 38—43), и въ результатѣ получаетъ различіе свидѣтелей—рѣшителей дѣла, т. е. вмѣстѣ и судей (шеффеновъ), и свидѣтелей-соприсяжниковъ (conjuratores), которые показывали, что они знаютъ подсудимаго за хорошаго человѣка, вѣрятъ его присягѣ и присоединяютъ къ ней свою собственную. „Полное число соприсяжниковъ, какъ и шеффеновъ, говоритъ авторъ въ заключеніе своей экскурсіи, должно быть двѣнадцать. Вообще у германцевъ это число было числомъ знаменательнымъ. Оно прежде всего господствовало въ мірѣ боговъ: боги, а также валькирин, препровождавшія героевъ въ валгалу, являются въ количествѣ двѣнадцати. Прославляемые герои имѣли 12 сыновей, или 12 спутниковъ. Человѣкъ, совершившій великій подвигъ, сравнивался по силѣ съ 12 людьми. Затѣмъ въ древнихъ уже сагахъ упоминаются 12 судей. Двѣнадцать мудрыхъ мужей представляется возлѣ короля Олафа святаго. Двѣнадцать членовъ сидѣло въ королевскомъ судѣ въ Бергенѣ. По датскому и норвежскому правамъ, какъ судей, такъ и соприсяжниковъ было 12, а если не 12, то $\frac{1}{2}$ 12-ти, или 2×12 , 3×12 и т. д., такъ что вообще въ основѣ всѣхъ системъ соприсяжничества у германскаго народа лежитъ число 12. У англо-саксовъ видимъ 12 шеффеновъ и 12 соприсяжниковъ; 12 соприсяжниковъ у франковъ, 12 свидѣтелей требуется по Lex Salica. У лонгобардовъ, по закону короля Ротаря, повторенному Лютпрандомъ и другими, въ спорныхъ дѣлахъ на сумму до 20 солидовъ отвѣтчикъ долженъ принести очистительную присягу самъ-двѣнадцатый, т. е. съ 11-ю соприсяжниками, передъ евангеліемъ; въ дѣлахъ на сумму до 12-ти солидовъ достаточно, чтобы отвѣтчикъ принесъ присягу самъ-шесть, и наконецъ въ самыхъ незначительныхъ дѣлахъ—самъ третьей“ (стр. 42—43).

Свидѣтелей варварскаго или германскаго типа проф. Су-

воровъ паходитъ въ слѣдующихъ двухъ статьяхъ Закона суднаго:

Гл. Ё. Въ всякоу прю и клеветоу и шепты достонть князю и соудни не послоуцнати безъ свидетель много, нъ глаголати к соуперникомъ и клеветникомъ и шептъникомъ: аще не притъкнете нослоуцсхъ, аиже и законъ Божии велить, прицати тоуже казнь чинте, юже на дреуга глаголасте: Божии законъ тако велить. Да иже сего не хранить, да боудеть проклатъ.

О послоуцсхъ. Идъь всми же сими достонть на всякои при князю и соудн съ всацымъ испытаниемъ и трыткниемъ испытаные творити и не бесъ послоуцхъ осоужити, нъ пскати послоуцхъ истиненъ, боцнхса Бога, нарочитъ и не имоуцъ вражды ипкоеняже, ни лоукавства, ни мързости, ни тажъ, ни пръ. на негоже глаголють, нъ страха Божии ради и правды иего. Унсло же послоуцхъ да бывають еднннадцате, а лише ¹⁾ сего рока, и въ малые пръ ѿ ̅ до трии, а намне ²⁾ сего рока. Власть же имать на негоже глаголють соудни змагати и глаголати послоуцхомъ ли присагоу, ли продажоу, ли таже казнь, аще ли в кое время обращиются аиюще. Не достонть же ни въ единою [прю] приимати послоуцхъ, иже боудотъ къгда овлнуени аиюще и престоуплюще законъ Божии, ли житие скотское имоуце, или ѿ себе непобднни на присагъ ѿнмоутся ³⁾.

Статей этихъ нѣтъ въ византійской Эклогѣ: вотъ единственная причина, почему проф. Суворовъ нашель въ нихъ указаніе на свидѣтелей варварскаго, а не византійскаго типа (стр. 48). На самомъ же дѣлѣ первая изъ приведенныхъ статей не содержитъ въ себѣ ничего варварскаго, или тако-го, что напоминало бы германскихъ шеффеновъ и свидѣ-

¹⁾ Надобно думать, что въ оригиналѣ предъ *лише* стояло *ли*: „а ли (=или) лише сего рока“ (или больше этого числа). Ср. Лексиконъ Миклошича подъ *а*.

²⁾ *а намне* произошло, вѣроятно, изъ *а ни мне* (т. е. а не меньше) Въ позднѣйшихъ спискахъ слова эти читаются такъ: въ первомъ случаѣ (см. предыдущее примѣчаніе) — *лише не ниже сего рока*; въ второмъ: „а не менѣ сего рока“ (Соф. Врем. I, 188). Или: „а не ниже“ въ обонхъ случаяхъ (Новгор. Лѣтон. по синодальному харатейному списку, изд. 1888, стр. 477).

³⁾ Мы привели эти статьи по списку Софійско-новгородской Кормчей конца XIII вѣка (л. 337).

телей-соприсяжниковъ. Въ ней высказывается только общая мысль о необходимости достовѣрныхъ свидѣтелей на судѣ для рѣшенія дѣла по частной жалобѣ на то или другое правонарушеніе, и назначается „клеветникамъ“, т. е. обвинителямъ, не доказавшимъ виновности отвѣтчика, тоже самое наказаніе, какому подвергся бы этотъ послѣдній, если бы его преступленіе было доказано. Въ сущности то и другое можно найти и въ Эклогѣ (см. тит. XIV—о свидѣтеляхъ и тит. XVII гл. 51—о наказаніи за ложное обвиненіе на судѣ). Но статья прямо ссылается на другой источникъ, на другую византійскую Эклогу, извѣстную въ славянскомъ переводѣ подъ именемъ „Избранія (Еклогѣ) отъ закона, Богомъ даннаго Израизътяномъ чрезъ Моисея“. Предпослѣдняя статья этого „Избранія“, дѣйствительно, оказывается вполнѣ сходною съ настоящею статьею Закона суднаго. Приведемъ ту и другую параллельно:

Закона суднаго ст. 2.

Въ всакоу прию и клевету и шепты достонть князю и соу-
дни не послоушати безъ свидѣ-
тель много, нъ глаголати к соу-
перникомъ и клеветникомъ и
шептъникомъ: аще не притъ-
кнете послоу съхъ, якоже законъ
Божин велитъ, прити тоуже
казнь уанте, юже на друга
глаголасте: Божин законъ тако
велитъ. Да нже сего не хранитъ,
да боудеть проклатъ.

Избранія гл. 49.

При оустяхъ двою свидѣтель,
или тріехъ, да станеть всако
слово. Аще ли станеть послоухъ
неправднъ на челоука, глаго-
ла на него безуестіе, да станета
оба челоука предъ Господемъ,
и предъ жерцы, и предъ суди-
ами, нже будуть въ ты дни:
и да испытають ихъ суди при-
лежно: и се послоухъ неправ-
денъ послоушествовакше неправ-
ду, и супротивлаася на брата
своего, да сотворите ему,
якоже и онъ оуммысан суп-
противъ на брата своего¹⁾.

Итакъ первая статья Закона суднаго о послухахъ не со-
держитъ въ себѣ ничего такого, что напоминало бы свидѣ-

¹⁾ Текстъ этой статьи „Избранія“ приведенъ нами по печатной Кормчей (см. 45-ю главу этой книги).

телей варварскаго или германскаго типа и чего нельзя было бы найти въ современныхъ ей источникахъ византійскаго права.—Что же касается до второй статьи того же содержания, то въ ней, дѣйствительно, проглядываетъ одна черта, напоминающая средневѣковые германскіе судебные порядки, именно: максимальное число свидѣтелей на судѣ назначается 11 или, присчитывая сюда и сторону, призвавшую свидѣтелей, 12. Соединяя съ этою цифрою представленіе о свидѣтеляхъ именно *варварскаго*, а не византійскаго типа, т. е. такихъ, которые являлись на судѣ въ роли, совершенно неизвѣстной греко-римскому праву, проф. Суворовъ, для открытія источниковъ и вообще „для уясненія историческаго смысла“ выше приведенныхъ статей Закона суднаго о послухахъ, ставитъ себѣ два вопроса: 1) нужно-ли смотрѣть на эти статьи, какъ на выраженіе „юридическаго сознанія“, или на свидѣтельство о „юридическомъ бытѣ народа, для котораго предназначался Законъ судный“, или — 2) статьи эти внесены въ названную болгарскую компиляцію „подъ тѣмъ же (западно-церковнымъ) вліяніемъ, подъ которымъ произведена была составителемъ Закона суднаго передѣлка подлиннаго текста Эклоги и въ другихъ пунктахъ?“ (стр. 59).

Рѣшеніе перваго вопроса авторъ начинать издалека — такъ издалека, что читатель сразу и не догадается, куда его поведутъ. Именно, оставивъ въ сторонѣ вопросъ о *болгарскомъ* Законѣ судномъ съ его статьями о послухахъ, проф. Суворовъ неожиданно заводитъ рѣчь о томъ, „была ли судебная организація, документированная памятниками древняго *русскаго* права, продуктомъ германскаго вліянія, или создавалась на самобытныхъ основахъ славянскаго правосознанія“; затѣмъ — приводитъ мнѣнія ученыхъ по этому вопросу; потомъ — указываетъ пути, какими могло проникать въ древнюю Русь германское вліяніе; наконецъ — устанавливаетъ слѣдующій общій принципъ, какъ необходимо руководство при рѣшеніи всѣхъ подобныхъ вопросовъ изъ исторіи древняго русскаго права: „при обсужденіи вопроса о томъ, долженъ-ли быть разсматриваемъ извѣстный юридическій институтъ, какъ національный, или какъ заимствованный, немаловажное значеніе имѣютъ слѣдующія соображенія: на-

сколько отчетливымъ и опредѣленнымъ представляется этотъ институтъ въ самыхъ тѣхъ источникахъ, которые о немъ говорятъ, насколько глубоки корни имѣетъ онъ въ юридической жизни народа, по находящимся въ распоряженіи науки историческимъ даннымъ, и насколько онъ былъ распространенъ между разными славянскими народами“ (стр. 59—62).

Само собою понятно, что съ этимъ общимъ руководительнымъ принципомъ авторъ, разъ вступившій въ область древняго русскаго права, обращается прежде всего къ Русской Правдѣ, и тутъ только читатель узнаетъ, о какомъ это „юридическомъ институтѣ, національномъ или заимствованномъ“, была рѣчь въ сейчасъ приведенныхъ „соображеніяхъ“, и какая существуетъ если не *материальная*, то хоть *формальная*, логическая связь между новымъ вопросомъ „о вліяніи германскаго права на древне-русскую судебную организацію“, и старымъ—о послухахъ по болгарскому Закону судному. Прерванный трактатъ о варварскомъ вліяніи на этотъ *болгарскій законъ* возобновляется теперь въ видѣ трактата о вліяніи германскаго права на древне-русскія юридическія нормы, относящіяся къ тому же самому предмету, т. е. къ вопросу о числѣ и значеніи послуховъ.

„Въ Русской Правдѣ — такъ начинается проф. Суворовъ свое изслѣдованіе по этому вопросу—говорится, что въ случаѣ долговаго взысканія, если должникъ запирается въ томъ, что онъ долженъ истцу такую-то сумму, нужно итти на „изводъ предъ 12 человекъ“. Такъ говоритъ 14-я статья старшей Правды—Правды Ярослава и его сыновей. Что такое эти „12 человекъ?“ Отвѣтъ на этотъ вопросъ получается авторомъ изъ сопоставленія приведенной статьи, во первыхъ—съ двумя статьями позднѣйшей Правды (Карамз. сп. ст. 15 и 44); во вторыхъ—съ 10-ю статьею мирной грамоты новгородцевъ съ нѣмцами 1195 года. Всѣ эти три статьи говорятъ о *послухахъ*, какъ о лицахъ, рѣшающихъ спорное или уголовное дѣло своими показаніями. Значить, и „12 человекъ“ старшей Правды суть *послухи* въ этомъ же смыслѣ. Первая изъ указанныхъ статей, т. е. 15 я Карамз. сп., требуетъ *семи* послуховъ для „сверженія поклепной виры“, т. е.

для снятія съ себя заподозрѣннымъ въ убійствѣ лицомъ тяготяющаго надъ нимъ подозрѣнія и связанной съ этимъ подозрѣніемъ обязанности уплаты виры. Двѣ послѣднія статьи, т. е. 44-я Карамз. сп. и 10-я мирной грамоты 1195 года, говорятъ о томъ же самомъ предметѣ, о которомъ идетъ рѣчь и въ приведенной статьѣ старшей Правды—объ удовлетвореніи денежной претензіи истца-заимодавца къ запирающемуся должнику: первая, по совершенно правильному замѣчанію проф. Суворова, ничего не говоритъ о числѣ лицъ, долженствующихъ подкрѣпить исковое требованіе истца, но прямо и ясно называетъ ихъ *послухами*; вторая не только называетъ ихъ *послухами*, но и опредѣляетъ ихъ количество, именно назначаетъ 12 послуховъ, т. е. ровно столько же, сколько опредѣляется въ 14 статьѣ Русской Правды по Акад. списку“ (стр. 56). Но какіе это послухи? — *Свидѣтели-соприсяжники* древне германскаго права, т. е. свидѣтели доброй славы, хорошей репутаціи (*testes de credulitate*)—безъ малѣйшаго колебанія отвѣчаетъ проф. Суворовъ (стр. 66). По нашему мнѣнію, авторъ напрасно брался за рѣшеніе этого совершенно для него посторонняго и, въ добавокъ, труднаго и спорнаго вопроса. Наши историки-юристы отвѣчаютъ на него различно: одни, напримѣръ, проф. Сергіевичъ, видятъ въ послухахъ Русской Правды свидѣтелей-соприсяжниковъ, свидѣтелей доброй славы; другіе (проф. Мрочекъ-Дроздовскій) рѣшительно отвергаютъ въ нихъ этотъ характеръ и признаютъ ихъ за свидѣтелей *факта*, а не лица ¹⁾; третьи, наконецъ, приписываютъ древне-русскимъ „послухамъ“ двоякую роль: въ дѣлахъ уголовныхъ это — соприсяжники истца и отвѣтника, по семи съ той и другой стороны; въ дѣлахъ тяжёбнымъ по долговымъ обязательствамъ — судные мужи, всегда въ числѣ 12-ти. Последнее мнѣніе весьма убѣдительно доказывается въ новомъ превосходномъ трудѣ проф. Леонтовича: „Старый земскій обычай“ (Одесса, 1889) ²⁾. Для проф. Суворова достаточно было бы ограничиться прямою своею задачею—вопросомъ о

¹⁾ Исслѣдованіе о Русс. Правдѣ, вып. 2, стр. 238—242.

²⁾ См. въ особенности стр. 119—121 и стр. 188 141.

происхожденіи института 12-ти мужей („послуховъ“) древнерусскаго (и болгарскаго) права. Прилагая къ „изводу предъ 12 человекъ“ Русской Правды уже извѣстный намъ критерій для распознаванія національнаго или иноземнаго происхожденія юридическихъ институтовъ, авторъ находитъ, конечно, что это не національно-русскій институтъ, а заимствованный у германцевъ. „Любопытно, говоритъ проф. Суворовъ въ подтвержденіе этой мысли, что тотъ списокъ Р. Правды, который говоритъ объ „изводѣ предъ 12-те человекъ“, ничего не говоритъ о сверженіи покленной виры семью послухами, и наоборотъ, въ томъ списокѣ, гдѣ мы встрѣчаемъ этихъ семь послуховъ, очищающихъ заподозрѣннаго отъ подозрѣнія въ убійствѣ, не оказывается 12 послуховъ, подкрѣпляющихъ исковое требованіе истца-займодавца. Если не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что въ 14-й статьѣ Академическаго списка и въ 44-й Карамзинскаго говорится объ однихъ и тѣхъ же лицахъ—послухахъ, то отнюдь не съ несомнѣнною ясностію выступаетъ тенденція древняго права отстоять число 12“ (стр. 67). Два положенія, — и два недосмотра. Въ Акад. списокѣ Правды, въ которомъ говорится объ „изводѣ предъ 12-те человекъ“, *нѣтъ* статьи, которую можно было бы сопоставить съ 15-ю статьею Карамз. списка — „о покленной вирѣ“. Затѣмъ, въ 44-ой статьѣ Карамз. списка, соответствующей 14-ой статьѣ Акад., хотя и не показано никакого опредѣленнаго числа послуховъ, но самое это слово употреблено во *множественномъ* числѣ („оже нань *послуси* вывести“), что не исключало возможности для современной практики крѣпко держаться исконнаго числа 12-ти, вошедшаго въ общій обычай при рѣшеніи споровъ по долговымъ обязательствамъ. Вообще о „тенденціяхъ древняго русскаго права“, которое творила и соблюдала сама жизнь, не всегда можно судить безошибочно по тому, какъ позднѣйшіе грамотеи кодифицировали это право въ своихъ изводахъ Русской Правды: *частная* запись дѣйствующей юридической нормы могла быть сдѣлана не точно, съ умолчаніемъ о томъ, что писецъ предполагалъ общезвѣстнымъ. Но въ *официальныхъ* источникахъ древняго русскаго права, именно въ выше упомянутой мирной грамотѣ новгородцевъ

съ нѣмцами 1195 года, мы снова встрѣчаемъ 12 „мужей—
послуховъ“ древнѣйшаго извода Русской Правды. Проф. Су-
воровъ пытается ослабить силу этого свидѣтельства указані-
емъ на международный характеръ памятника, въ которомъ
оно содержится: это - де „такой памятникъ, на которомъ
столько-же — не говоримъ болѣе — могло отразиться вліяніе
германскаго права, какъ и вліяніе туземнаго права“ (стр. 67).
Для рѣшенія вопроса о томъ, чье тутъ вліяніе перевѣсило,
авторъ указываетъ на нѣсколько позднѣйшій памятникъ того
же характера— договорную грамоту смоленскаго князя Мсти-
слава Давидовича съ нѣмецкими городами 1229 года. Въ 33-й
статьѣ этой грамоты говорится, что тяжбное дѣло между
русскимъ и латиняномъ, поконченное въ русской землѣ *предъ
судьями и добрыми людѣми*, не пересуживается въ Ригѣ
и на Готскомъ берегу, и наоборотъ: дѣло, поконченное та-
кимъ же точно способомъ въ Ригѣ и на Готскомъ берегу,
не пересуживается въ русской землѣ. „Кого здѣсь нужно
разумѣть подъ *добрыми людѣми*, продолжаетъ авторъ, видно
изъ 13-й статьи той же договорной грамоты, гдѣ сказано:
„русину не оупирати латиняна однемъ послухомъ, аже не
будѣтъ двою послуху, одного немчича, а другого русина,
добрыхъ людей. Тако латинину не пьрьпрети русина, аже
не будѣтъ послуха русина, а другого немчина у Ризѣ и на
Гочкомъ березѣ“. Слѣдовательно, добрые люди суть послухи,
при помощи которыхъ поканчивается судное дѣло между рус-
скимъ и нѣмцемъ, и этихъ послуховъ должно быть по *два*
съ каждой стороны“ (стр. 67—68). Въ приведенномъ аргу-
ментѣ почтеннаго профессора представляется замѣчательный
образчикъ несоблюденія мѣры, указанной въ извѣстномъ пра-
вилѣ формальной логики: доказать больше значить ничего не
доказать. Если въ позднѣйшихъ договорныхъ грамотахъ рус-
скихъ съ нѣмцами старое число послуховъ — 12—исчезаетъ,
то вина въ этомъ должна падать столько же на русскихъ,
сколько — „не говоримъ болѣе“ — и на нѣмцевъ, ибо, какъ
теперь оказалось, и ихъ право не всегда обнаруживало „тен-
денцію отстоять священное число 12“, хотя институтъ 12-ти
соприсяжниковъ былъ у нихъ „органическимъ членомъ наці-
ональной системы права“ (стр. 66). Конечно, проф. Суво-

ровъ не согласится допустить, что въ настоящемъ случаѣ сильнѣйшая сторона (нѣмцы) поддалась вліянію слабѣйшей (русскихъ), да и нѣтъ надобности въ такомъ предположеніи ¹⁾. Дѣло объясняется очень просто. Опытъ не замедлил доказать обѣимъ договаривающимся сторонамъ, что для той и другой, при рѣшеніи споровъ, возникающихъ въ чужой землѣ, гораздо удобнѣе довольствоваться меньшимъ числомъ свидѣтелей: нѣмцу трудно было найти 12 послуховъ въ русскомъ городѣ, а русскому—въ нѣмецкомъ, и рѣшено было —ограничиться послушествомъ двухъ „добрыхъ людей“, представителей той и другой національности. Но у себя дома наши предки не хуже нѣмцевъ соблюдали завѣтъ своей старины о 12-ти мужахъ во всѣхъ случаяхъ, когда требовалось *полное* представительство народа какъ въ цѣломъ, такъ и въ отдѣльныхъ (автономическихъ) общественныхъ единицахъ. За-

¹⁾ Однакожъ это предположеніе, взятое въ обратномъ смыслѣ, въ томъ именно, что русскіе въ своихъ договорахъ съ нѣмцами оказывались не слабѣйшею, а сильнѣйшею стороною, принимается историками русскаго права за бесспорную историческую истину. Вотъ, на примѣръ, что говоритъ проф. Загоскинъ въ своей прекрасной рѣчи произнесенной имъ въ минувшемъ году на актѣ Казанскаго университета: „Договоры“ русскихъ съ нѣмцами, (1195. 1270 и 1229 гг.), опредѣляющіе, между прочимъ, тѣ нормы суда, на основаніи которыхъ должны были караться уголовныя правонарушенія, совершаемыя нѣмцами и русскими, при ихъ взаимныхъ торговыхъ сношеніяхъ, совершенно отрицаютъ смертную казнь въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ она назначалась по законамъ нѣмецкимъ. Русскіе не поступаются, такимъ образомъ, своимъ національнымъ правомъ, своею „попшаною“, даже предъ нѣмецкимъ ганзейскимъ союзомъ, и заставляютъ нѣмецкіе города подчиниться своему правосознанію, отвергающему смертную казнь. Обращаясь къ уголовнымъ опредѣленіямъ всѣхъ трехъ упомянутыхъ нами выше договоровъ, мы находимъ, что они назначаютъ за преступленіе убійства денежную пеню двоякаго размѣра — нормальную и двойную... т. е. совершенно держатся на почвѣ Русской Правды. Если же мы обратимся къ такъ называемой Новгородской Скрѣ, содержащей въ себѣ отечественныя (для нѣмцевъ) законы, по которымъ они судились *между собою* въ Новгородѣ, то найдемъ, что здѣсь за убійство опредѣляется смертная казнь чрезъ отсѣченіе головы“. Въ примѣчаніи къ этимъ словамъ приводится и „другой примѣръ побѣды, въ договорахъ, русскаго права надъ правомъ нѣмецкимъ: согласно съ Русскою Правдою, нанесеніе увѣчья влечетъ за собою денежную пеню, между тѣмъ какъ Новгородская Скра опредѣляетъ за то же преступленіе отсѣченіе руки“ (стр. 18). Ср. еще „Обзоръ исторіи русскаго права“ проф. М. Ф. Владимірскаго—Буланова, изд. 2, стр. 39.

вѣтъ былъ, дѣйствительно, стародавній. Древнѣйшее свидѣтельство о немъ находимъ въ разсказѣ начальной лѣтописи о крещеніи Киевской Руси. Великій князь Владиміръ, говоритъ лѣтопись подъ 988 годомъ, незадолго предъ днемъ все-народнаго крещенія, повелѣлъ торжественно низвергнуть главное національное божество русскихъ—Перуна, и приставилъ 12 мужей „тети (бить) его жезліемъ“. 12 мужей, безъ сомнѣнія, являются въ настоящемъ случаѣ представителями всего народа въ знаменательную эпоху его обращенія изъ язычества въ христіанство: весь народъ руками этихъ двѣнадцати бьетъ своего низверженнаго кумира, которому онъ до сихъ поръ приносилъ кровавыя жертвы. Затѣмъ институтъ 12-ти мужей, засвидѣтельствованный, какъ мы видѣли, Русскою Правдою и мирной грамотой 1195 года, продолжалъ держаться на Руси почти до конца XV вѣка. Слѣды его, какъ „переживанія“, историки-юристы указываютъ въ русско-литовской *контъ* и въ новгородскомъ *докладномъ суетъ*. „Копю“ въ памятникахъ западной (литовской) Руси XIV—XV вѣка назывался общинный судъ по тяжбынымъ дѣламъ о землевладѣніи. Она составлялась всегда изъ опредѣленнаго числа „добрыхъ людей“ — изъ 18 „сумежниковъ съ obu сторонъ“ (т. е. отъ каждой стороны особо по 18 мужей¹⁾). Затѣмъ изъ каждыхъ трехъ

1) Эта цифра (18) не лишена значенія и по отношенію къ Закопу судоу. Въ спискахъ обширной редакціи этого памятника число послуховъ (максимальное) означено не 11, а 18. Последнюю цифру проф. Суворовъ признаетъ ошибкою, происшедшею отъ смѣшенія старыми писцами двухъ сходныхъ начертаній ѿ и ѿи, тогда какъ въ чтеніи старшихъ списковъ краткой редакціи нельзя допустить никакой ошибки уже потому, что здѣсь число послуховъ показано не цифрою, а складомъ *едимънадесяте*. Свою догадку объ ошибочности цифры 18 авторъ подтверждаетъ и такимъ соображеніемъ: если слова списковъ обширной редакціи: ѿ одного до ѿи понимать буквально, то въ нихъ получится такой нелѣпный смыслъ: „въ важныхъ дѣлахъ пусть будетъ свидѣтелей отъ одного до восемнадцати, т. е. можетъ быть и одинъ свидѣтель, а въ менѣ важныхъ — отъ трехъ до семи, т. е. никакъ не меньше трехъ“ (стр. 55—56). На это мы замѣтимъ, что приведенное чтеніе списковъ обширной редакціи могло быть неудачною попыткою писца ихъ оригинала сокращенно изобразить цифрами два числа: 11 и 18, которыя (какъ и другія подобныя), вѣроятно сокращались и въ живой рѣчи, именно произносились связно: отъ единаго до-осмьнадесяте, подобно тому, какъ мы и теперь говоримъ отъ т₁ с₁

мужей избирался сторонами одинъ „присяглый светокъ“, пока не составитъ 12 (по 6 мужей съ каждой стороны). Эти-то выборные мужи, „добрые люди“, или „мужи копники“ и производили „обводъ“ или „обѣханье“ границъ спорной земли и вообще рѣшали всѣ вопросы факта и права ¹⁾. О составѣ новгородскаго докладнаго суда мы узнаемъ изъ тамошней уставной грамоты 1471 года. „Лучшее объясненіе этого института, говоритъ проф. *Θ. И. Леонтовичъ*, у котораго мы заимствовали и описаніе копы, по нашему мнѣнію, дано профессоромъ *Дювернуа*. На „докладъ“ (вершеніе дѣлъ въ высшей инстанціи, по переносу ихъ судьей) у тиуна сидѣла коллегія 10-ти докладчиковъ (по боярину и житьему отъ cadaго изъ пяти новгородскихъ концовъ) и двухъ приставовъ (по одному съ каждой стороны). „Здѣсь какъ бы весь Новгородъ въ лицѣ немногихъ представителей. Всѣ вмѣстѣ, 10 докладчиковъ и 2 пристава, образуютъ такой форумъ, который во всякомъ случаѣ могъ *указать судъ*, какъ бы ни было мало извѣстно право“ ²⁾.

Не находить возможнымъ проф. *Суворовъ* признать институтъ 12-ти мужей національною собственностію и другихъ славянскихъ народовъ. Скептический взглядъ автора всего дольше останавливается на законодательныхъ памятникахъ Сербіи и Хорватіи, содержащихъ въ себѣ постановленія о „поротѣ“ и „поротникахъ“. — У сербовъ, говоритъ онъ, „порота“, подъ этимъ именно названіемъ, развилась, повидимому, въ строго опредѣленный юридическій институтъ. „Поротци“ или „поротники“ — это тѣ судьи, которые избирались для одного только дѣла и для этого именно спеціальнаго случая

до-семи сотъ, что значить не 3 и 700, а 300 и 700. Во всякомъ случаѣ 18 мужей русско-лятовской копы даютъ реальное основаніе для такого же числа послуховъ обширной редакціи Закона суднаго. При этомъ не лишне замѣтить, что рукопись, по которой напечатанъ во 2-й части *Русс. Достапам.* старшій списокъ обширной редакціи Закона суднаго, носитъ на себѣ явные признаки западно-русскаго происхожденія.

¹⁾ *Леонтовичъ*, Старый земскій обычай, стр. 135.

²⁾ Тамъ же, стр. 142. Другое мнѣніе о докладномъ судѣ высказываетъ проф. *Владимірскій-Будановъ* въ 34 примѣчаніи къ тексту новгородской судной грамоты (см. его *Христоматію*).

принимали присягу. Они избирались съ той и другой стороны изъ того сословія, къ которому принадлежали тяжущіеся, но не изъ родственниковъ ихъ. Въ Законникѣ Стефана Душана опредѣлено: „отнынѣ и въ будущемъ да будетъ порота и за большое дѣло, и за малое: въ большомъ да будетъ 24 поротника, въ маломъ 12 поротниковъ, а въ меньшемъ дѣлѣ 6,—и эти поротники да невольны никого помирить, но только оправдать или обвинить, и пусть будетъ всякая порота въ церкви, и попъ въ ризахъ да приведетъ ихъ къ присягѣ, и въ поротѣ за кого большинство клянется, и кого большинство оправдастъ, тѣмъ слѣдуетъ и вѣрить“. Но—сейчасъ же возражаетъ авторъ—„Законникъ Стефана Душана явился въ половинѣ XIV вѣка: можно ли доказать, что въ законодательствѣ Душана приведено въ ясность и санкціонировано лишь то, что имѣло обычаемъ созданную силу въ теченіе предшествовавшихъ столѣтій? Порота, по словамъ Майкова (Исторія серб. языка, стр. 108) является въ Сербіи (Майковъ говоритъ не „въ Сербіи“, а „въ сербскихъ памятникахъ“, что, конечно, не одно и то же) съ половины XIII вѣка, но нѣтъ сомнѣнія, что она существовала тамъ искони, какъ древній обычай. Однако же онъ самъ доказываетъ, что при сербскихъ короляхъ Урошѣ I и Милутинѣ, въ спорѣ сербовъ съ дубровничанами и нѣмцами, требовалось только по одному поротнику съ той и другой стороны, да и самыхъ терминовъ „порота“ и „поротци“ до Законника Стефана Душана не видно. Въ первый разъ „поротци“, какъ таковые, выступаютъ въ Законникѣ, и въ Законникѣ же въ первый разъ число ихъ отъ двухъ увеличено до 24 для важнаго дѣла, 12-ти для дѣла средней важности, и 6-ти для малозначащаго. Принимая же наконецъ во вниманіе то обстоятельство, что до второй половины XII вѣка историческая жизнь сербовъ была и остается мало извѣстною, и что народы Балканскаго полуострова, особенно сербы и хорваты, испытывали на себѣ сильныя романо-германскія вліянія, мы безъ особаго риска впасть въ противорѣчіе съ требованіями науки, можемъ утверждать, что законодательство Стефана Душана не можетъ быть приводимо въ доказательство сла-

вянскаго происхожденія института 12, или 2×12 , или $\frac{1}{2}$ 12-ти поротниковъ“ (стр. 75—76).

Провѣримъ этотъ выводъ по извѣстнымъ намъ памятникамъ древняго сербскаго права и прежде всего—по самому Законнику Душана. Въ немъ говорится, что еще при дѣдѣ царя-законодателя изданъ былъ законъ о поротникахъ—тотъ именно, что они должны быть избираемы изъ лицъ одного состоянія съ тяжущимися ¹⁾). Уже самое содержаніе этого закона показываетъ, что онъ относился къ институту не новому, а давно существовавшему, и только дѣлалъ въ немъ нѣкоторую поправку, по указанію опыта. Законникъ не только воспоминаетъ объ этомъ законѣ царева дѣда, но и приводитъ подлинный его текстъ, въ которомъ стоитъ уже терминъ: поротници, — значить, слово это не въ первый разъ употреблено въ Законникѣ Душана ²⁾). Мы уже не говоримъ о томъ, что во всемирной исторіи права, особенно у народовъ, только что выступающихъ на историческое поприще, не бывало такого примѣра, чтобы законодатель бралъ на себя роль инициатора, творца небывалыхъ доселѣ юридическихъ институтовъ. У всѣхъ народовъ первые кодексы законовъ были обыкновенно сборниками уже готовыхъ юридическихъ нормъ, созданныхъ самою народною жизнію и сохранявшихся народнымъ обычаемъ. Почему же Сербія при Стефанѣ Душанѣ должна была въ этомъ отношеніи составлять исключеніе? Очевъ можетъ быть, что въ Законникѣ Душана старый институтъ „пороты“ получилъ болѣе опредѣленное очертаніе, въ особенности—относительно числа поротниковъ, необходимаго для рѣшенія дѣлъ различной важности. Но число 12 едва-ли и въ древней Сербіи не было, такъ сказать, нормальнымъ, т. е. болѣе обычнымъ. По крайней мѣрѣ, о предшественникѣ Душана, Стефанѣ Дечанскомъ, извѣстно, что онъ въ 1325 г. по одному спорному дѣлу о землѣ повелѣлъ „привести 12 старожиловъ-жуплянъ, достовѣрныхъ

1) См. 154 статью Законника по Призрѣнскому списку у Зигеля, стр. 88.

2) Тоже самое слово читается еще въ грамотѣ Стефана Дечанскаго, датированной 23 октября 1332 года: Да мѣ съ поротници ѿдъ негова племена *Миклошичь*, Monumenta Serbiae, p. 101.

людей, пусть они, пришедши на межу, поклянутся страшною клятвою и укажутъ, гдѣ межа одной стороны, гдѣ—другой. И пришли сторожвы на межу, и привелъ ихъ приставъ къ присягѣ“¹⁾. Какъ видитъ читатель, это истинный двойникъ современной русско-литовской копы. Если же „при короляхъ Урошѣ I и Милутичѣ, въ спорахъ сербовъ съ дубравничанами и нѣмцами, требовалось только по одному поротнику“, то не нужно забывать, что при судебномъ рѣшеніи междуна-родныхъ споровъ тѣ или другія отступленія отъ туземныхъ для каждой стороны обрядовъ и формъ судопроизводства яв-ляются почти дѣломъ необходимости, такъ что и нѣмцы — эти Urheber'ы института 12-ти — должны были въ своихъ спорахъ съ славянами довольствоваться только однимъ суд-ей-поротникомъ; словомъ: тутъ повторилось тоже самое явленіе, какое уже показала намъ русская договорная грамо-та съ нѣмцами 1229 года. Наконецъ, что касается до пред-положенія, будто на законодательствѣ Душана могли отра-зиться слѣды старо-давняго германскаго вліянія на юриди-ческій бытъ и юридическія воззрѣнія сербовъ, то, пожалуй, мы не видимъ въ этомъ предположеніи „особаго противорѣчія съ требованіями науки“, но—не видимъ такъ же и особаго пріобрѣтенія для науки въ подобныхъ голословныхъ гипо-тезахъ.

Въ хорвато-далматскомъ законодательствѣ, именно — въ Винодольскомъ статутѣ 1288 года, проф. Суворовъ готовъ признать „болѣе солидное“ доказательство самобытно сла-вянскаго происхожденія института 12 поротниковъ. Въ этомъ статутѣ, по отзыву проф. Леоптовича, удержалась славян-ская старива во всей своей первобытной свѣжести и непри-косновенности: здѣсь въ довольно полной картинѣ воспроиз-веденъ юридическій бытъ хорватскихъ и долматскихъ общинъ, „по иветариннымъ мѣстнымъ обычаямъ и законамъ“ (это собственные слова статута), при самомъ слабомъ вліяніи чуж-дыхъ источниковъ“ (стр. 76).— „Предположимъ, говорить на это нашъ авторъ, что юридическіе институты, засвидѣтель-ствованные Винодольскими законами, принадлежать не XIII

1) См. Зигеля, Законникъ Стефана Душана, стр. 97.

столѣтію, а гораздо болѣе раннему времени. Хорваты, какъ извѣстно, уже съ X столѣтія подчинились римской церкви и, говоря вообще, опередили другихъ славянъ въ дѣлѣ законодательства. Они въ X уже столѣтіи получили первый церковный уставъ, выработанный въ присутствіи князя Томислава и римскихъ легатовъ. Извѣстно далѣе, что хорваты до конца IX столѣтія находились подъ властію нѣмецкихъ каролинговъ, а затѣмъ и повдѣе всегда стояли въ непосредственно живомъ взаимоотношеніи съ романо-германскимъ міромъ и большею частію въ подчиненіи ему. Почему же именно у этихъ самыхъ хорватовъ въ нѣсколькихъ хорватскихъ жупахъ (т. е. общинахъ), *разбросанныхъ по Далмаціи*, могла удержаться „славянская старина во всей ея свѣжести и не прикосновенности?“ Почему нельзя предположить, что если въ юридической жизни находившагося въ такихъ условіяхъ славянскаго племени выработались извѣстные опредѣленные юридическіе институты, то на выработку этихъ институтовъ повлияла юридическая жизнь окружающихъ сего германскихъ народовъ?“ Обращаясь затѣмъ къ вопросу о поротникахъ, проф. Суворовъ находитъ, что этотъ институтъ „развился у хорватовъ въ такихъ формахъ, которыя имѣютъ *весьма мало общаго* съ сербскимъ и *русскимъ* правомъ. Статутъ Винодольскій знаетъ подъ именемъ ротниковъ или поротниковъ не судей, оправдывающихъ или обвиняющихъ, какъ сербскіе поротники, а исключительно соприсяжниковъ той и другой стороны, очищающихъ репутацію обвиняемаго въ преступленіи, или поддерживающихъ репутацію истца“ (стр. 76—79). Но вѣдь и 12 мужей Русской Правды, по недавнему увѣренію проф. Суворова, были тоже послухи—*соприсяжники*: какъ же теперь они оказались „имѣющими весьма мало общаго“ съ поротниками Винодольскаго статута? На замѣчая этого маленькаго противорѣчія, авторъ продолжаетъ: „дѣла, по которымъ допускались поротники, суть: убійство, разбой, грабежъ и насилія всякаго рода, въ особенности изнасилованіе женщинъ, кража и поджогъ, вообще дѣла уголовнаго, а не гражданскаго характера. Число поротниковъ колеблется, смотря по важности дѣла, т. е. по тяжести преступленія: въ разбоѣ обвиняемый очищаетъ себя съ 85-ю порот-

никами; обвиняемый въ убійствѣ присягаетъ самъ 50 ѱ; при изнасилованіи требуется 25 поротниковъ, при большой татбѣ 12, при малой 6“ (стр. 78).

Существенный недостатокъ приведенной аргументація проф. Суворова состоитъ въ томъ, что онъ пользовался Винодольскимъ статутомъ не изъ первыхъ, а изъ вторыхъ рукъ: зналъ объ немъ только изъ сочиненія проф. Леоптовича. Между тѣмъ еще въ 1880 г. вышло образцовое изданіе этого памятника съ русскимъ переводомъ и комментаріями извѣстнаго слависта, профессора и академика В. В. Ягича ¹⁾. Изъ этого изданія и объяснительныхъ примѣчаній авторитетнаго издателя нашъ авторъ узналъ бы, что населеніе Винодола было не „разбросанное по Далмаціи“, а сплошное и чисто-славянское (сербское, за исключеніемъ развѣ ремесленниковъ) и состояло изъ девяти территориальныхъ общинъ, составлявшихъ одно княжество, подчиненное Венеціанской республикѣ ²⁾; что „ротники“ и „поротники“ Винодольскаго статута — не одно и тоже ³⁾; что максимальное число послѣднихъ было не 85, а 49 (самъ 50) ⁴⁾; что число 12 во всякомъ случаѣ было основнымъ: оно употреблялось и въ цѣломъ ⁵⁾, и въ доляхъ: $\frac{1}{4}$, $\frac{1}{2}$ 12 ти, ⁶⁾ и умноженное вдвое и вчетверо ⁷⁾. Позднѣйшій статутъ той же мѣстности, именно Къркскій, изданный въ 1388 году (на островѣ Къркѣ-Вельдѣ), знаетъ только тѣ самыя числа поротниковъ, какія ука-

1) См. изданія Общества любителей древней письменности № LIV.

2) Тамъ же, стр. 143—145.

3) Тамъ же, стр. 58, прим. 115. „Ротники“ были, по объясненію Ягича, вѣчто въ родѣ синодальныхъ свидѣтелей, о которыхъ будетъ рѣчь дальше.

4) Тамъ же, стр. 23, прим. 37. Именно, самъ 50-й присягалъ подозрѣваемый въ убійствѣ (ст. LXVIII).

5) Самъ 12-й присягалъ подозрѣваемый въ большой татбѣ (ст. IX и XI пун. 3).

6) Три свидѣтеля требовались для доказательства безчестія, панесеннаго женщиной сорваніемъ съ нея покрывала головнаго (ст. XXVII), и для уличенія въ лжесвидѣтельство (ст. LI и LII). Самъ 6 ѱ присягалъ подозрѣваемый въ мелкой татбѣ (ст. X).

7) Самъ 25 ѱ присягалъ обвиняемый въ разбоѣ (ст. IX) и женщина, потерпевшая насиліе безъ свидѣтелей (ст. LVI, пун. 2); самъ 50-й—подозрѣваемый въ убійствѣ (см. выше прим. 4).

заны въ болгарскомъ Законѣ судномъ для послуховъ, т. е. 12, 6 и 3 ¹⁾). Поротники обоихъ статутовъ несомнѣнно были соприсяжниками сторонъ: этимъ они, конечно, рѣзко отличаются отъ поротниковъ Душанова Законника; но это еще не есть доказательство, что они явились у далматинцевъ подъ вліяніемъ иноплеменнаго (романскаго или германскаго) права. Правда, проф. Ягичъ допускаетъ нѣчто, повидимому, прямо благоприятное такому воззрѣнію, именно говоритъ, что „Винодолъ уже въ XIII вѣкѣ поддавался культурному вліянію сосѣдней Италіи“ (стр. 143); но слѣды этого вліянія знаменитый славистъ усматриваетъ только „въ лексическомъ составѣ“ Винодолскаго закона, а не въ институтахъ его и, въ частности, не въ институтѣ „поротниковъ“, исконное славянское происхожденіе котораго сказывается уже въ самомъ его названіи. О внутреннемъ бытѣ славянскаго населенія Кърка и Винодола проф. Ягичъ въ предисловіи къ Кърскому статуту замѣчаетъ: „Венеціанская республика, верховная повелительница Кърка и Винодола, во внутреннюю автономію славянскаго княжества, въ самоуправленіе общинъ — не вмѣшивалась. Общины вели свои дѣла *по старинному славянскому обычаю*, на родномъ языкѣ хорватскомъ, письмамъ глаголическимъ, которое вмѣстѣ съ славянскимъ богослуженіемъ ихъ предки отстояли въ борьбѣ съ Римомъ“ (стр. 5). Если, наконецъ, мы признаемъ вмѣстѣ съ проф. Суворовымъ, что самымъ достовѣрнымъ признакомъ національнаго происхожденія того или другого юридическаго института служить его живучесть у даннаго народа, то 12 поротниковъ сербскихъ и далматинскихъ окажутся одинъ изъ наиболѣе чистыхъ національно-славянскихъ институтовъ. Дѣло въ томъ, что институтъ этотъ, въ основныхъ своихъ чертахъ, *до настоящаго времени* сохраняется у нѣкоторыхъ сербскихъ пле-

1) См. Кърскій статутъ въ изданіи того же общества № XLIV (снимокъ подлиннаго глаголическаго текста съ предисловіемъ Ягича и транскрипція русскимъ и латинскимъ шрифтомъ). Максимальное число поротниковъ: *самъ 12-й* указано въ Кърскомъ статутѣ два раза (см. въ транскрипціи стр. 3, строк. 17 и стр. 7, строк. 14).

мень, именно—у Босняковъ, Герцеговинцевъ и Черногорцевъ. Въ случаѣ прекращенія „вражды“, т. е. кровной мести за убійство, обрядъ примиренія враждующихъ родовъ совершается у названныхъ племенъ такимъ образомъ: въ день, назначенный для примиренія, рано утромъ, 12 женщинъ изъ рода убійцы, съ 12-ю некрещенными дѣтьми, собираются у дома убитаго и вызываютъ домохозяина словами: „будь, кумъ, ради Бога и св. Иоанна Крестителя воспріемникомъ нашихъ дѣтей!“ На этотъ зовъ выходятъ изъ дома 12 мужчинъ, берутъ дѣтей на руки и цѣлуютъ, и это составляетъ первый шагъ къ примиренію. Вслѣдъ за тѣмъ собирается передъ домомъ убійцы все его родство и родство убитаго съ 24-мя (2×12) „добрыми человѣками“ (кметство), заранѣе избранными для суда надъ виновнымъ, который, смотря по обстоятельствамъ, при какихъ совершено было убійство, приговаривается къ большей или меньшей денежной пенѣ въ пользу потерпѣвшаго рода. Судъ оканчивается общимъ пиромъ на счетъ бывшаго „врага“ и заключеніемъ между примирившимися сторонами 12-ти (или 24-хъ) „побратимствъ“¹⁾.

Но вотъ наконецъ, послѣ продолжительныхъ странствованія по областямъ германскаго, русскаго и юго-славянскаго, именно сербскаго права, мы снова пришли вслѣдъ за проф. Суворовымъ къ давно позабытому болгарскому Закону судному. „Вышеизложенныя замѣчанія объ институтѣ свидѣтелей по германскому и славянскому праву, говоритъ авторъ въ заключеніе всѣхъ своихъ „экскурсій“, даютъ возможность съ нѣкоторою ясностію опредѣлить смыслъ и происхождение извѣстныхъ намъ постановленій славянскаго Закона суднаго о послухахъ. Объяснять эти постановленія вліаніемъ славянскаго права было бы *противонаучнымъ* предпріятіемъ даже и потому, что сохранившіеся до нашего времени законодательные памятники разныхъ славянскихъ народовъ принадлежатъ гораздо болѣе позднему времени, чѣмъ славянская передѣлка Эклоги, извѣстная подъ именемъ Закона суднаго“

¹⁾ Примѣры прекращенія „вражды“ указаннымъ способомъ у сербскихъ племенъ см. у Миклошича въ приложеніяхъ къ монографіи: Die Blutgache bei den Slaven. Wien. 1887. (стр. 52—66). Ср. изслѣдованіе о томъ же Веснича (Wesnitsch) въ Zeitschr. für vergleich. Rechtswiss. IX Bd. Heft I—II, s. 65 flg.

(стр. 79). Авторъ, очевидно, стоитъ на такой точкѣ зрѣнія, съ которой время письменнаго изложенія той или другой юридической нормы представляется совпадающимъ съ эпохою ея происхожденія: взгляды—не весьма „научный“, такъ какъ за нимъ скрывается мысль, что пока у даннаго народа нѣтъ письменныхъ источниковъ права, до тѣхъ поръ нѣтъ у него и права! И наоборотъ: мы не видимъ ничего „противонаучнаго“ въ томъ, если фактъ находенія въ старшемъ памятникѣ славянскаго права, т. е. въ Законѣ судномъ, нормы объ 11 послухахъ (точнѣе 12-ти вмѣстѣ съ истцомъ и отнѣтчикомъ) и затѣмъ повтореніе той же самой нормы въ позднѣйшихъ памятникахъ славянскаго законодательства принимается за вполнѣ достовѣрный признакъ ея національно-славянскаго происхожденія. У самихъ болгаръ норма эта еще разъ повторена была въ извѣстной уже намъ статьѣ обширной редакціи Закона суднаго „о послушествѣ поповскомъ“: „Попъ бываетъ въ послушествѣ за 12 мужа“. Ясно, что число 12 является здѣсь, какъ общезвѣстная и общепринятая норма, въ точности опредѣляющая значеніе „поповскаго послушества“. Но если, не смотря на все приведенныя свидѣтельства, проф. Суворовъ все-таки не соглашается признать институтъ 12-ти мужей за національно-славянскій и, въ частности, болгарскій: то откуда же, наконецъ, онъ взялся въ Законѣ судномъ? Судя по всему, что мы до сихъ поръ слышали отъ автора, слѣдовало бы ожидать отъ него такого отвѣта: институтъ этотъ заимствованъ болгарами, равно какъ и другими славянскими народами, у германцевъ. Но къ не малому для насъ удивленію, послѣ столь утомительныхъ для читателя экскурсій въ область германскаго и славянскаго права, проф. Суворовъ категорически заявляетъ, что „послухи Закона суднаго не суть ни судьи (шеффены), ни соприсяжники“ (стр. 80), и что говорить о непосредственномъ вліяніи германскаго права на славянскій Законъ судный нѣтъ достаточнаго основанія: этого непосредственнаго вліянія вообще не видно ни въ одной статьѣ Закона суднаго“ (стр. 81). Было-де, пожалуй, вліяніе и съ этой стороны, но не прямое, а косвенное—черезъ посредство католическаго церковнаго права, на которомъ несомнѣнно

„отразилось германское вліяніе“. Такъ авторъ вспомнилъ, наконецъ, о своей главной темѣ. Сущность его разсужденій на эту тему состоитъ въ слѣдующемъ:

Въ католической церкви, въ эпоху обращенія болгаръ въ христіанство, процвѣтала институтъ такъ называемыхъ синодальныхъ судовъ (Sendgerichte). Суды эти, какъ и всякіе другіе, конечно, не могли обходиться безъ свидѣтелей особаго типа, и вотъ отъ этихъ-то именно синодальныхъ свидѣтелей (testes synodales) проф. Суворовъ и ведетъ теперь довольно длинную родословную послуховъ „Закона суднаго“ (стр. 82—90). Нормальное число синодальныхъ свидѣтелей было *семь*: это, конечно, не вполне совпадаетъ съ цифрами послуховъ болгарскаго закона, за то функція тѣхъ и другихъ, на взглядъ нашего канониста, была совершенно тождественна. Она состояла въ томъ, чтобы „дать судѣ возможность знать обстоятельства дѣла и прійти къ вѣрному и безошибочному рѣшенію“ (стр. 88). Но если это такъ, то чѣмъ западные синодальные свидѣтели отличались отъ свидѣтелей византійскаго типа, которые, говоря собственными словами проф. Суворова, „были не болѣе и не менѣе, какъ свидѣтелями—въ положительномъ или отрицательномъ смыслѣ—факта, подлежащаго судебному разбирательству“, и число которыхъ (максимальное) было тоже *семь*? (стр. 38). Безъ всякаго сомнѣнія, значеніе *такихъ* свидѣтелей на судѣ было, есть и будетъ то, чтобы „давать судѣ возможность знать обстоятельства дѣла и прійти къ вѣрному и безошибочному рѣшенію“. Но на самомъ дѣлѣ функція западныхъ синодальныхъ свидѣтелей была совсѣмъ другая. Это были присяжные сыщики епископа (jurati inquisitores), имъ самимъ избранные на опредѣленный срокъ и обязанные присягою доносить (denuntiare) синодальному суду о всѣхъ преступленіяхъ, совершающихся въ районѣ и во время ихъ служебной дѣятельности, не щадя при этомъ ни друзей, ни родныхъ. Словомъ: въ ихъ лицѣ соединились функціи нынѣшнихъ судебныхъ слѣдователей и прокуроровъ. Пожалуй, ихъ можно назвать и свидѣтелями (testes), но они свидѣтельствовали на судѣ ex officio, а не по выбору или указанію сторонъ, и были не помощниками той или другой

стороны, а органами самого суда, на которомъ они являлись всегда въ одной и той же роли—въ роли обвинителей. Сопоставимъ теперь съ ними послуховъ Закона суднаго: „Достоитъ суди глаголати къ суперникомъ и клеветникомъ и шепотникомъ: *еще не притѣните* послушѣхъ, якоже и законъ Божій велить, пріяти ту же казнь чайте, юже на друга глаголасте“. Итакъ послухи Закона суднаго являются на судъ по выбору и приглашенію сторонъ, а не *ex officio*... Судья обязанъ, по предписанію того же закона Божія, испытать „со всяцѣмъ терпѣніемъ“ послуховъ той и другой стороны, при чемъ отвѣтчикъ въ правѣ требовать, чтобы послухи противной стороны были приведены къ присягѣ, или чтобы имъ былъ поставленъ на видъ денежный штрафъ, даже таліонъ. Все это опять не идетъ къ западнымъ синодальнымъ свидѣтелямъ: они, какъ оффиціальные и присяжные обвинители, не подвергались каждый разъ предварительному „испытанію“ отъ судьи, по требованію обвиняемаго, и хотя, „по принципамъ обвинительнаго процесса, могли навлечь на себя наказаніе ложнымъ обвиненіемъ“ (стр. 88), но это наказаніе не было таліономъ¹⁾. Впрочемъ и самъ авторъ не рѣшается доказывать существованіе католическихъ синодальныхъ судовъ въ Болгаріи, въ какой бы то ни было моментъ ея исторіи (стр. 89). Все дѣло ограничивается на этотъ разъ только тѣмъ, что нашъ ученый канонистъ остроумно сопоставляетъ себя съ компиляторомъ Закона суднаго и говоритъ: „Для составителя Закона суднаго достаточно было быть знакомымъ, *хотя бы даже по слухамъ только*, съ институтомъ зендгерихтовъ и синодальныхъ свидѣтелей... А изслѣдователь, имѣющій уже въ рукахъ достаточныя доказательства знакомства редактора Закона суднаго съ западнымъ церковнымъ правомъ, тѣмъ менѣе имѣетъ основаній отрицать возможность подобнаго знакомства въ данномъ пунктѣ, что именно въ IX в. институтъ синодальныхъ судовъ сдѣлался популярнымъ на западѣ, и что тамъ не-

¹⁾ Ихъ наказывали за невѣрность присягѣ, данной при вступленіи въ должность. См. статью Дове о синодальныхъ судахъ въ *Zeitschr. für Kirchenrecht*, V Jahrgang, s. 18).

безызвѣстны были и попытки распространенія этого института на славянъ, жившихъ *смѣшанно съ франками въ предѣлахъ майнцкаго архіепископства*“ (стр. 90). Мы находимъ, что это было довольно далеко отъ Болгаріи и едва ли могло сопровождаться какимъ нибудь вліяніемъ на юридическій бытъ ея населенія, которое, въ добавокъ, не имѣло въ своей средѣ никакихъ франкскихъ или германскихъ примѣсей. Притомъ же институтъ присяжныхъ свидѣтелей, или обвинителей на синодальныхъ судахъ, по изслѣдованію Дове, на котораго не разъ ссылается и самъ авторъ, возникъ на Западѣ не вмѣстѣ съ этими судами, а значительно позднѣе, именно во второй половинѣ IX вѣка¹⁾, т. е. какъ разъ въ эпоху обращенія болгаръ въ христіанство. Вѣроятно-ли, чтобы этотъ новый институтъ сразу сдѣлался не только „популярнымъ“ на мѣстѣ своего происхожденія, но и достаточно извѣстнымъ въ отдаленной Болгаріи, такъ что здѣсь сумѣли даже снять съ него довольно близкую копію?

Посмотримъ теперь, какіе слѣды вліянія западно-католическаго церковнаго права находить авторъ въ *обширной* редакціи Закона суднаго. Первый слѣдъ—это довольно многочисленныя выписки изъ Моисеева законодательства, отличающія обширную редакцію памятника отъ краткой. „На западѣ, говорятъ по этому поводу проф. Суворовъ, издавна было сдѣлано извлеченіе изъ Моисеева законодательства, подъ названіемъ *Lex Dei seu Mosaicarum et Romanarum legum collatio*. Это извлеченіе изъ ветхозавѣтныхъ книгъ: Исхода, Левитъ, Числь, Второзаконія было сдѣлано для римлянъ съ цѣлію разъяснить имъ, что Моисей еще раньше римскихъ юристовъ установилъ ту или другую норму. Позднѣе же, какъ кажется, римская церковь пропагандировала Моисеево законодательство между варварами, какъ возможный коррективъ неполноты и слабости варварскихъ законодательствъ, основанныхъ на композиціяхъ, безъ сопоставленія уже съ римскимъ правомъ. По крайней мѣрѣ въ IX вѣкѣ у западныхъ церковныхъ писателей замѣчается силь-

¹⁾ См. цитов. статью Дове въ VI-мъ томѣ названнаго изд., стр. 30 и слѣд.

ная склонность пользоваться законами Моисея и ссылаться на нихъ. Для IX и X столѣтій ветхій заветъ былъ, такъ сказать, въ духѣ времени: этотъ духъ времени отразился замѣтнымъ образомъ и на Болгаріи. Любопытно, что сыновья Шишмана, который во второй половинѣ X вѣка образовалъ для себя въ Македоніи и Албаніи особое западно-болгарское царство, носили ветхозавѣтныя имена: Давида, Моисея, Аарона, Самуила. Извѣстно далѣе, что въ Болгаріи рано явился „Завѣтъ 12-ти патриарховъ“, т. е. 12-ти сыновей ветхозавѣтнаго патриарха Іакова, въ которомъ между прочимъ дѣлается сильное удареніе на жреческомъ характерѣ колѣна Левина: *этотъ заветъ есть произведение западной, а не восточной церковной литературы...* Все это, заключаетъ авторъ, дѣлаетъ вѣроятнымъ предположеніе, что замѣчаемая въ Болгаріи склонность къ ветхому завету имѣетъ свой источникъ не въ восточной, а въ западной церкви“. Правда, проф. Суворову извѣстны и греческія извлеченія изъ Моисеева законодательства; но „самыя раннія изъ нихъ, по его свѣдѣніямъ, восходятъ приблизительно къ XI-му вѣку“ и „могли появиться уже послѣ того, какъ, благодаря сосѣдству и сношеніямъ съ западомъ, мысль о приложеніи Моисеева законодательства къ юридическому быту варваровъ достаточно популяризировалась и между жреками“ (стр. 149—151).

Приведенныя выписки представляютъ одинъ изъ самыхъ характерныхъ образчиковъ аргументаціи нашего ученаго канониста. Необходимо поэтому остановиться на нихъ подольше. Вся рѣчь очевидно клонится къ тому, чтобы не только навести читателя на мысль о возможности слѣдовъ западно-католическаго вліянія въ обширной редакціи Закона суднаго, но и показать ему, что эта редакція произошла тамъ же и почти тогда же, гдѣ и когда образовалась, съ такими же слѣдами, и краткая редакція, т. е. въ Болгаріи, не позднѣе второй половины X вѣка. Выходитъ, слѣдовательно, что проф. Суворовъ не далекъ отъ нашего взгляда на мѣсто и время происхожденія обширной редакціи Закона суднаго, и, наоборотъ, значительно уклоняется отъ своей собственной догадки, по которой эта редакція есть не болѣе,

как „келейно-умозрительное упражненіе, сдѣланное, можетъ быть, уже на Руси, а не у южныхъ славянъ“ (стр. 158), и „вѣрнѣе, что на Руси: ибо, напримѣръ, статья этой редакціи „о послушествѣ поповскомъ“ показываетъ въ компиляторѣ „знакомство съ изводомъ предъ 12 человекъ по Русской Правдѣ“ (стр. 145, прим. 221). Но это негласное противорѣчіе есть только *методологическая* особенность настоящей аргументаціи проф. Суворова. Посмотримъ теперь, каковы его доводы съ *матеріальной* стороны. То обстоятельство, что Шишманъ давалъ своимъ сыновьямъ ветхозавѣтныя библейскія имена, доказываетъ только, что онъ *лично* предпочиталъ такія имена новозавѣтнымъ. Видѣть тутъ слѣдъ какого-то особеннаго вліянія на Болгарію со стороны католическаго запада тѣмъ болѣе странно, что у самихъ западныхъ народовъ, которые находились подъ давнишнимъ и непрерывнымъ вліяніемъ своей церкви, никогда не было въ обычаѣ давать дѣтямъ имена ветхозавѣтныхъ святыхъ предпочтительно предъ новозавѣтными, или своими народными. Другой фактъ — болгарскій переводъ апокрифическаго „завѣта 12-ти патріарховъ“, можетъ быть, говорилъ бы нѣчто въ пользу западнаго вліянія на Болгарію, если бы подлинникъ этого апокрифа, дѣйствительно, былъ „произведеніемъ западной, а не восточной церковной литературы“. Но въ томъ-то и дѣло, что онъ принадлежитъ не западу, а востоку. Проф. Суворовъ легко могъ убѣдиться въ этомъ, заглянувъ въ любое изданіе ветхозавѣтныхъ апокрифовъ, напримѣръ хоть въ Фабриціевъ Codex pseudepigraphus veteris testamenti, гдѣ (начиная со стр. 519-й) напечатанъ *греческій* подлинникъ изданнаго проф. Тихонравовымъ славянскаго „Завѣта 12 ти патріарховъ“. Наконецъ, заявленіе нашего автора, что *самыя раннія* греческія *извлечения* изъ Моисеева законодательства не восходятъ далѣе XI вѣка и что они образовались тоже подъ вліяніемъ запада, ошибочно въ обѣихъ своихъ частяхъ. Самые старшіе списки этихъ извлеченій, *сколько намъ извѣстно*, дѣйствительно, относятся къ XI вѣку. Но что же отсюда слѣдуетъ? Самые старшіе списки Закона суднаго, какъ извѣстно, принадлежатъ только концу XIII вѣка; однакожь это не мѣшаетъ

намъ относить происхождение *самаго* „Закона суднаго“ къ эпохѣ обращенія болгаръ въ христіанство. Когда, по какому поводу и при какихъ обстоятельствахъ возникли греческія извлеченія изъ Моисеевыхъ законовъ и каково было ихъ значеніе въ исторіи византійскаго права,—эти вопросы не были прямо и во всей полнотѣ ихъ содержанія затронуты не только въ нашей историко-юридической литературѣ (если, конечно, не считать выше приведенной догадки проф. Суворова), но и въ трудахъ западныхъ ученыхъ юристовъ, такъ много сдѣлавшихъ для исторіи византійскаго или греко-римскаго права. Поэтому мы считаемъ не лишнимъ сообщить здѣсь вкратцѣ результаты нашихъ собственныхъ занятій изложенными вопросами.

Въ западной литературѣ по исторіи источниковъ византійскаго права твердо установленъ только тотъ бібліографическій фактъ, что списки извѣстнаго греческаго „Избранія отъ закона, Богомъ даннаго чрезъ Моисея израильтянамъ“ (*Ἐκλογὴ τοῦ παρὰ θεοῦ διὰ Μωϋσῆ δεδεῦτος νόμου τοῖς Ἰσραηλίταις*) обыкновенно стоятъ въ разныхъ юридическихъ сборникахъ *рядомъ или по близости* съ двумя важнѣйшими памятниками законодательной дѣятельности императоровъ-иконоборцевъ Льва Исаврянина и Константина Копронима—съ Эклогою ъ Земледѣльческимъ закономъ (*νόμος γεωργικός*)¹⁾. Всего чаще „Избраніе“ входитъ

¹⁾ См. *Mortreuil*. Histoire du droit byzantin, t. I. p. 376 и слѣд. Къ указаннымъ здѣсь рукописямъ мы можемъ прибавить еще: 1) греческую Кормчую Москов. синод. библиот. XI—XII в. № 476: здѣсь „Избраніе“ стоитъ предъ *Νόμος γεωργικός* (л. 203); 2) Ватиканской библиотеки *codex Palatinus* № 371. XIV в.: „Избраніе“—въ числѣ дополненій къ Эклогѣ (см. *Codices mss. Palatini. Romae. 1885, p. 239*); 3 и 4) двѣ рукописи XII вѣка, указанныя Цахаріе въ аеонскихъ монастырскихъ бібліотекахъ: „Избраніе“—предъ Эклогою (см. *Ἀνέκδοτα juris graeco-romani, graef. p. X, § V. 1; p. XVIII, p. 6*); 5) рукопись библиотеки св. Марка въ Венеціи 1175 г.: „Избраніе“—послѣ Эклоги и Земледѣльческаго закона (см. *Zanetti, Catalogus, p. 100; ср. Morelli, Divi Marci bibliotheca mss-ta, p. 98*). Большая часть этихъ рукописей—каноническаго содержанія. Дѣлаемъ это замѣчаніе въ виду предположительнаго заявленія проф. Суворова, что „въ греческихъ Кормчихъ не было, повидному, обычнымъ включеніе Моисеева законодательства въ число статей, ихъ составляющихъ“ (стр. 151, прим. 237). Авторъ могъ бы легко убѣдиться въ противномъ, если бы, за невѣніемъ подъ руками опи-

въ составъ особаго „дополненія къ Эклогѣ“ (Appendix Eclogae), которое въ рукописяхъ присоединяется и къ подлинному ея тексту, и къ позднѣйшимъ частнымъ переработкамъ¹⁾. А какъ это „дополненіе“, по согласному отзыву ученыхъ юристовъ-византологовъ, сдѣлано вскорѣ послѣ изданія Эклоги (Цахарію приурочиваетъ его ко временамъ императрицы Ирины¹⁾), то „Избраніе отъ Моисеева законодательства“, составляющее само по себѣ самостоятельное цѣлое, могло появиться и нѣсколько раньше, т. е. вмѣстѣ съ Эклогою, съ которою оно раздѣляетъ и свое названіе (Ἐκλογία). Но если западные ученые и установили внѣшнюю (хронологическую) связь этой компиляціи съ законодательствомъ иконоборцевъ, то никому изъ нихъ не пришлось обращать вниманія на *внутреннее отношеніе* Эклоги изъ Моисеевыхъ законовъ къ Эклогѣ изъ прежнихъ римскихъ законовъ, несомнѣнно изданной первыми иконоборцами. Послѣдніе, уже по самымъ догматическимъ воззрѣніямъ своимъ, должны были питать особенное уваженіе къ „богоданнымъ“ Моисеевымъ законамъ, въ которыхъ они находили прямое запрещеніе иконопочитанія. Съ другой стороны, порвавъ во многихъ отношеніяхъ связь съ древнимъ римскимъ (Юстиніановымъ) правомъ, которое въ Эклогѣ является уже съ значительною примѣсью новыхъ, чисто-варварскихъ элементовъ, законодатели-иконоборцы тѣмъ охотнѣе должны были обращаться къ Моисеевымъ законнымъ книгамъ, что здѣсь паходилось не мало такихъ

саній греческихъ рукописей разныхъ европейскихъ библіотекъ (на что онъ жалуется), внимательно просмотрѣлъ Мортрѣля, предисловіе Цахарію къ его изданію Прохирона и приложеніе къ этому изданію, посвященное довольно подробно описанію греческихъ юридическихъ рукописей Бодлеевой библіотеки. Мы съ своей стороны могли бы вдвое увеличить сообщенный нами реестръ рукописей, содержащихъ въ себѣ „Избраніе отъ закона Божія“, но считаемъ это въ настоящемъ случаѣ дѣломъ излишнимъ.

¹⁾ Appendix Eclogae издавъ у Цахарію въ *Ἀνάκτορα juris graeco-romani*, р. 184—194. Какъ составная часть одной частной переработки Эклоги (такъ называемой *Ecloga ad Prochiron mutata*), „Избраніе отъ закона Божія“ издано тѣмъ же Цахарію въ *Jus graeco-romanum*, Pars VI, р. 52—54.

²⁾ См. *Geschichte des griechisch-römischen Rechts*, 2-te Aufl. s. 12. Ирина царствовала съ 797 по 802 г.

нормъ, которыя оказывались совершенно пригодными для современныхъ социальныхъ отношеній и совершенно согласными съ юридическими воззрѣнiями варварскихъ и полуварварскихъ массъ, составлявшихъ громадное большинство тогдашняго населенiя византийской имперiи. Вотъ историческiя причины, установившия внутреннюю связь законодательства императоровъ исаврiйской династiи съ законодательствомъ Моисея. Связь эта съ особенною ясностию можетъ быть наблюдаема въ тѣхъ самыхъ памятникахъ законодательной дѣятельности иконоборцевъ, которые въ рукописяхъ всего чаще соединяются съ „Избранiемъ отъ закона Божiя, даннаго израильтянамъ чрезъ Моисея“, — въ Эклогѣ и Земледѣльческомъ законѣ. Предисловіе къ Эклогѣ наполнено библейскими мѣстами о правосудiи, между прочимъ, и такими, какія находятся въ первой главѣ „Избранiя отъ закона Божiя“¹⁾. Въ самыхъ постановленiяхъ Эклоги встрѣчаются дословныя цитаты изъ разныхъ св. книгъ ветхаго завѣта²⁾. Что же касается до Земледѣльческаго закона, то нѣкоторыя статьи его суть почти буквальные выписки изъ Моисеевыхъ законныхъ книгъ³⁾. Но такъ какъ ни Эклога, ни Земледѣльческiй законъ, ни другіе законодательные акты иконоборцевъ далеко не обнимали собою всего дѣйствовавшего тогда права византийской имперiи, то на ряду съ ними для практики необходимы были разныя дополнительные компиляціи, извлеченныя частію изъ источниковъ прежняго рим-

1) Большая часть этихъ библейскихъ мѣстъ указаны издателемъ Эклоги Сахаріе; но онъ не досмотрѣлъ цитаты, сближающей предисловіе Эклоги съ первою главою „Избранiя отъ закона Божiя“: въ томъ и другой приводятся слова Второзаконiя гл. XVI ст. 19: τὰ γὰρ δῶρα ἐκτιφλοὶ ὀφθαλμοῦς βλεπόντων (по Эклогѣ: σοφῶν ὀφθαλμοῦς).

2) Напримѣръ въ tit II, с. 6 приводится мѣсто изъ Сираха (III, 9—11); въ tit II, с. 12—библейское сказанiе о сотворенiи челоуѣка въ видѣ мужа и жены и неразрывномъ соединенiи ихъ въ плоть едну; въ tit XVIII (о раздѣленiи военной добычи) приводятся слова Второзаконiя гл. XXIII, ст. 9: ἐὰν δὲ ἐξέλθῃς προεμβλεῖν ἐπὶ τοὺς ἐχθροὺς σου, καὶ φυλάξῃ ἀπὸ παντὸς ῥήματος πονηροῦ (Эклога: Τοὺς ἐξερχομένους εἰς ἐχθροὺς ἐπὶ πολέμῳ φυλάσσειν δεῖ αὐτοὺς ἀπὸ παντὸς πονηροῦ ῥήματος καὶ πράγματος).

3) Ср. напримѣръ гл. 23, 26, 27 и 41 греческаго текста Земледѣльческаго закона (по нашему изданiю въ „Книгахъ Законныхъ“) съ Исход. гл. XXII, ст. 13, 10, 11, 14; гл. 43—съ Второз. гл. XXII, ст. 1—2; гл. 61—съ Второзак. гл. XXIII, ст. 24.

скаго права, на сколько оно оставалось еще въ дѣйстви, частію изъ Моисеева законодательства, изъ котораго, какъ мы видѣли, черпали матеріалъ для своихъ законовъ и сами императоры. Такъ произошло *особое* извлеченіе изъ Моисеевыхъ законныхъ книгъ, составленное если и частнымъ лицомъ, то, по всей вѣроятности, не безъ импульса со стороны самой законодательной власти.

Таже самая, т. е. виѣшняя и внутренняя связь византійской Эклоги съ законодательствомъ Моисея дастъ себя видѣть и въ болгарской законодательной работѣ, извѣстной подъ именемъ „Закона суднаго“. И эту связь можно наблюдать не только въ обширной, но и въ краткой редакціи славянскаго Закона. Такъ мы уже видѣли, что 2-я статья этого Закона въ краткой его редакціи оказывается весьма близкою къ предпоследней главѣ „Избранія отъ закона Божія“. Что же касается до заимствованій изъ Моисеева законодательства, входящихъ въ составъ обширной редакціи „Закона суднаго“, то всѣ они довольно обстоятельно указаны въ примѣчаніяхъ къ тексту этой редакціи, напечатанному во 2-й части Русскихъ Достопамятностей ¹⁾).

Нужно впрочемъ оговориться, что самъ авторъ, повидимому, сознавалъ слабость всѣхъ до сихъ поръ приведенныхъ имъ доказательствъ западнаго вліянія на обширную редакцію Закона суднаго. Свое „сужденіе“, основанное на этихъ только доказательствахъ, онъ прямо называетъ „гипотетическимъ“ (стр. 156) и затѣмъ переходитъ къ указанію „несомнѣнныхъ“ слѣдовъ католическаго вліянія на упомянутую редакцію Закона суднаго, именно: „мы находимъ здѣсь, говоритъ онъ, нѣсколько статей изъ Мерзбургскаго пенитенціала, или, правильнѣе (да, это будетъ *гораздо правильнѣе*) изъ „Заповѣди св. Отецъ“. Дѣйствительно, двѣ статьи распространеннаго „Закона суднаго, какъ видно изъ

¹⁾ Замѣчательно, что и въ славянскихъ рукописныхъ Кормчихъ, Мѣрилахъ Праведныхъ и другихъ юридическихъ сборникахъ „Избраніе отъ закона Божія“, Законъ Судный и Эклога обыкновенно помѣщаются рядомъ или почти рядомъ (такъ, что между двумя послѣдними статьями ставится „Градской законъ“—Прохиронъ).

представленнаго авторомъ сравненія ихъ съ „Заповѣдію“, (стр. 156—157), должны быть признаны прямыми заимствованіями изъ этой послѣдней. Принимаемъ къ свѣдѣнію этотъ фактъ, во первыхъ, какъ доказательство глубокой древности „Заповѣди св. Отець“, и во вторыхъ, какъ первый и старшій примѣръ, оправдывающій высказанное нами замѣчаніе, что всѣ вообще памятники, подобныя „Заповѣди св. Отець“, разъ пущенныя въ обращеніе, дѣлались потомъ источникомъ для разныхъ однородныхъ съ ними компиляцій. Въ слѣдующей главѣ мы увидимъ массу и другихъ примѣровъ въ томъ же родѣ.

III.

Отъ закона суднаго авторъ переноситъ свои наблюденія на разные древне-русскіе и славянскіе памятники каноническаго и обрядоваго содержанія, открывая въ тѣхъ и другихъ „болѣе или менѣе замѣтные слѣды вліянія западно-католическаго церковнаго права“ (стр. 160). Здѣсь онъ всего чаще встрѣчаетъ „слѣды“ уже хорошо знакомой намъ Заповѣди св. отецъ и, само собою понятно, указываетъ на нихъ, какъ на „несомнѣнные“ доказательства вліянія западнаго церковнаго права на церковное правосознаніе въ древней Руси и у другихъ славянскихъ народовъ, принявшихъ христіанство изъ Византіи. Эти указанія почтеннаго автора не лишены интереса и для насъ. Они даютъ намъ самый удобный случай иллюстрировать на примѣрѣ Заповѣди общую судьбу, какую испытывали и на востокѣ и на западѣ всѣ подобныя памятники подъ руками позднѣйшихъ „писателей“ или, по нынѣшнему, компиляторовъ. Встрѣчая то тутъ, то тамъ разные отрывки Заповѣди, мы все болѣе укрѣпляемся въ убѣжденіи, что такова же была судьба и ея греческаго подлинника, исчезнушаго для насъ въ необъятной массѣ неизданныхъ греческихъ епитимейниковъ, о которыхъ мы знаемъ пока только по печатнымъ каталогамъ рукописей, хранящихся въ разныхъ бібліотекахъ запада и востока.

Самое древнее свидѣтельство о томъ, что Заповѣдь св. отецъ была извѣстна и употреблялась въ Россіи, проф. Суворовъ совершенно правильно указываетъ въ „Въпросаніяхъ“ Кирика и другихъ духовныхъ лицъ Новгородскому епископу Нифонту, слѣдовательно, въ памятникѣ первой половины XII вѣка. Кирикъ, записавъ отвѣтъ своего владыки на вопросъ: „аще человекъ блюеть причащався?“, — сдѣлалъ и отъ себя прибавку: „А се нѣвкоторой заповѣди налѣзохъ (вотъ что я нашелъ въ одной заповѣди): „Аще кто объядься изблюеть причастіе, да трегубуеть ѿ днй— ѿ и ѿ. Аще отъ болѣзни кто изблюеть причастіе, ѿ дни да поститься, а еже есть изблевалъ, да сохранить на огни, ѿ псаломъ да испоеть; аще ли то пси вкусятъ, ѿ днй да поститься“¹⁾. „Это—скажемъ словами автора—есть буквальная выдержка или выписка изъ 16 и 18 статей Заповѣди св. отецъ“ (стр. 161). Затѣмъ самъ Нифонтъ въ отвѣтахъ другому своему вопрошателю—Саввѣ привелъ, тоже почти дословно, одно (42-е) правило изъ Заповѣди, не указывая впрочемъ на этотъ источникъ²⁾.

„Доказательствомъ широкаго распространенія на Руси Заповѣди св. отецъ—продолжаетъ проф. Суворовъ—служить и то, что составители и переписчики русскихъ церковныхъ сборниковъ включали въ епитимійныя правила большее или меньшее количество статей изъ Заповѣди св. отецъ. Это доказательство прежде всего мы находимъ въ „Заповѣди св. отецъ ко исповѣдающимся сыномъ и дщерямъ“, которая проф. Тихонравовымъ издана въ „Памятникахъ отреченной русской литературы“ подъ рубрикой: „Худые номоканунцы“, а проф. Голубинскимъ напечатана въ его „Исторіи русской церкви“ въ качествѣ „устава бѣлеческаго“ (т. е. устава для мірянъ) русскаго митрополита Георгія“ (стр. 163). По поводу этихъ двухъ названій

1) Рус Истор. Библ. т. VI, стр. 23.

2) Тамъ же, стр. 52, статья 3: „Аще ли, речеть, (кто—Нифонтъ или „Заповѣдь св. отецъ“?) умереть дѣтя нехрыщено, небреженіемъ родитель, или поповымъ, велми (не нужно ли читать: вели?) за душегубье поста глѣта; аще ли не вѣдуче, то нѣту опитемь“.

одного и того же памятника, авторъ замѣчаетъ, что „ни то, ни другое не приличествуетъ „Заповѣди св. отецъ ко исповѣдающимся сыномъ и дочеремъ“. Къ худымъ номоканунцамъ она не причислялась въ старинныхъ церковныхъ сборникахъ (въ индексахъ „отреченныхъ книгъ“ — хочеть, вѣроятно, сказать авторъ ?), да и по существу не можетъ быть причисляема къ нимъ, *такъ какъ въ ней нѣтъ ничего апокрифическаго* (?). Уставомъ митрополита Георгія назвать ее нельзя потому, что она представляетъ собою смѣсь разнородныхъ вещей, а не произведеніе одного автора“ (стр. 164). Первое замѣчаніе мы признаемъ вполне неправильнымъ. Въ старинныхъ нашихъ индексахъ „отреченныхъ книгъ“ упоминаются, между прочимъ, „худые номоканунцы у поповъ по молитвенникомъ“; а что „Заповѣдь св. отецъ ко исповѣдающимся сыномъ и дочеремъ“ *по существу* должна быть причислена къ худымъ или апокрическимъ номоканунцамъ, это видно изъ того, что въ ней находится немалое число правилъ, поражающихъ странностью своего содержанія. Одно изъ такихъ правилъ, гласящее: „оже въ недѣлю и въ субботу и въ пятокъ лежить человекъ, а зачнетъ дѣтя, будетъ любо тать, любо разбойникъ, любо трепетивъ, а родительма опитемья два лѣта“, было прочитано тѣмъ же Кирикомъ епископу Нифонту, и вызвало со стороны послѣдняго такой отвѣтъ: „А ты книги годиться сжечи“ ¹⁾. Что же касается до названія, какое дано этому худому номоканунцу въ „Исторіи русской церкви“ проф. Голубинскаго, то мы совершенно согласны съ мнѣніемъ нашего почтеннаго товарища по наукѣ, что „Заповѣдь ко исповѣдающимся сыномъ и дочеремъ“ никакъ не можетъ быть выдаваема за „уставъ митрополита Георгія“. По этому предмету мы уже имѣли случай высказать свое

1) Русс. Ист. Биб. т. VI, стр. 44, статья 74. Замѣчательно, что и самъ проф. Суворовъ, не досмотрѣвъ этого правила въ „Заповѣди св. отецъ ко исповѣдающимся сыномъ и дочеремъ“ (см. у Тихонравова т. II, стр. 302—303), находить, что другой худой номоканунецъ *съ тѣмъ же самымъ правиломъ*, изданный Тихонравовымъ вслѣдъ за „заповѣдью“, *несомнѣнно принадлежитъ къ числу апокрифовъ*, „худыхъ номоканунцевъ“ въ собственномъ смыслѣ слова“ (стр. 163).

мнѣніе въ открытомъ письмѣ къ достоуважаемому автору „Исторіи русской церкви“, напечатанномъ въ феврал. книжкѣ „Православнаго Обозрѣнія“ за 1881 годъ. Такъ какъ это письмо осталось неизвѣстнымъ проф. Суворову, а между тѣмъ высказанныя въ немъ возраженія противъ подлинности такъ названнаго профессоромъ Голубинскимъ „Георгіева устава“ раздѣлены были съ нами лицами вполне компетентными (разумѣемъ профессора Кіевской духов. академіи И. И. Малышевскаго, написавшаго, по порученію Академіи Наукъ, подробную рецензію на „Исторію русской церкви“ Е. Е. Голубинскаго), то мы находимъ нелишнимъ сдѣлать отсюда нѣкоторыя выписки, относящіяся къ настоящему вопросу. Вотъ что, между прочимъ, мы писали тогда автору „Исторіи русской церкви“: „Основанія, на которыхъ Вы утверждаете догадку о принадлежности одного изъ „худыхъ помоканунцевъ“ митрополиту Георгію, заключаются въ слѣдующемъ: „Кирикъ въ своемъ „Вопрошаніи“ пишетъ: „рѣхъ (епископу Нифонту): написано, владыко, есть *въ уставъ бѣлескомъ*, яко добро бы блюстися (мужамъ отъ женъ въ великій постъ), яко Христовъ постъ есть“. Еще: „прочтохъ ему (Нифонту) *изъ нѣкоторой заповѣди*: „аже въ недѣлю и въ субботу и пр. (приведено выше). И еще: „прошахъ и сего: аже дають сорокоустье служити за упокой, а еще живи суще?—Не можетъ, рече, взборонити того, аже приносятъ спасенья хотяче души своей, *еже творишь и митрополита Георгія написавши*, а нѣту того нигдѣже“.—Первое и второе написано, говоритъ Вы, а третье запрещается именно въ нашей заповѣди, изъ чего и слѣдуетъ, что она есть то сочиненіе, которое онъ (Кирикъ) называетъ уставомъ бѣлескимъ и нѣкоторою заповѣдью и которое онъ приписываетъ митрополиту Георгію“ (И. Р. Ц. т. I, стр. 371, прим. 1). Такое заключеніе представляется мнѣ слишкомъ поспѣшнымъ. Уже самое разнообразіе цитатъ Кирика: „нѣкоторая заповѣдь“, „уставъ бѣлескій“, „написаніе митрополита Георгія“ показываетъ, что онъ имѣлъ дѣло не съ однимъ, а съ разными источниками. Если же Вы находите всѣ эти источники въ составѣ одного цѣлаго, *принадлежащаго, по письму, XV или*

XVI в. (т. е. въ „заповѣди ко исповѣдающимся сыномъ и дщерею“), то отсюда нельзя еще заключать, чтобы *такое же точно цѣлое* существовало уже въ XII вѣкѣ, только подъ различными или (точнѣе выражая Вашу мысль) съ *тремя* различными надписаніями. Напротивъ, общая судьба памятниковъ, подобныхъ Вашему „уставу митрополита Георгія“, была такова, что они подъ руками позднѣйшихъ переписчиковъ и компиляторовъ разнообразились въ своемъ составѣ и содержаніи почти до безконечности. Единственная цитата у Кирика, въ которой *прямо* упоминается митрополитъ Георгій, сама по себѣ даетъ только право заключать, что ему, Кирику, извѣстно было какое-то правило или постановленіе названнаго митрополита о сорокоустѣ по живыхъ. Но ни откуда не видно, чтобы правило это въ передачѣ Кирика или, точнѣе, Нифонта имѣло тотъ самый *запретительный* смыслъ, какой данъ ему въ Вашемъ „Георгіевомъ уставѣ“¹⁾. Послушаемъ еще разъ и подольше бесѣду новгородскаго владыки съ своимъ клирикомъ: „*Не можетъ (попъ) взборонити того (сорокоуста по живыхъ), отвѣчалъ Нифонтъ, аже приносятъ спасенія хотяче души своей, еже творишь и митрополита Георгія напсавша, а нѣту того нидѣ же. Луче бы имъ, да быша добру другу поручили, даше что, абы послѣди исправиль, или убогимъ, и всѣмъ Бога ради приѣмлющимъ“*²⁾ и проч. Я перевожу это такъ: „нельзя возбранять сорокоуста по живыхъ, если они сами дѣлають такія приношенія для спасенія своей души, *что, какъ ты говоришь, написалъ и митрополитъ Георгій, хотя онъ нидѣ этого не писалъ.* Я же думаю, что лучше было бы имъ поручать добру другу часть своего имѣнія, съ тѣмъ, чтобы онъ, послѣ ихъ смерти, исправиль по нихъ сорокоустъ и роздалъ милостыню“. Итакъ весь контекстъ рѣчи — скорѣе въ пользу того, что Кирикъ имѣлъ въ виду правило митрополита Георгія. *дозволяющее* сорокоусты по живыхъ, съ чѣмъ былъ *невозможенъ*

1) Оно читается здѣсь такъ: „Аще кто живъ сѣй, вдасть за ся сорокоусте, пѣти не достоятъ ему“, прав. 58 (у Голубинскаго, т. I, стр. 516).

2) Вѣроятно, сорокоусты при жизни заказывали по себѣ люди одинокіе, у которыхъ не было своихъ поминателей (теперешняа приписка).

согласенъ Нифонтъ. Впрочемъ для нашего вопроса всего важнѣе то, что Новгородскій владыка *вовсе отрицалъ* существованіе какого либо Георгіева правила по предмету бесѣды ¹⁾). Въ виду этого авторитетнаго и, надобно согласиться, крайне для Васъ неблагоприятнаго свидѣтельства, Вы нашлись вынужденнымъ сдѣлать такую оговорку: „странную судьбу имѣло сочиненіе Георгія въ періодъ домонгольскій. Какъ написанное митрополитомъ, оно, повидимому, должно было получить всеобщую распространенность и всеобщую извѣстность и стать до нѣкоторой степени какъ бы официальнымъ уставомъ русской церкви. Однако этого вовсе не случилось. Спустя 50 лѣтъ послѣ смерти Георгія, а можетъ быть и менѣе, о существованіи его сочиненія вовсе не знали епископы, и оно извѣстно было только нѣкоторымъ“ (371). Для меня (какъ вѣроятно и для многихъ другихъ) въ настоящемъ случаѣ знаменательно уже то, что о правилахъ митрополита Георгія ничего не знаетъ такой епископъ, какъ Нифонтъ Новгородскій, котораго и Вы гдѣ-то похваляете за хорошее знакомство съ церковными правилами, и наоборотъ, знаетъ какой нибудь Кирикъ—одинъ изъ сонма тѣхъ малограмотныхъ поповъ, въ средѣ которыхъ, по свидѣтельству извѣстнаго списка „отреченныхъ“ книгъ, и обращались всѣ „худые номокаунцы“ (стр. 345—347). Затѣмъ, приведя уже извѣстный отзывъ Нифонта о правилѣ, прочитанномъ ему Кирикомъ „изъ нѣкоторой заповѣди“ (или изъ мнимаго „Георгіева устава“), мы замѣтили почтенному автору „Исторіи русской церкви“: „Итакъ Вы еще не вполне изобразили „странную судьбу“ Георгіева сочиненія въ до-монгольскій періодъ: епископы, спустя 50 лѣтъ послѣ смерти Георгія, а можетъ быть и менѣе, не только не знали этого сочиненія, но узнавъ, приказывали сжигать оное“ (стр. 348). Кромѣ того, подобно проф. Суворову, мы указывали въ своемъ письмѣ на разновременность и разнородность составныхъ частей мнимо Георгіева устава, между прочимъ, отмѣтили въ его

¹⁾ Замѣчательно, что къ Нифонту обращался съ *тѣмъ же* вопросомъ и какой-то Савва; но на этотъ разъ уже не было помину о митрополитѣ Георгіи. См. Рус. Ист. Библия. т. VI. стр. 56—57

составѣ нѣскольکو дословныхъ выписокъ изъ извѣстнаго сочиненія болгарскаго пресвитера Косьмы противъ Богомиловъ, и высказали такое общее заключеніе: „всѣ доселѣ указанные источники мнимаго „устава м-та Георгія“ ведутъ насъ въ Болгарію, родину почти всѣхъ нашихъ апокрифовъ. Въ Россію онъ перешелъ весьма рано и, какъ видно, былъ уже въ рукахъ у Кирика. Здѣсь, т. е. въ Россіи, болгарскій „номоканунецъ“ естественно получилъ мѣстную окраску и мѣстныя дополненія, къ которымъ мы относимъ, между прочимъ, всѣ пункты „устава“, гдѣ онъ оказывается сходнымъ (иногда буквально) съ „въпрошаніями“ Кирика“ (стр. 349—350).

Послѣ этой выписки, намъ остается только повторить слова проф. Суворова: „въ составъ „Заповѣди св. отецъ ко исповѣдающимся сыномъ и дочеремъ“ или „устава бѣлеческаго“, какъ называетъ ее проф. Голубинскій, вошло нѣскольکو статей изъ той „Заповѣди св. отецъ“, которая находится въ Румянцовской Кормчей № 230 и которая издана Гейтлеромъ въ его Евхологіѣ“ (стр. 166). Тоже должно сказать о значительномъ числѣ южно-славянскихъ (болгарскихъ и сербскихъ) епитимейниковъ, оставшихся неизвѣстными проф. Суворову. Изъ одного изъ нихъ (пергаминнаго XIV вѣка), принадлежавшаго покойному В. И. Григоровичу, мы привели въ VI-мъ томѣ Русской Исторической Библіотеки, въ примѣчаніи къ первому вопросу Кирика, текстъ вписанной имъ въ свои „въпрошанія“ статьи изъ Заповѣди св. отецъ. Это примѣчаніе не ускользнуло отъ вниманія автора и, очевидно, возбудило въ немъ интересъ, такъ какъ онъ выразилъ желаніе знать: „всѣ или только нѣкоторыя статьи этой заповѣди вошли въ епитимейникъ“ (стр. 167). Спѣшимъ удовлетворить любознательности нашего почтеннаго товарища по наукѣ,—и тѣмъ охотнѣе, что какъ выше упомянутый епитимейникъ, бывшій Григоровича, такъ и пять другихъ, *давно уже изданы* академикомъ Ягичемъ въ его *Opisi i Izvodi iz nekoliko juznoslovinскихъ rucopisa* (Загребъ, 1873—1874, стр. 165—169 и 184—194. 200. Статьи изъ „Заповѣди св. отецъ“ приводятся въ двухъ изъ этихъ епитимейниковъ, означенныхъ у

издателя №№ 1 и 6: въ первомъ находимъ 9 статей ¹⁾, а во второмъ — болѣе 30-ти ²⁾. Этотъ примѣръ изъ исторіи древне-славянской канонической письменности наглядно показываетъ, чего можно было бы ожидать и отъ *греческихъ* епитимейниковъ, остающихся пока въ рукописяхъ: для восстановленія текста того оригинала, съ котораго переведена славянская Заповѣдь св. отецъ.

Но не одна эта Заповѣдь, по наблюденіямъ проф. Суворова, оставила „слѣдъ западно-католическаго вліянія“ на памятникахъ древне-славянскаго и русскаго церковнаго права. Почтенный авторъ подозрѣваетъ, что на Руси не безызвѣстенъ былъ и другой латинскій пенитенціалъ, кромѣ „Заповѣди св. отецъ“. Указаніе на этотъ теперь неизвѣстный пенитенціалъ авторъ находитъ въ слѣдующей цитатѣ Кирика: „а се прочтохъ ему (Нифонту), како опитемыи избавляеть ѿ литургій за ѧ мѣсяцы, а ѧ за ѡ, а ѧ за лѣто“. Выраженный здѣсь „принципъ замѣны покаянія служеніемъ литургій“ проф. Суворовъ признаетъ за исключительную принадлежность западныхъ пенитенціаловъ и потому не находитъ возможнымъ предположить для прочитаннаго Кирикомъ правила существованіе какого нибудь другого источника, кромѣ латинскаго. Ставъ на эту точку зрѣнія, авторъ оправдываетъ свою догадку свидѣтельствами препод. Ѳеодосія пещерскаго и самого Кирика, изъ коихъ онъ усматриваетъ, что въ XI и XII вв. русская земля открыта была самому широкому вліянію латинскаго запада. Но какая необходимость и въ настоящемъ случаѣ предполагать западное вліяніе, когда извѣстенъ полный текстъ того *юго-славянскаго* епитимейника, изъ котораго Кирикъ прочиталъ своему епископу выше приведенное правило? ³⁾. Все содержаніе этого епити-

1) Именно слѣдующія: 21, 42, 19, 26, 30, 10, 34, 14, 2 (въ такомъ порядкѣ приводятся онѣ въ епитимейникѣ).

2) Именно слѣдующія: 20, 21, 45, 46, 47, 29, 31, 33, 34, 41, 39, 42, 44, 43, 2, 4, 8, 9, 10, 11, 13, 19, 26, 36, 17, 5, 6 (последнія двѣ статьи слиты въ одну), 15, 16, 18 (последнія двѣ соединены въ одну), 14, 32 (измѣнена), 38.

3) Прочитанное Кирикомъ Нифонту правило о покаянныхъ литургіяхъ находится въ не разъ упомянутомъ нами епитимейникѣ Григоровича XIV в. См. у Ягича въ цитов. соч. стр. 178.

мейника—несомнѣнно греко-восточное, и хотя мы не знаемъ совершенно такого же греческаго канонарія, но можемъ указать на другіе, по которымъ служеніе литургій точно также входило въ составъ епитиміи, какъ это принято было и въ латинскихъ пенитенціалахъ. Напримѣръ, въ извѣстномъ Котельеровомъ номоканонѣ (XI—XII в.) совершеніе литургій представляется такимъ подвигомъ покаянія, за который кающіеся удостоиваются вѣнца небеснаго, прощенія всѣхъ грѣховъ, разрѣшенія отъ всѣхъ нравственныхъ паденій, и получаютъ надежду услышать отъ Праведнаго Судии евангельскій призывъ: *πρίνιδιτε благословеннии Отца моего*¹⁾. Само собою понятно, что при такомъ воззрѣніи на покаянныя литургіи частое и усердное совершеніе ихъ по заказу епитимійцевъ признавалось вполне уважительнымъ поводомъ къ сокращенію для нихъ срока самой епитиміи²⁾.

1) *Nomoc. Coteler. cap. 323: περί δὲ πάντων τῶν πτωμάτων αἱ λειτουργίαι εἰσὶν, στέφανος οὐράνιος, καὶ συγχώρησις παντοίων ἁμαρτιῶν, καὶ λύσις τῶν πταισμάτων, καὶ τῆς αἰωνίου ζωῆς ἐλπίδα (sic), καὶ μακάριοι οἱ ζῶντες καὶ παιοῦντες αὐτάς· οἱτοὶ γὰρ μέλλουσιν ἀκοῦσαι· λέγτε οἱ εὐλογημένοι τοῦ πατρὸς μου.* Мы относимъ этотъ номоканонъ къ XI—XII в. по его происхожденію, а не по списку, по которому онъ изданъ. Прямѣры изъ другихъ греческихъ номоканонѣвъ, говорящихъ о служеніи литургій, какъ составной части епитиміи, см. у Дюканжа въ средневѣковомъ греческомъ Глоссаріи подъ словомъ *λειτουργία* и въ номоканонѣ, изданномъ проф. Суворовымъ въ приложеніи № 3 (статьи 27—29 и 50, 51). Или издатель и здѣсь предполагаетъ слѣдъ католическаго вліянія? Но мы уже видѣли, что тѣ статьи этого номоканона, въ которыхъ онъ прямо указываетъ такіе слѣды, находятъ себѣ двойниковъ въ старшихъ греческихъ покаянныхъ номоканонахъ, которые должны быть признаны свободными отъ всякаго католическаго вліянія (см. выше, стр.). Тоже приходится повторить и теперь.

2) Какъ обычно было въ греческой церковной практикѣ назначать въ епитимію, наряду съ другими подвигами покаянія, и совершеніе литургій, видно изъ того, что этой практики держались не только простые духовники, но и сами вселенскіе патріархи. Такъ патріархъ Матѳеѣй (ок. 1400 г.), назначая епитимію убійцѣ, писалъ ему: *πρῶτον μὲν κλαίτε, καὶ πρόσπιπτε, καὶ ἐκλιπάρετε πρὸς ἐξιλέωσιν, λειτουργίας ἐργαζόμενος καὶ εὐχέλαια* (Миклошичъ и Мюллеръ, *Acta patriarchatus Constantinopolitani*, t. II, p. 319). Неодобрительный отзывъ объ этой практикѣ, данный русскимъ епископомъ XII вѣка (Нифонтомъ Новгородскимъ), мотивированъ такимъ соображе-

Новый слѣдъ католическаго вліянія на древне-славянскую дисциплину церковныхъ покаяній проф. Суворовъ находитъ въ одной разрѣшительной молитвѣ, входящей въ составъ особаго чина покаянія или „примиренія“, который всего чаще встрѣчается въ юго-славянскихъ (и русскихъ) Кормчихъ съ такимъ надписаніемъ: *Ҁннѣ, рекше молитвы оцѣнню и примиренню кѣющнхъса. Молитва надѣ кѣющнхъса, рекше прѣвоѣ и пѣмъ и лѣз и рѣв. таже молитвоу снѣ*. Самая молитва начинается словами: *Вѣдко ѣн бѣ нашъ, нже кѣоуа ѣртѣва твоего Петроу верховнемоу аплоу пороуунѣ и на немъ стоюу твою ѣркев создаѣ и даѣв емоу власть твоею кѣгодѣтью казати и разрѣшати на земан и проч.* Слова эти настолько поразили нашего автора, что онъ, не найдя ничего подобнаго въ греческихъ разрѣшительныхъ молитвахъ, напечатанныхъ у Морина и Гоара (въ чинопоследованіяхъ исповѣди), безъ дальнихъ околичностей объявляетъ, что „напрасно было бы“ и искать такой молитвы у грековъ: „грекъ не могъ-де составить такой молитвы, въ которой личность апостола Петра выдвигается изъ ряду другихъ апостоловъ такъ, что Господь ему, верховному апостолу, поручилъ кѣчи царства небснаго, на немъ, верховномъ апостолѣ, основалъ и создалъ свою церковь, и ему далъ власть Своею благодатію вязать и разрѣшать на землѣ. Подобныя возрѣнія на апостола Петра—продолжаетъ авторъ не согласуются съ тѣмъ экзегетическимъ приѣмомъ восточной теологіи, по которому слова Господа: „ты еси Петръ, и на семъ камени созижду церковь Мою, и врата адова не одолѣютъ ей“ относятся не къ лицу апостола, къ которому обращена рѣчь Христа, а къ вѣрѣ, какъ понятію, отвлеченному отъ лица“ (стр. 171). Все это—апріорныя соображенія, доказывающія только, что авторъ недостаточно зна-

ніемъ: „даръ бы, али пни богатн сѣгрѣшающе, а дали за ся службу, а сами ся не отрече внимало. Неугодно“. Но замѣчательно, что во многихъ спискахъ „Въпрошаніи“ Кирика у Нифонта смыслъ епископскаго отвѣта измѣненъ въ противоположный, именно вмѣсто слова: „неугодно“ стоитъ: „се годно“ (см. Русс. Истор. Библіот. т. VI, стр. 44, прим. 18). Если это послѣднее чтеніе не есть оригинальное, то оно во всякомъ случаѣ показываетъ, что мнѣніе Нифонта не сдѣлалось общимъ правломъ русской церковной практики.

комъ съ литературою затронутого имъ богословскаго вопроса и, въ добавокъ, не довольно внимательно справлялся съ тѣми книгами, на которыя такъ рѣшительно ссылается. Въ Гоаровомъ изданіи греческаго Евхологіона находится прямой подлинникъ славянской молитвы, смутившей нашего ученаго канониста своимъ мнимо „католическимъ духомъ“, но находится онъ не тамъ, гдѣ искалъ его нашъ авторъ — не въ чинопослѣдованіи исповѣди, а въ чинѣ принятія отступниковъ отъ православной вѣры, извѣстномъ подъ именемъ патріарха Меѳодія и до сихъ поръ составляющемъ традиціонную принадлежность какъ греческихъ, такъ славянскихъ (русскихъ) Требниковъ¹⁾. Тотъ же самый чинъ, въ нѣсколько сокращенномъ видѣ и безъ имени патріарха Меѳодія, встрѣчается и въ греческихъ Кормчихъ той самой редакціи, къ которой принадлежатъ югославянскія Кормчія, содержація въ себѣ дословный переводъ этого чина, т. е. въ Кормчихъ, представляющихъ церковныя правила въ сокращенномъ текстѣ и съ толкованіями Аристина²⁾. Здѣсь, какъ и въ нѣкоторыхъ спискахъ Евхологіона, занимающій насъ чинъ покаянія или „примиренія кающихся“ является

1) Погречески молитва начинается словами: Δέσποτα κύριε ὁ θεὸς ἡμῶν, ὁ τὰς κλειῆς βασιλείας σου Πέτρον τῷ κορυφαίῳ τῶν ἀποστόλων κατεμπι-
στεύσας, καὶ ἐπ' αὐτῷ τὴν ἀγίαν σου ἐκκλησίαν οἰκοδομήσας, καὶ δοὺς
αὐτῷ ἐξουσίαν διὰ τῆς σῆς χάριτος τοῦ δεσμεῖν καὶ λύειν τὰ ἐπὶ τῆς γῆς
κτλ. См. Goar, Euchologion, ed. Parisiis. 1647, p. 878. Замѣчательно, впро-
чемъ, что въ позднѣйшихъ изданіяхъ греческаго Евхологіона молитва эта
измѣнена такъ, что въ ней говорится уже не объ одномъ верховномъ апо-
столѣ, а о всѣхъ апостолахъ (анонимно), какъ въ равной мѣрѣ пріятшихъ
отъ Господа власть вязать и рѣшить. См. напр. Евхологіонъ вениціанскаго
изданія 1869 г., стр. 593. Но наши славянскіе Требники до сихъ поръ
остаются неизмѣнно вѣрными первоначальному греческому тексту молитвы.
См. въ новыхъ изданіяхъ Большаго Требника гл. 97.

2) Довольно обстоятельное описаніе такой греческой Кормчей читатель
можетъ найти въ капитальномъ трудѣ проф. Н. Θ. Красносельцева, подъ
заглавіемъ: „Свѣдѣнія о нѣкоторыхъ литургическихъ рукописяхъ Ватикан-
ской бібліотеки“. Казань 1885, стр. 61—63. Въ Кормчихъ, греческихъ и
славянскихъ, „чинъ примиренія“ имѣетъ только двѣ молитвы — ту, о кото-
рой идетъ рѣчь въ текстѣ, и другую начинающуюся словами: „Боже, про-
стившии Нафаномъ пророкомъ Давида“, тогда какъ въ Требникахъ, гдѣ
чинъ этотъ является съ именемъ патріарха Меѳодія, всѣхъ молитвъ шесть.

съ тѣмъ же самымъ надписаніемъ, какое даютъ ему славянскія Кормчія, именно: *Εὐχὴ εἰς ἱλασμόν* (дальше подразумѣвается: *ἀναγιγνωσκόμενῃ*) *μετὰ τὸν ὕ φαλμόν, καὶ λζ', καὶ ρβ'* ¹⁾ Мы дѣлаемъ это, повидимому, мелочное замѣчаніе въ виду того обстоятельства, что проф. Суворовъ и въ выше приведенномъ славянскомъ надписаніи „чина примиренія“ усматриваетъ нѣчто „запално-католическое“ и подтверждаетъ свой взглядъ слѣдующими доводами: 1) „этотъ чинъ примиренія уже *самымъ названіемъ* своимъ подаетъ мысль о западномъ, а не о восточномъ вліяніи на его составителей, потому что на западѣ, гдѣ практиковалось *публичное* церковное покаяніе, былъ въ употребленіи и особый чинъ или порядокъ *примиренія* публично кающагося съ церковію“ (*ordo ad reconciliandum poenitentem*); 2) „въ восточныхъ чинопослѣдованіяхъ исповѣди, какія существовали въ то время (т. е. въ эпоху появленія славянскаго „чина примиренія“), указывались не тѣ псалмы“, какіе означены въ надписаніи этого чина (стр. 172—173). На первый доводъ мы уже дали отвѣтъ выше, приведя документальныя свидѣтельства о непрерывномъ существованіи на востокѣ публичныхъ покаяній, наряду съ епитиміями, налагаемыми по тайной исповѣди, а теперь видимъ еще, что на востокѣ существовалъ также и особый чинъ принятія въ церковь публично кающихся (между прочимъ — отступниковъ отъ вѣры). Погречески чинъ этотъ надписывался: *εἰς ἱλασμόν*—„на очищеніе“, или по-славянски: „ощѣщенію“, къ чему старый переводчикъ прибавилъ пояснительную глоссу: „рекше примиренію“,—и прибавилъ съ большимъ толкомъ, такъ какъ по употребленію въ Библии и на языкѣ церкви *ἱλαμός* значить и то и другое. Видѣтъ тутъ „переводъ“ латинскаго *recon-*

1) Мы привели это надписаніе по книгѣ проф. Красносельцева (см. предыдущее примѣчаніе). По свидѣтельству Гоара, занимающая насъ молитва „чина очищенія или примиренія“ имѣетъ почти такое же надписаніе въ знаменитомъ Критоферрарскомъ спискѣ греческаго Евхологіона, именно: *Εὐχὴ ἄλλη* (въ спискахъ Евхологіона молитва эта стоитъ на второмъ мѣстѣ „чина“, а не на первомъ, какъ въ Кормчихъ) *εἰς ἱλασμόν μετὰ τὸ εἰπεῖν φαλμόν πεντηχοστὸν, τριαχοστὸν ἑβδομον καὶ ἑκατοστὸν δεύτερον* (Goar, op. cit. p. 881, not. v).

ciliatio нѣтъ никакого основанія, тѣмъ болѣе, что въ томъ западномъ пенитенціалѣ, съ которымъ проф. Суворовъ сближаетъ славянскій чинъ „примиренія“, именно—въ извѣстномъ уже намъ Мерзебургскомъ, чинъ покаянія надписывается не *ordo ad reconciliandum poenitentem*, а *ordo ad dandam poenitentiam*, чтò, конечно, не одно и тоже. Последнее названіе можетъ относиться не только къ публичному покаянію, но и къ тайной исповѣди, на что прямо указываютъ слѣдующія слова чина покаянія, поставленнаго въ началѣ Мерзебургскаго пенитенціала: *Cum ergo venerit aliquis ad sacerdotem confiteri peccata sua*¹⁾. Правда, въ *ordo ad dandam poenitentiam* названнаго пенитенціала положено читать тѣ же самые три покаянные псалма, какіе означены и въ надписаніи славянскаго „чина примиренія“ (хотя въ другомъ порядкѣ: 37, 102 а 50), а не тѣ, какіе указывались въ греческихъ чинослѣдованіяхъ исповѣди“; но если мы уже знаемъ прямой греческій подлинникъ этого чина—съ перечнемъ тѣхъ же самыхъ псалмовъ, исчисленныхъ въ томъ же самомъ порядкѣ (50, 37 и 102), то намъ остается только пожалѣть, что проф. Суворовъ не доискался этого подлинника.

IV.

Намъ остается еще разсмотрѣть, по указанію проф. Суворова, слѣды католическаго вліянія въ двухъ важнѣйшихъ памятникахъ древне-русскаго церковнаго права—въ извѣстныхъ церковныхъ уставахъ, приписываемыхъ первымъ двумъ христіанскимъ князьямъ Руси—св. Владиміру и сыну его Ярославу. Новый вопросъ о возможности и дѣйствительности этого вліянія авторъ связываетъ со старымъ вопросомъ о подлинности того и другого устава. Въ рѣшеніи этого послѣдняго вопроса онъ вполнѣ слѣдуетъ Карамзину и проф. Е. Е. Голубинскому, которые, какъ извѣстно, признаютъ оба устава позднѣйшими подлогами²⁾. Оригиналь-

¹⁾ *Wasserschleben*, op. cit. p. 389.

²⁾ Карамзинъ—въ своей Исторіи государства русскаго, т. I, стр. 145

нымъ становится нашъ авторъ лишь настолько, насколько ему нужно было приурочить происхождение обоихъ подлоговъ къ такой эпохѣ, которая представлялась бы наиболѣе благоприятною для проникновенія въ нихъ иноцерковнаго, т. е. католическаго вліянія. Извѣстно, что въ концѣ XIV вѣка православная западная Русь подпала подъ власть католическихъ, литовскихъ и польскихъ государей: къ этой именно эпохѣ проф. Суворовъ и относитъ происхождение старшаго русскаго церковнаго устава, дошедшаго до насъ съ именемъ св. Владиміра. Авторъ дѣлаетъ даже довольно прозрачный намекъ на митрополита Кипріяна, какъ на одного изъ главныхъ виновниковъ этого подлога. „Митрополитъ Кипріянъ—повѣствуетъ намъ проф. Суворовъ—провелъ довольно времени въ Литвѣ, прежде чѣмъ поселиться въ Москвѣ, въ качествѣ общепризнаннаго всероссійскаго митрополита. А ненадобно забывать важности той исторической эпохи, которую переживала юго-западная Русь въ концѣ XIV и въ первой половинѣ XV столѣтія. Литовскіе князья, которымъ подчинялась юго-западная Русь, послѣ недолго продолжавшагося колебанія между язычествомъ, православіемъ и католицизмомъ, со времени Витовта (1386 г.) рѣшительно примкнули къ католицизму. Близкое сосѣдство съ католическою церковію, которая имѣла опредѣленную каноническимъ правомъ и признанную государственною властію судебную компетенцію, и необходимость исходатайствовать у иновѣрныхъ князей гарантированіе церковнаго суда православной церкви (*церковнаго суда церкви!*) въ опредѣленномъ же объемѣ, въ точно обозначенныхъ границахъ, а не съ туманными только указаніями на греческій номоканонъ (?), могли послужить достаточнымъ поводомъ для западно-русской православной іерархіи и для западно-русскихъ книжниковъ къ тому, чтобы историческія преданія о завѣтѣ Владиміра и существовавшую до XIV вѣка практику облечь въ форму письменнаго устава, причемъ на редакцію этого устава (*только на редакцію, а не самое содержаніе?*) должно было естественно повліять западно-католическое церковное

и прим. 506. Т. II, стр. 38 и прим. 108 (по изд. Эйверлинга); проф. Голубинскій—въ Исторіи русской церкви, т. I, полов. I. 1880 г., стр. 342—374.

право, подобно тому, какъ оно вліяло позднѣе, въ XVII столѣтіи, на редакторовъ православнаго Катихизиса и православнаго Трѣбника, когда необходимость заставила по возможности ясно формулировать церковное ученіе и церковные обряды“ (стр. 212—213)²).

Оставляя пока въ сторонѣ сложный вопросъ о подлинности, точнѣе, о происхожденіи устава св. Владиміра, какъ *письменнаго* памятника древняго русскаго церковнаго права, мы въ настоящемъ случаѣ ограничимся только оцѣнкою сейчасъ приведенныхъ историческихъ соображеній проф. Суворова. Начнемъ эту оцѣнку съ точки зрѣнія фактовъ, указанныхъ самимъ авторомъ. Если подложный русскій церковный уставъ, съ именемъ св. Владиміра, произошелъ только въ концѣ XIV вѣка, вслѣдствіе подчиненія западной Руси подъ власть иновѣрныхъ государей и въ силу необходимости для тамошней православной іерархіи „исходатайствовать у этихъ государей гарантированіе неприкосновенности суда православной церкви въ опредѣленномъ объемѣ“: то, само собою понятно, составители подложнаго устава должны были немедленно представить его на *утвержденіе* мѣстной государственной власти, чтобы такимъ образомъ получить возможность для себя и своихъ преемниковъ пользоваться подлогомъ, какъ подлиннымъ и *формально признаннымъ* источникомъ своего церковнаго права. А между тѣмъ въ значи-

¹) Намекъ на м-та Кипріяна, какъ прикосновеннаго къ дѣлу о подлогѣ Владимірова устава, проф. Суворовъ обращаетъ даже въ прямое и рѣшительное обвиненіе при помощи „Исторіи русс. церкви“ преосв. Макарія. Выписавъ отсюда рассказъ о проискахъ и враждебныхъ дѣйствіяхъ, предпринятыхъ Кипріяномъ противъ м-та Алексія съ цѣлю свергнуть его съ кафедры и занять его мѣсто, авторъ выводитъ отсюда такое заключеніе: „Въ данномъ случаѣ такое выдающееся историческое лицо, какъ м-тъ Кипріявъ, въ видахъ достиженія собственныхъ цѣлей, прибѣгалъ къ средствамъ не совсемъ чистымъ; но тѣмъ болѣе благочестивая цѣль—отстаиваніе церковныхъ правъ и преимуществъ—*могла побудить къ составленію подложнаго устава отъ имени св. Владиміра*“ (стр. 219—220). Повидимому, проф. Суворовъ находитъ, что при рѣшеніи историческихъ вопросовъ обязательно помнить правило формальной логики: *a posse ad esse consequentia non valet*. Но мы увидимъ далѣе, что въ настоящемъ случаѣ требованія логики вполне оправдываются самою исторіей.

тельномъ числѣ грамотъ литовскихъ князей и польскихъ королей XV—XVI вв. „о духовныхъ правахъ греческой вѣры“ до насъ не дошло ни одной такой, въ которой бы содержалось подтвержденіе устава св. Владиміра или дѣлалась хотя бы глухая ссылка на него: всѣ упомянутыя грамоты, какъ ниже увидимъ, знаютъ и подтверждаютъ только церковный уставъ Ярослава („свитокъ Ярославль“). Это не значитъ однакожъ, что до конца XIV вѣка, или до временъ митрополита Кипріяна, уставъ Владиміра въ западной Руси былъ вовсе неизвѣстенъ. Явный слѣдъ его существованія здѣсь, задолго до временъ названнаго митрополита, находимъ въ жалованной (фундушевой) грамотѣ Луцкаго и Владимірскаго князя Любарта Гедиминовича, данной въ 1322 году соборной церкви Іоанна Богослова въ Луцкѣ. Въ этой грамотѣ приводится слѣдующая дословная выписка изъ устава св. Владиміра: „А по семь ненадобѣ вступатися ни детемъ моимъ, ни внучатомъ, ни всему роду моему до века, ни въ люди церковныя, ни въ суды ихъ, — то все даль есми церкви Божой“¹⁾. Но такъ какъ и въ грамотѣ Любарта Гедиминовича нѣтъ прямого указанія на уставъ св. Владиміра, то—если бы она была извѣстна проф. Суворову—послѣдній навѣрное сталъ бы доказывать, что не эта грамота повторяетъ слова уже готоваго и общеизвѣстнаго русскаго церковнаго устава, а наоборотъ: позднѣйшіе сочинители церковнаго устава воспользовались малоизвѣстною грамотою 1322 года, какъ однимъ изъ своихъ источниковъ²⁾. Такъ,

1) См. Архивъ юго-западной Россіи, издаваемый Кіевскою Архіограф. Комиссією, ч. I, т. VI, № 1.

2) Конечно, при такой аргументаціи оставалось бы совершенно непонятнымъ и необъяснимымъ, почему составители подложнаго устава св. Владиміра не воспользовались буквально грамотою Любарта Гедиминовича тамъ, гдѣ это было всего нужнѣе, — при опредѣленіи круга лицъ церковныхъ и пространства церковнаго суда, а предпочли держаться въ томъ и другомъ отношеніи какого-то другого источника, болѣе темнаго по языку и менѣе пригоднаго для современной церковной практики. Грамота 1322 г. даетъ на тотъ и другой предметъ постановленія, несомнѣнно содержащія въ себѣ *дѣйствующее* право, именно: „Маеть господня богомолець нашъ Климентый владыка Луцкий и Острозский и вси наступники его вѣчно и непорушно... всѣми церквами и ихъ священныками, нищихъ обителями,

по крайней мѣрѣ, аргументируетъ проф. Суворовъ относительно другого, болѣе древняго памятника, въ которомъ дословно повторяется почти все содержаніе устава св. Владиміра, но опять — безъ всякой ссылки на этотъ источникъ. Мы говоримъ о посланіи неизвѣстнаго Владимірскаго епископа конца XIII вѣка къ мѣстному князю, сыну великаго князя Александра Невскаго. Само собою, понятно, что всѣ русскіе ученые, кому только приходилось имѣть дѣло съ уставомъ св. Владиміра и кто не имѣлъ надобности отыскивать въ немъ слѣды католическаго вліянія, напримѣръ, преосвященный Макарій, ссылались на это посланіе, какъ на прямое доказательство существованія въ XIII вѣкѣ списковъ Владимірова устава, и притомъ—уже въ разныхъ редакціяхъ¹⁾. Не такъ смотритъ на дѣло проф. Суворовъ. Онъ находитъ, что до сихъ поръ русская историческая наука не оказывала посланію Владимірскаго епископа того вниманія, какого оно заслуживаетъ (стр. 187), именно упускала изъ виду то обстоятельство, что „авторъ посланія не сдѣлалъ ссылки на уставъ Владиміра или на спеціальнѣйшій уставъ какого-либо другаго русскаго князя, а ссылается вообще на *примѣръ* предковъ, прежнихъ великихъ князей русскихъ,

болгичами, страннопременичами радити, благихъ миловати, а злобныхъ казнити, ... архимандриты благословити, игумены наставляти, попы и дяконы совершати, какъ въ нашей области, въ богоспасаемыхъ городахъ въ Луцку и Острозе, и въ селахъ до нихъ прислушающихъ, такожде и бояръ и земавъ нашихъ; а соблазны творящихъ изверзати, церкви освещати, антимиры благословити, еретыковъ и непослушныхъ клясти, никакоже паче благословенія его церкви созидати, или самовластне разорити, или священниковъ отъ него благословенныхъ отъ церкви отгавяти, или дидаскалію основати, мети ставропи[гі]ю, но всякъ ему, яко настоятелю повиноватися и все со благословеніемъ его творити (слѣдуютъ слова, приведенныя у насъ въ текстѣ)... Ктому (далъ еси) и кунцы отъ поповъ въ всемъ городомъ и погостомъ и по свободамъ, где суть хрестіане, и своимъ тывуномъ приказуемъ судовъ церковныхъ не судити, ибо мирскимъ не просчено отъ закона Божія доступоватися въ тые рады. Аще ли хто подъ областію нашею въ епархией Луцкой и Острозской, гординою превозносайся, сия преданія отческая и поведенія княженія нашего перестуити дерзаетъ, десять тысячей рублей на насъ и на епископа да казнятся и отъ Бога прокляты будутъ“.

¹⁾ Макарій, Ист. русс. церкви, т. I, стр. 130 и прим. 268 (стр. 276).

одинаково отличавшихся усердіемъ къ церкви, и на законъ *Божій*, а также на *прежнихъ царей*“, короче: „онъ имѣлъ передъ глазами практику жизни, существовавшей порядокъ вещей, какъ сложился или складывался этотъ порядокъ отъ начала существованія христіанства на Руси до XIII вѣка“ (стр. 188). Съ своей стороны, русская историческая наука можетъ, и съ большимъ правомъ, сдѣлать упрекъ проф. Суворову за то, что онъ *совершенно умолчалъ* о буквальномъ сходствѣ посланія Владимірскаго епископа съ уставомъ св. Владиміра и, такимъ образомъ, оставилъ своихъ читателей въ полномъ недоумѣніи предъ вопросомъ: какъ объяснить это сходство? Самъ авторъ, повидимому, представляетъ себѣ дѣло такъ, что именно посланіе Владимірскаго епископа и послужило *первымъ* письменнымъ источникомъ для составленія русскаго церковнаго устава, усвоеннаго потомъ св. Владиміру. По крайней мѣрѣ, всѣ предметы церковнаго суда, исчисленные въ уставѣ, но не упомянутые въ посланіи, проф. Суворовъ прямо признаетъ позднѣйшими дополненіями къ этому послѣднему (стр. 206—208). Русская историческая наука, конечно, никогда не приходила и, надобно думать, никогда не придетъ къ такому заключенію. Этому препятствуетъ, прежде всего, подлинный смыслъ посланія Владимірскаго епископа. „*Виждь*, сыну князь, пишетъ епископъ въ своемъ посланіи, како ти были велиции князи, твои прады и дѣды и отецъ твой великій князь Олександръ: украсили церковь Божию клирошаны и книгами, и богатели дома великими, десятинами по всѣмъ градомъ и суды церковными“. На что указываетъ Владимірскій епископъ своему князю этимъ словомъ: „*виждь*“? Конечно, не на современное богатство своей церкви, о которой вслѣдъ затѣмъ сказано: „церкви та ограблена и дома ея пусты“, а на какое-то *документальное* доказательство прежняго благосостоянія Владимірской церкви, на какой-то *письменный актъ*, доставлявшій ей разные источники обогащенія и ограждавшій неприкосновенность ея судовъ и имуществъ, актъ хорошо извѣстный и самому князю и теперь только отчасти „напомнутый“ ему въ посланіи епископа „по правилу“, т. е. по Кормчей книгѣ. Но если это былъ церковный уставъ

св. Владиміра, то почему авторъ посланія прямо не назвалъ столь авторитетнаго имени? Отвѣтъ на этотъ вопросъ даютъ тѣ редакціи, точнѣе, тѣ литературныя формы Владимірова устава, въ которыхъ онъ является не въ видѣ церковно-уставной грамоты, изданной отъ лица великаго князя Владиміра, „крестившаго русскую землю“, а въ видѣ анонимной исторической записи о томъ, что сдѣлано въ пользу церкви прежними христіанскими князьями Руси *вообще*. Въ другое время и въ другомъ мѣстѣ мы надѣемся доказать, что такова именно и была первоначальная литературная форма Владимірова устава, а теперь ограничимся только сопоставленіемъ посланія Владимірскаго епископа съ одною изъ такихъ записей, носящею въ рукописяхъ глухое надписаніе: „о церковныхъ людѣхъ, и о судѣхъ, и о десятинахъ, и о мѣрахъ городскихъ“¹⁾). Изъ этого сопоставленія прямо открывается тотъ *письменный* источникъ, которымъ пользовался Владимірскій епископъ и на который, какъ мы видѣли, онъ самъ довольно явственно указывалъ въ своемъ посланіи.

Статья о церковныхъ людѣхъ, и о судѣхъ и пр.

...правовѣрнии великнии князи, создавшє цркъвѣ Божнѣ Матернѣ пискупью, города, и погосты, и села, вниограды, земля, борти, озера, рѣки, волости дали со всѣми прибытки, и десатюю изъ всего княженнѣ, а княгинѣ ихъ—свою бесцѣльнѣю кѣзнь, и порты, золото и кленнѣе дорогою, и великнѣи женѣуюгъ, иконы и икѣангелнѣ, и трапезы,

Посланіе Владимірскаго епископа.

Вижь, сыну князь, како ти были великнии князи, твои прадѣды и дѣды и отецъ твой великый князь Олександръ: украсили церковь Божию клирошаны и книгами и богатили дома великими, десятинами по всѣмъ градомъ и суды церковными.

¹⁾ Другая такая же, но болѣе краткая форма Владимірова устава въ рукописяхъ начинается словами: „Снѣ рядѣ и судѣ церковнѣи уставили первѣи князи“. Доказательство, что эта форма устава существовала на Руси уже во времена в. кн. Ивана Даниловича Калиты († 1341 г.), приведено въ нашѣмъ изслѣдованіи о сборникѣ византійскихъ законовъ, извѣстномъ въ древней Руси подъ именемъ „Книгъ законовныхъ“, стр. 36.

и сосуды црѣкни оукрашивше,
и обогатили паге и гѣхъ, ѿ кого
то прииди. Писано естъ [въ]
стѣхъ Аѣль правнаѣ ѿ: црѣков
ноѣ богатство — нищихъ бо-
гатство, възраста дѣла сирѣтъ,
и старости и немощи, ѿ въ не-
дугъ впадшихъ, нищихъ корм-
ленне и уады много, стран-
нымъ прилежанне, сирѣтамъ ѿ
оубогимъ промышленне, вдо-
вамъ пособие, дѣвцамъ по-
требы, обиди[мымъ] заступленье
въ напастехъ поможенье, в по-
жарѣ и в потопѣ, павшимъ ис-
купленье, въ гладѣ прекормленье,
в худобѣ оумираѣ — покровы,
гробы и погребанья, церквамъ
и монастыремъ пустымъ подъ-
ятье, живымъ прибѣжище и
оутѣшенье, а мертвымъ памать.
Того дѣла на потребу церковную
иманье и люди свои даиди.

А се церковные люди: игу-
менъ, попъ и дьяконъ и кто
въ клиросѣ, ѹернецъ, ѹерница,
попадья, поповнѹ, лѹецъ. про-
щенникъ, задушный ѹеловекъ,
монастырече, больницѣ, гостин-
ницѣ, странноприимницѣ...

А се церковные суды, даны
закономъ Божеемъ, по правн-
ломъ святыхъ ѿць, крестьянъ-
скимъ царн и князи въ всѣхъ
крестьянскихъ людехъ: роспусъ,

То дано клирошаномъ на по-
требу, и старости и немощи,
и въ недугъ впадшихъ, чады
много кормленье, нищихъ кор-
мленье, обидимымъ помоганье
страннымъ прилежанье, въ
напастехъ пособие, въ по-
жарѣ и въ потопѣ, павшимъ
искупленье, въ гладѣ пре-
кормленье, сирѣтамъ и убо-
гимъ промышленье, вдовамъ
пособие, худобѣ умирая — по-
кровы и гробы и погребанье,
церквамъ и монастыремъ подъ-
ятье, живымъ прибѣжище и
утѣшенье, а мертвымъ памать¹⁾.

А се ти пишу другое сло-
во: по правиломъ суды цер-
ковныя во всѣхъ крестьянъ-
скихъ людехъ: игумены и
игуменьи, попы и дьяконы,
черньци и черницы,

роспусъ, смилное, оумыка-
ние, пошибание, заставанье,
промежу мужемъ и женою чьто

¹⁾ Въ послани Владимірскаго епископа этотъ пунктъ (о назначеніи цер-
ковнаго богатства) поставленъ въ самомъ концѣ.

СИМЛОНЕ, ОУМЫКАШЕ, ЗАСТАВАНЕ
ПРОМЕЖИ МУЖЕМЪ И ЖЕМОЮ О
ЖИВОТЪ ИХЪ, В ПЛЕМЕНИ, АИ В
СВАТЪСТВЪ ПОНМУТЪСА, ВЪДЪСТВО,
ЗЪЛЪИ, ОУРЪКАМЪИ ТРИ, БЛАДНОЮ
ЗЕЛЪИ, ЕРЕТНУСТВО, ЗУБОЖА,
ОЦА И МАТЕРЬ БЪЕТЬ СЫНЪ, АИ
ДУИ, БРАТЪА ИЛИ ДЪТИ ТАЗЮТЪСА
О ЗАДНИЦЪ, ЦЕРКОВНАК ТАТЕА,
МЕРТВЕЦИ СКОЛОУАТЬ, ГРОБЫ КРА-
ДУТЬ, КРЕСТЬ ПОСЪКУТЬ, АИ НА
СТЪНАХЪ РЪЖЮТЬ, ВЪ ЦЕРКЕН
СКОТЬ, АИ ПСЫ, АИ ПОТКЫ БЕЗ
ВЕЛНКИ НУЖИ ВВЕДЕТЬ, АИ УТО
НЕПОДОКНО ЦЕРКЕН СЪАЕТЬ. ТО
ВСЕ ЦЕРКОВНЫИ СУДЫ: КНЯЗЮ И
БОЖРОМЪ И СУДЪАМЪ НЕ ПРО-
ЩЕНО ИМЪ О ЗАКОНА БОЖЬА ВСТУ-
ПАТИСА В ТЪ СУДЫ] ¹⁾.

Ясно, что Владимірскій епископъ именно только „напо-
миналь“ своему князю о церковныхъ людяхъ, когда-то на-
полнявшихъ „домы церковные“, и о церковныхъ судахъ,
когда-то составлявшихъ для епископіи обильный источникъ
обогащенія, но не исчислялъ тѣхъ и другихъ *вполнѣ* по
своему источнику, какъ общезвѣстному. Всего яснѣе от-
крывается это изъ подведенія авторомъ посланія (для крат-

будеть рѣчь о животѣ, вѣ-
довство, зелье, уреканье
бляднею и зельи, еретичство,
зубоѣжа, иже отца и матерь
бьетъ сынъ или дчи, братья
или дѣти тяжутся о задници,
церковная татба.

То все суды церковныя,
даны закономъ Божиимъ и
прежними цари и великими
нашими князи: князю и боля-
ромъ и судьямъ въ тѣ судыне
лзѣ вступатиса, не прощено
имъ отъ закона Божия ²⁾.

¹⁾ Начало это статьи до словъ, поставленныхъ въ прямоугольныя скобки, взято изъ известнаго пергаминаго Мѣрила Праведнаго Троицкой Лавры (№ 15, л. 331 об.), а продолженіе — изъ бумажнаго Мѣрила Праведнаго Московской синод. библіотеки XV вѣка (№ 525, л. 349 об.). Нужно замѣ-
тить, что въ позднѣйшихъ редакціяхъ, напечатанныхъ у Калачова въ из-
слѣдованіи о Кормчей (стр. 122—123), въ Прав. Собесѣдникѣ за 1861 г.
(ч. II, стр. 437—442) и въ приложеніяхъ къ первой Новгородской лѣто-
писи (изд. 1888 г., стр. 446—451), статья „о церковныхъ людѣхъ“ и пр.
является уже со вставкою сказанія о крещеніи Владикіра и объ „уставѣ“,
данномъ имъ соборной церкви.

²⁾ По списку XIV вѣка посланіе Владимірскаго епископа издано нами
въ VI томѣ Русс. Истор. Библіотеки стр. 117—118, откуда приведено и
здѣсь.

кости) подъ одну общую рубрику „судовъ церковныхъ“ не только предметовъ церковнаго суда „во всѣхъ крестьянскихъ людѣхъ“, т. е. суда *общаго*, но и лицъ, подлежавшихъ *особенному* суду церкви, т. е. подчиненныхъ епископской власти во всѣхъ своихъ жизненныхъ отношеніяхъ. Нужно еще замѣтить, что въ источникѣ, которымъ пользовался Владимірскій епископъ, находится одна мелкая, но дорогая для насъ черта, которая даетъ возможность съ приблизительною точностію опредѣлить эпоху происхожденія этого источника въ томъ видѣ, въ какомъ онъ извѣстенъ по старшимъ своимъ спискамъ. Мы разумѣемъ ссылку на 59-е апостольское правило, приведенную въ доказательство того, что „церковное богатство есть нищихъ богатство“. Слова эти читаются *не* въ самомъ указанномъ правилѣ, а въ *толкованіи* на него (Аристина), которое, вмѣстѣ съ толкованіями на всѣ другія церковныя правила, содержащіяся въ Кормчей, сдѣлалось извѣстнымъ у насъ не въ концѣ XIII вѣка, когда Владимірскій епископъ писалъ свое посланіе, а за нѣсколько десятилѣтій прежде, именно—въ 1262 году, когда русскій митрополитъ Кирилль II получилъ изъ Болгаріи списокъ славянской Кормчей съ толкованіями ¹⁾. Впрочемъ, могло быть и такъ, что Владимірскій епископъ пользовался другою, болѣе древнею редакціею статьи „о церковныхъ людяхъ и о судѣхъ“ и пр., въ которой еще не было ссылки на 59-е апостольское правило, какъ нѣтъ ея и въ епископскомъ посланіи ²⁾.

О существованіи Владимірова устава въ XIII вѣкѣ русская историческая наука знала не только по сокращенному изложенію его въ посланіи Владимірскаго епископа, но и по дошедшимъ до насъ полнымъ спискамъ этого устава, которые до проф. Суворова всѣми учеными относились къ послѣдней четверти XIII столѣтія. Въ виду этихъ списковъ даже тѣ русскіе историки, которые отрицали подлинность Владимірова устава (Барамзинъ и проф. Голубинскій), не

¹⁾ См. Первоначальный славяно-русскій намокановъ, стр. 66, прим 100.

²⁾ Этой ссылки нѣтъ, напримѣръ, въ волынской редакціи Владимірова устава, о которой будетъ рѣчь дальше.

рѣшались отодвигать эпоху его происхожденія далѣе сейчасъ указаннаго хронологическаго предѣла. Самый старшій списокъ, какъ извѣстно, находится въ Новгородско-софійской Кормчей, писанной около 1280 года ¹⁾. Объ этомъ списокѣ издатели „Русскихъ Достопамятностей“ въ свое время замѣтили, что онъ писанъ другою, „нѣсколько позднѣйшею“ рукою, чѣмъ вся рукопись ²⁾. А проф. Суворовъ, „при личномъ ознакомленіи съ этою Кормчею“, нашелъ еще новыя признаки позднѣйшаго прибавленія къ ней не только устава Владиміра, но даже, пожалуй, и Русской Правды, именно: между Русскою Правдою и предыдущею статьей—съ одной стороны, и между Русскою Правдою и слѣдующимъ за ней церковнымъ уставомъ Владиміра—съ другой, оставлены пробѣлы, чего-де „раньше во всемъ рукописномъ сборникѣ не замѣчается (курсивъ нашъ). Итакъ, заключаетъ отсюда авторъ, и въ отношеніи къ древнѣйшему списку устава Владиміра, отнюдь не несомнѣннымъ, а напротивъ сомнительнымъ представляется возникновеніе его въ XIII вѣкѣ, а слѣдовательно нельзя доказать, чтобы уставъ Владиміра существовалъ и дѣйствовалъ раньше XIV столѣтія“ (стр. 186), т. е.—нужно было бы прибавить для точности—раньше временъ митрополита Кипріяна, вѣроятнаго сочинителя этого устава (1376—1406). Мы не разъ имѣли въ рукахъ Кормчую, о которой теперь идетъ рѣчь, и никакъ не можемъ признать приведенныя палеографическія показанія о ней проф. Суворова достаточнымъ основаніемъ для того вывода, къ какому пришелъ онъ съ обычною своею смѣлостію. Не полагаясь на свои личныя свѣдѣнія въ русской палеографіи, мы будемъ въ настоящемъ случаѣ придерживаться сужденія лицъ, болѣе насъ компетентныхъ въ рѣшеніи вопросовъ этого рода. Такъ, напримѣръ, если Калайдовичъ, отецъ научной русской палеографіи, которому собственно и принадлежитъ изданіе Владимірова устава въ Русскихъ Достопамятностяхъ по списку Новгородско-софійской Кормчей XIII

¹⁾ Въ настоящее время эта Кормчая находится въ числѣ рукописей Москов. синод. бібліотеки подъ № 132.

²⁾ См. этого изданія ч. I, стр. 21; ср. стр. 82.

вѣка, отозвался объ этомъ спискѣ, что онъ писанъ *нѣсколько* позднѣе, чѣмъ вся рукопись: то этотъ отзвѣвъ никакъ нельзя понимать въ смыслѣ: „позднѣе почти на *цѣлое столѣтіе*“; ибо въ такомъ случаѣ одно письмо настолько бы отличалось отъ другого и рисункомъ буквъ и цвѣтомъ чернилъ, что этого не могъ бы не замѣтить названный ученый издатель устава. Въ особенности нельзя допустить, чтобы на это различіе (если бы оно дѣйствительно существовало) не обратилъ никакого вниманія покойный академикъ И. И. Срезневскій, отъ котораго мы имѣемъ подробное *палеографическое* описаніе занимающей насъ Новгородской Кормчей, съ образцами буквъ изъ разныхъ частей ея, писанныхъ, правда, тремя разными, но не настолько разновременными руками, какъ хочется думать профессору Суворову ¹⁾. Съ своей стороны замѣтимъ, что указанные нашимъ авторомъ пробѣлы, отдѣляющіе церковный уставъ Владиміра отъ стоящей передъ нимъ Русской Правды, а эту послѣднюю—отъ предыдущей статьи („Рѣчь жидовскаго языка, предложена на русскую“), нѣсколько не доказываютъ, чтобы эти два памятника (Русская Правда и уставъ Владиміра) внесены были въ Новгородскую Кормчую, спустя почти цѣлое столѣтіе послѣ ея написанія. Съ этимъ нельзя было бы безусловно согласиться даже и въ томъ случаѣ, если бы, какъ увѣряетъ проф. Суворовъ, въ рукописи дѣйствительно „раньше не встрѣчалось такихъ пробѣловъ“. Но на самомъ дѣлѣ мы видимъ не то: пробѣлы находятся и въ другихъ мѣстахъ рукописи. Укажемъ на одинъ изъ нихъ, замѣчательный какъ по своему размѣру (въ половину столбца), такъ и по вѣроятной причинѣ, по которой онъ оставленъ. Находится онъ на л. 575, послѣ статьи: „Никифора патріарха Царяграда лѣтописецъ вскорѣ“ (начало на л. 567 об.). Писецъ оставилъ тутъ пустое мѣсто, конечно, въ виду возможности позднѣйшихъ дополненій къ лѣтописцу—*русскому* по своимъ послѣднимъ извѣстіямъ. Совершенно по такой же причинѣ

¹⁾ Срезневскій, Славяно-русская палеографія XI—XIV в. Спб. 1885, стр. 203—209.

могли быть оставлены и тѣ пробѣлы, которые такъ соблазнили проф. Суворова. Стоящая передъ Русскою Правдою статья: „Рѣчь жидовскаго языка, предложена на русскую“, безъ всякаго сомнѣнія, допускала возможность различныхъ прибавокъ, съ какими она, дѣйствительно, и является въ нѣкоторыхъ позднѣйшихъ спискахъ ¹⁾. О Русской Правдѣ и говорить нечего: ибо кому неизвѣстны многочисленныя и разнообразныя изводы ея, образовавшіеся въ продолженіе XI—XIII столѣтій? Скорѣе было бы удивительно, если бы Новгородскій писецъ послѣдней четверти XIII вѣка не оставилъ въ концѣ своего списка Правды никакого пробѣла для позднѣйшихъ дополненій. Слѣдующій за этимъ пробѣломъ церковный уставъ Владиміра несомнѣнно писанъ *тѣмъ же самымъ* писцомъ: въ этомъ убѣждаетъ насъ одинаковый характеръ письменъ и одинаковый цвѣтъ чернилъ, которыми написанъ тотъ и другой памятникъ. Но пусть будетъ такъ, какъ угодно проф. Суворову: пусть старшій списокъ Владимірова устава, по суду присяжныхъ палеографовъ, отойдетъ съ конца XIII на конецъ XIV вѣка. Что же отсюда слѣдовало бы для окончательнаго рѣшенія вопроса о *времени происхожденія самаго устава*? Древнѣйшій изводъ Русской Правды—Правды Ярослава и его сыновей сохранился до насъ въ спискѣ довольно позднемъ—XV вѣка (извѣстный академическій); но отсюда, вѣроятно, и самъ проф. Суворовъ не рѣшится вывести заключенія: „слѣдовательно, нельзя доказать, чтобы изводъ Правды, представляемый этимъ спискомъ, *существовалъ и дѣйствовалъ* раньше XV вѣка“.

Есть и еще одинъ списокъ Владимірова устава, принадлежащій если не самъ по себѣ, то по своему оригиналу, послѣдней четверти XIII вѣка. Это—списокъ, находящійся въ двухъ Кормчихъ XVI столѣтія, въ которыхъ сохранилось послѣсловіе ихъ общаго оригинала, написаннаго въ 1286 году

¹⁾ Востоковъ въ описаніи Румянцевской Кормчей № 221 (XV—XVI в.) замѣтилъ объ этой статьѣ, что она сравнительно съ печатнымъ изданіемъ ея по списку Новгородской Кормчей 1282 г. оказывается въ описываемой рукописи „*едвое помѣте* и содержитъ въ себѣ лишнихъ 140 словъ“.

для волынского князя Владиміра Васильковича ¹⁾. Приведемъ это любопытное послѣсловіе вполнѣ: „В лето $\chi\bar{\sigma}\bar{\nu}\bar{\delta}$ списанъ бысть сѣн Монаканонъ бѣгомънѣмъ княземъ Владиміромъ, сѣомъ Каснѣковымъ, визкомъ Романовымъ, ѿ бѣгомънѣвою княгиніею ѣго Олгою Романовною. Аминь, рекше конецъ. Бѣу нашему слава въ вѣки, аминь. Пишущи(мъ) же намъ сѣдъ книги, поѣха гнѣ нашъ къ Ногобѣн, а спожа наша ѡстала къ Владиміру, занеже вѣше немощь ю оугомнѣла люта зѣло. Того ради немощно бысть ѣн проводить ѣго“ ²⁾. Въ обѣихъ Кормчихъ имѣется по два списка Владимірова устава одной и той же редакціи, которая въ *существенныхъ* частяхъ своего содержанія весьма близко подходитъ къ извѣстной уже намъ статьѣ „о церковныхъ людѣхъ, и о судѣхъ, и о десятинахъ, и о мѣрахъ городскихъ“ и къ посланію Владимірскаго епископа ³⁾. Одинъ списокъ помѣщенъ въ самомъ концѣ Кормчихъ, вслѣдъ за сейчасъ приведеннымъ послѣсловіемъ ихъ оригинала 1286 г., другой—почти въ серединѣ, послѣ правилъ седьмаго вселенскаго собора. Стремясь къ своей цѣли, т. е. къ концу XIV вѣка, какъ эпохѣ происхожденія Владимірова устава, проф. Суворовъ, конечно, долженъ былъ устранить съ своего пути оба эти списка. Съ тѣмъ изъ нихъ, который помѣщенъ въ концѣ копій съ волынской Кормчей, нашъ авторъ управился очень легко, съ помощію простаго замѣчанія, что „въ XVI столѣтіи переписчикъ, списавъ всю Кормчую XIII вѣка, воспроизвелъ вмѣстѣ съ тѣмъ, съ полною точностію, приписку (послѣ-

¹⁾ До сихъ поръ извѣстна была только одна такая Кормчая—Румянцовская, описанная Востоковымъ подъ № 235. Но есть и другая, писанная нѣсколько прежде, болѣе полная и исправная. Это—Кормчая Погодинскаго Древлехранилища Имп. Пуб. Библіотеки № 234. Въ послѣдней имѣется, между прочимъ, оглавленіе волынскаго оригинала 1286 года съ слѣдующимъ надписаніемъ: „Книги глѣемыя грецескимъ языкомъ Монаканонъ ѡ бѣхъ поучиваеъ благоустынкымъ княземъ Владиміромъ сѣомъ Каснѣковымъ“ (л. 7).

²⁾ Мы привели это послѣсловіе по Погодинскому списку.

³⁾ По Румянцовской Кормчей уставъ Владиміра этой редакціи изданъ преосв. Макаріемъ въ 237-мъ примѣч. къ I-му тому Ист. русс. церкви, стр. 268 (изд. I).

словіе) первоначальнаго писца, а въ заключеніе *самъ уже отъ себя* прибавилъ церковный уставъ Владиміра“ (стр. 182). Но другой списокъ уже самымъ положеніемъ своимъ въ книгѣ, видимо, поставилъ почтеннаго профессора въ большое затрудненіе. Нужно было доказать, что и онъ вставленъ въ Кормчую князя Владиміра Васильковича позднѣйшими переписчиками ея. Но какъ доказать это? Авторъ прежде всего настаиваетъ на томъ, что „трудно доказать“ и противное, т. е. принадлежность устава св. Владиміра къ составу волынской Кормчей 1286 года. Онъ находитъ, что „цвѣты краснорѣчія, разсыпанные щедрою рукою въ предисловіи къ уставу, указаніе на митрополита, почтеннаго лампадой и сакомъ (саккосомъ), „яко втораго патріарха“,... суть признаки не XIII-го столѣтія, а болѣе поздняго времени“, такъ какъ „XIII-е столѣтіе вообще не благопріятствовало развитію въ русской духовной іерархіи горделивыхъ претензій и вождельній насчетъ приравненія русскаго митрополита къ патріарху“ (стр. 183). Если только эти соображенія не дозволяютъ признать ниодина изъ списковъ Владимірова устава, находящихся въ указанныхъ двухъ Кормчихъ, за копію съ оригинала XIII вѣка: то нѣтъ ничего легчаго, какъ доказать противное, т. е. полное соответствіе такой литературной редакціи устава съ обстоятельствами мѣста и времени, при которыхъ написана была волынская Кормчая 1286 года. Въ самомъ дѣлѣ во всей древней исторіи русской церкви до половины XV вѣка (до паденія византійской имперіи) трудно указать другую эпоху, которая бы такъ благопріятствовала возникновенію въ русской духовной іерархіи стремленій, выраженныхъ въ волынской редакціи Владимірова устава, какъ именно XIII-е столѣтіе. Константинополь въ это время находился во власти крестоносцевъ; императоръ и патріархъ, изгнанные изъ столицы, имѣли резиденцію въ Никейѣ. Это стѣсненное положеніе естественно располагало обоихъ верховныхъ владыкъ православнаго востока къ уступчивости по отношенію къ славянскимъ перквамъ, подчиненнымъ Царю-граду, которыя уже не разъ пытались сдѣлаться самостоятельными (автокефальными). Дѣйствительно, въ первой половинѣ XIII вѣка двѣ юго-

славянскія церкви—болгарская и сербская, благодаря именно сейчас указаннымъ обстоятельствамъ, успѣли достигнуть полной независимости отъ Константинопольскаго патріаршаго престола ¹⁾. Стремленіе къ той же цѣли довольно явственно обнаруживается теперь и у насъ на Руси. Послѣ монгольскаго погрома, когда при взятіи и разореніи Кіева Батыемъ безъ вѣсти погибъ митрополитъ Іосифъ, никто изъ грековъ не являлся къ намъ на вакантную и уже вовсе непривлекательную митрополию. Съ этого времени, говоря словами преосвящ. Макарія, „начала заниматься заря новаго порядка вещей для церкви русской. Вслѣдствіе ли тяжкихъ бѣдствій, постигшихъ Россію и препятствовавшихъ сношенію ея съ патріархомъ, или по другимъ причинамъ, русскіе сами избрали для управленія осиротѣлою церковію одного изъ своихъ соотечественниковъ—Кирилла... То былъ первый, хотя едва замѣтный, шагъ къ ослабленію зависимости нашей церкви отъ Византійской каѳедры“ ²⁾. Избраніе Кирилла было собственно дѣломъ галицкаго князя Данила, во власти котораго находился тогда разоренный Кіевъ, но еще прежде этого избранія (до 1243 года) Угровскій епископъ Іоасафъ пытался было самовольно занять каѳедру митрополіи ³⁾. Итакъ около половины XIII в. въ средѣ южно-русской, именно галицкой и волынской, духовной іерархіи легко могли найтись литературные дѣятели съ возрѣніями на русскаго митрополита, „яко втораго патріарха“, какъ находились въ той же средѣ лица, считавшія возможнымъ получить митрополичью каѳедру безъ патріаршаго избранія и поставленія. Будь Даниилъ галицкій единодержавнымъ княземъ всей Руси, хотя бы и подъ верховнымъ владычествомъ монголовъ,—избранникъ его Кириллъ могъ бы сдѣлаться всероссійскимъ митрополитомъ и безъ поѣздки въ Никеею за полученіемъ хиротоніи и каѳедры отъ патріарха. Монгольское иго, само по себѣ, даже прямо

¹⁾ Голубинскій, Краткій очеркъ исторіи православныхъ церквей болгарской, сербской и румынской, стр. 80—81 и 452.

²⁾ Исторія русс. церкви, т. IV, стр. 2.

³⁾ Тамъ же, стр. 7—8.

благопріятствовало ослабленію зависимости нашей церкви отъ Константинопольскаго патріарха, и только благодаря безконечнымъ уособицамъ между русскими удѣльными князьями, эта зависимость продолжилась еще почти на цѣлыя два столѣтія. Съ указанной тенденціей волинской редакціи устава св. Владиміра—поставить русскаго митрополита вровень съ патріархами—вполнѣ согласно и то положеніе, какое занимаетъ этотъ уставъ въ копіяхъ съ тамошней Кормчей 1286 года. Какъ альфа и омега особеннаго русскаго церковнаго права, онъ помѣщенъ здѣсь вслѣдъ за правилами послѣдняго (седьмаго) вселенскаго собора и затѣмъ повторенъ въ самомъ концѣ книги съ припискою 3-го правила Константинопольскаго собора въ храмѣ св. Софіи (879 г.), которое подвергаетъ анаемѣ всѣхъ, кто дерзнетъ бить епископа или, подъ какимъ нибудь предлогомъ, заключить его въ темницу. На эту приписку обратилъ вниманіе и проф. Суворовъ, но только для того, чтобы еще разъ подкрѣпить свою догадку о митрополитѣ Кипріанѣ, какъ вѣроятномъ авторѣ Владимірова устава. „Достойно замѣчанія, пишетъ онъ въ настоящемъ случаѣ, что митрополитъ Кипріанъ въ посланіи къ преподобному Сергію Радонежскому 1378 года, жалуясь, что князь великій Дмитрій Ивановичъ „безъ вины его обезчестилъ, пограбилъ, зепрѣвъ держалъ голодна и нага“, сдѣлалъ ссылку на тоже самое соборное правило, какое приписано къ уставу св. Владиміра въ концѣ волинской Кормчей“ (стр. 184—185). Но не говоря уже о томъ, что случаи безчестія, какое митрополитъ Кипріанъ потерпѣлъ отъ вел. кн. Дмитрія Ивановича, могли быть и съ іерархами XIII вѣка, — и навѣрное такому безчестію подвергся отъ галицкаго князя Данила выше упомянутый Угровскій епископъ Іоасафъ, „иже скочи на столъ митрополичь и за то (безъ каноническаго суда) сверженъ бысть и своего (епископскаго) стола, — укажемъ на одно обстоятельство, исключющее всякую возможность связывать посланіе Кипріана съ волинскою Кормчей: митрополитъ приводитъ 3-е правило Константинопольскаго собора 879 года не въ томъ переводѣ, въ какомъ оно читается въ концѣ волинской Кормчей, вслѣдъ за вторымъ

спискомъ Владимірова устава, а въ другомъ, совершенно особенномъ ¹⁾).

Таковы доводы, которыми проф. Суворовъ пытается увѣрить своихъ читателей, что памятникъ извѣстный подъ именемъ церковнаго устава св. Владиміра и старшіе списки его вовсе не такъ древни, какъ обыкновенно думаютъ не только защитники, но и противники подлинности этого устава. Мы знаемъ уже, къ какой цѣли направлены были всѣ разсмотрѣнные доводы автора: ему нужно было уяснить историческую возможность проникновенія въ старшій русскій церковный уставъ элементовъ западнаго, католическаго церковнаго права, наличность которыхъ представляется почтенному профессору выше всякаго сомнѣнія. Онъ находитъ ихъ прежде всего во всѣхъ тѣхъ постановленіяхъ Владимірова устава, которые оказываются сходными съ законодательствомъ Моисея и Закономъ суднымъ (стр. 205—208). Намъ нѣтъ теперь нужды останавливаться на этихъ указаніяхъ автора, такъ какъ мы видѣли уже, что ни Моисеево законодательство, ни болгарскій Законъ судный ни въ какомъ отношеніи не могутъ быть признаны проводниками въ древне-славянское и русское церковное право западнаго церковнаго вліянія. Но авторъ находитъ, что католическій западъ вліялъ на установленіе древне-русскихъ церковныхъ порядковъ, засвидѣтельствованныхъ уставомъ св. Владиміра, не только чрезъ посредство двухъ названныхъ источниковъ церковнаго права, перешедшихъ къ намъ изъ Болгаріи, но и непосредственно—путемъ прямаго заимствованія у сосѣднихъ католическихъ народовъ. Такія заимствованія указы-

1) Въ доказательство приводимъ оба перевода параллельно:

Переводъ въ посланіи Кипріяна.

Аще кто отъ мірскихъ, огосподився и преобидивъ убо божественныхъ и царскихъ повелѣній, преобидивъ же и страшныхъ церковныхъ обычаевъ и законоположеній, дерзнетъ святителя кого бити или запрѣти, или виною, или замысливъ вину: таковый да будетъ проклятъ (Русс. Ист. Библиот. т. VI, стр. 184).

Переводъ волынской Кормчей.

Аще кто мирскихъ властель, преобидѣвъ божественнаа церковнаа повелѣнія и посмеався церковнымъ уставомъ, дерзнетъ епископа бити, или пона, или діакона, или во темницу всадити, или сплететь нѣкаку вину, да буди проклятъ (*Востоковъ*, Описание рукописей Румянцовскаго Музеума, стр. 312).

ваетъ проф. Суворовъ въ слѣдующихъ постановленіяхъ Владимірова устава:

1. О церковной десятинѣ. „Корней этой десятины, говоритъ онъ, нужно искать въ той десятинѣ, которая признавалась за богоучрежденный институтъ европейскими варварами, обратившимися съ христіанство“ (стр 193). Нельзя не сознаться, что въ настоящемъ случаѣ проф. Суворовъ повторяетъ мнѣніе, которое высказывалось въ нашей исторической литературѣ такими авторитетными учеными, какъ митрополитъ Евгеній, преосв. Филаретъ Черниговскій, Неволитъ и въ недавнее время профессоръ и академикъ В. Г. Васильевскій: первые трое находили образецъ русской церковной десятины въ Польшѣ, послѣдній — въ Скандинавіи ¹⁾. Однако не всѣ историки русской церкви держатся такого взгляда. Преосвящ. Макарій и проф. Е. Е. Голубинскій, имѣя въ виду то существенное отличіе русской церковной десятины отъ западно-европейской, что первая назначена была только съ княжескихъ имѣній и доходовъ, а послѣдняя взималась со всѣхъ мірянъ-собственниковъ, находили возможнымъ объяснять происхожденіе церковной десятины, установленной св. Владиміромъ, и безъ обращенія къ западу ²⁾. Мы съ своей стороны, шесть лѣтъ тому назадъ, высказали догадку, что наша церковная десятина могла произойти отъ мѣстной *государственной* десятины, установленной, быть можетъ, еще въ эпоху призванія первыхъ русскихъ князей „изъ за моря“. На такую догадку мы наведены были: 1) древне-славянскимъ (по нашему мнѣнію, русскимъ) переводомъ византійскаго „земледѣльческаго закона (*νόμος γεωργικός*), гдѣ слово *десятина* несомнѣнно употреблено въ смыслѣ *государственной* земельной подати, названной въ греческомъ подлинникѣ довольно загадочнымъ именемъ *ἐξτραόρδινα* или, по нѣкоторымъ спискамъ, *ἐξόρδινα*. Чтобы уяснить себѣ смыслъ такого сла-

¹⁾ *Евгеній*, Описаніе Кіево-соф. собора, прибавленіе № 1, стр. 1—4; *Филаретъ*, Исторія русс. церкви, изд. 4. Черниговъ. 1852, стр. 118, прим. 318; *Неволитъ*, Сочиненія т. VI, стр. 226—287, прим. 101; *В. Г. Васильевскій*, Жур. Мин. Нар. Просв. 1886, февр. стр. 346—348.

²⁾ *Макарій*, Ист. русс. цер. т. I, изд. I, стр. 145; *Е. Е. Голубинскій*, Ист. русс. цер. т. I, полов. I, стр. 421.

вѣпскаго перевода, мы сдѣлали небольшой экскурсъ въ область византійскаго и юго-славянскаго права, и нашли, что въ томъ и другомъ десятина была: а) таможенною пошлиною, которая выплачивалась всѣми, кто торговалъ привознымъ (иногороднимъ или иноземнымъ) товаромъ; б) одною изъ поземельныхъ податей, которая взималась натурою съ собраннаго съ земли жита, съ домашнихъ животныхъ (овецъ и свиней), съ вина и меда (пчель). 2) Прямое, хотя и неясное, указаніе на русскую государственную десятину мы находили еще въ одной статьѣ старшаго извода Русской Правды, въ которой говорится о десятинѣ, какъ судебной пошлинѣ, взимаемой съ виновныхъ въ кражѣ овцы, козы и свиньи (Акад. 41)—тѣхъ самыхъ домашнихъ животныхъ, которыя обложены были десятиннымъ сборомъ и у южныхъ славянъ и въ Византіи. „Если это—замѣчали мы о десятинѣ Русской Правды—не *χοιροδεκτία* византійцевъ и не „десятькъ свиныйскій и овчій“ болгаръ и сербовъ, то и не наша церковная десятина „отъ всего княжа суда“, ибо о десятинѣ въ этомъ послѣднемъ смыслѣ нужно было бы говорить и во всѣхъ другихъ статьяхъ Правды, гдѣ только опредѣляется размѣръ уголовного штрафа или судебного взысканія съ виновнаго въ томъ или другомъ преступленіи ¹⁾). На первый нашъ доводъ проф. Суворовъ возражаетъ, что „въ византійской системѣ права десятина, какъ финансовое учрежденіе государства, выступаетъ лишь въ самыхъ неясныхъ очертаніяхъ, въ видѣ чего-то случайнаго и отрывочнаго, а въ Болгаріи и Сербіи, хотя десятина и была-де типическою формою всѣхъ государственныхъ налоговъ (какъ мы думаемъ), но сказать, что она была тамъ національнымъ учрежденіемъ, можно было бы только, доказавъ предварительно, что десятина существовала у славянъ до принятія ими христіанства, что едва ли возможно“ (стр. 193—194). Если бы почтенный профессоръ, прежде чѣмъ написать эти слова, потрудился заглянуть въ тѣ византійскіе и юго-славянскіе источники, на которые мы ссылались и которыми еще прежде насъ пользовались другіе ученые (Васильевскій и Успенскій), то убѣдился бы, что въ Византіи государственная де-

¹⁾ См. наши „Книги законныя“ стр. 22—23.

сятина имѣла весьма ясное и опредѣленное очертаніе (то самое, въ какомъ мы ее представили) и что болгары и сербы знали только государственную десятину, а церковная десятинна являлась у нихъ въ видѣ пожалованія тому или другому церковному установленію (церкви, монастырю и т. п.) именно этой государственной десятины, или въ видѣ льготы, состоявшей въ освобожденіи церковныхъ и монастырскихъ земель отъ государственнаго десятиннаго сбора¹⁾. Значить, государственная десятинна въ Болгаріи и Сербіи предшествовала церковной, была образцомъ или, лучше сказать, источникомъ для этой послѣдней. Второй нашъ доводъ, взятый изъ Русской Правды, проф. Суворовъ оставилъ безъ всякаго вниманія—видимо потому, что не находилъ тутъ ничего серьезнаго. Не такъ взглянулъ на дѣло нашъ почтенный сослуживецъ профессоръ исторіи русскаго права П. Н. Мрочекъ-Дроздовскій. Въ послѣднемъ выпускѣ своихъ весьма содержательныхъ изслѣдованій о Русской Правдѣ онъ помѣстилъ особое приложение о десятинѣ, упоминаемой въ указанной нами статьѣ этого памятника²⁾. Признавая нашъ вышеизложенный аргументъ „вполнѣ основательнымъ“, уважаемый авторъ пытается однакожь отстоять общепринятое мнѣніе о тождествѣ десятины Русской Правды съ церковною десятиною „отъ всего княжа суда“, и на поставленный нами вопросъ: почему объ этой десятинѣ не упомянуто во всѣхъ остальныхъ статьяхъ Правды, гдѣ только опредѣляется размѣръ уголовного денежнаго взысканія съ виновныхъ въ томъ или другомъ преступленіи, отвѣчаетъ такими соображеніями: 1) „порядокъ въ послѣдованіи статей краткой Правды, какъ *свода*, состоитъ, между прочимъ, въ томъ, что статьи правоваго содержанія отдѣляются отъ постановленій, опредѣляющихъ различные доходы

1) Намъ извѣстенъ только одинъ примѣръ пожалованія сербскимъ государемъ (Стефаномъ Душаномъ) монастырю десятины не обще-государственной, а особенной—отъ царскаго скота. Но это былъ и монастырь особенный—Хиландарь, фамильная святыня сербскихъ государей на Аеонѣ (Флоринскій, Памятники законодательной дѣятельности Душана, стр. 44).

2) Изслѣдованія о Русской Правдѣ. Приложенія ко второму выпуску, стр. 32—39.

судей и других чиновниковъ. Эти послѣднія постановленія въ краткой Правдѣ начинаются съ 41-й (т. е. собственно со второй половины 40-й) статьи. Здѣсь въ числѣ сборовъ, *доходовъ*, упомянута и *продажа* за похищеніе овцы, козы, свиньи; такое упоминаніе продажи въ статьѣ о доходахъ, по моему, указываетъ на то, что продажа здѣсь рассматривается не какъ пеня, наказаніе, а какъ доходъ князя-судьи; съ нея же, какъ съ дохода, опредѣлена и десятина“. — 2) „Размѣръ этой десятины легко приложить и къ другимъ продажамъ краткой Правды: счетъ простой, не возбуждающій никакого сомнѣнія, а потому и не требующій особыхъ постановленій для каждаго даннаго случая: нѣтъ нужды въ законѣ, нѣтъ и закона“ (стр. 33—34). На первый аргументъ почтеннаго профессора замѣтимъ, что всѣ вообще денежные пени Русской Правды (виры и продажи) были не только уголовными наказаніями преступниковъ, но вмѣстѣ и доходами князя. Почему же въ Правдѣ опредѣляется десятина только съ пени, назначенной за кражу домашнихъ животныхъ? Ясно, что въ изложенномъ соображеніи автора вопросъ этотъ не только не разрѣшается, но и вовсе не затрогивается. Болѣе прямой, хотя и не совсѣмъ ясный отвѣтъ на него какъ будто дается во второмъ аргументѣ, который мы понимаемъ такъ: расчетъ десятины, сдѣланный въ 41-й статьѣ Правды, гдѣ говорится о кражѣ овецъ, козъ и свиней, легко приложить и къ другимъ денежнымъ пенямъ, опредѣленнымъ во всѣхъ предыдущихъ статьяхъ Правды: стоитъ только вычесть 10% изъ суммы каждой пени, какъ княжескаго дохода, и получится десятина, слѣдующая „отъ князя суда“ въ пользу церкви. Однакожъ на дѣлѣ оказывается не то, даже въ отношеніи къ той десятинѣ, размѣръ которой прямо опредѣленъ въ поцитованной статьѣ Правды. Въ этой статьѣ цифра десятины опредѣляется на двоякую сумму продажи: въ 3 гривны и въ 12 гривенъ. Въ первомъ случаѣ десятина несомнѣнно является не вычетомъ изъ продажи, а надбавкою къ ней десяти процентовъ: „въ десятину 15 кунъ, говоритъ Правда, а князю 3 гривны“ (гривна = 50 кунамъ). Если въ настоящемъ случаѣ князь, какъ судья, получаетъ свою продажу *полностью*, то съ кого берется и

куда идетъ дополнительная судебная пошлина, равняющаяся 10% съ суммы продажи и прямо названная десятиною? Зная, что церковная десятина „отъ княжа суда“ всегда была вычетомъ изъ княжескихъ судебныхъ доходовъ, мы и теперь не находимъ никакого другого отвѣта на этотъ вопросъ, кромѣ предположенія, что въ древней Руси, какъ и въ другихъ славянскихъ земляхъ, существовалъ особый государственный десятинный сборъ съ домашнихъ животныхъ, который, въ случаѣ кражи ихъ, взыскивался съ воровъ. Во второмъ случаѣ, при продажѣ въ 12 гривенъ, десятина хотя и оказывается вычетомъ изъ этой суммы, но такимъ, который превышаетъ 10%: „а отъ 12 гривну, говорить Правда,... въ десятину 2 гривнѣ (а не 60 кунъ, т. е. не 1 гривна и 10 кунъ, какъ бы слѣдовало по точному расчету), а князю 10 гривенъ“. Последнее обстоятельство—увеличеніе въ настоящемъ случаѣ, десятины до размѣра, превышающаго 10% съ номинальной суммы продажи—побуждаетъ профессора Мрочекъ-Дроздовскаго прибѣгнуть къ предположенію, что „благочестивые князья нерѣдко отдѣляли отъ своихъ судебныхъ доходовъ въ пользу церкви не десятую долю, а болѣе крупную часть, хотя и называли этотъ окладъ общепринятымъ терминомъ десятины“ (стр. 34). Такъ-де, по церковному уставу Смоленскаго князя Ростислава Мстиславича, судные княжескіе доходы были обложены не десятиннымъ, а *половиннымъ* платежемъ въ пользу мѣстной епископской кааедры: „што возметъ князь, сказано въ этомъ уставѣ, съ епископомъ наполю, или посадникъ что возметъ свои тяжи, то съ епископомъ наполю“ (стр. 33). Но эти слова не имѣютъ никакого отношенія къ десятинѣ, установленной Ростиславомъ для вновь учрежденной Смоленской епископіи. Они находятся въ той части Ростиславовой уставной грамоты, гдѣ идетъ рѣчь не о десятинѣ, а о „тяжахъ епископлихъ“ (о предметахъ епископскаго суда), при чемъ о четвертой тяжѣ — „уволочкой, ажъ уволочетъ кто дѣвку“, замѣчено: „што возметъ князь, съ епископомъ наполю“ и пр. Это значитъ, что дѣла объ „уволочкѣ“ или „умычкѣ“, и по учрежденіи въ Смоленскѣ епископіи, остались подсудными

князю и его посадникамъ, съ тою только переменною въ этой подсудности, что денежная пеня (продажа) съ похитителей дѣвиць должна была дѣлиться пополамъ между княземъ и епископомъ¹⁾). Обращаясь затѣмъ къ той (первой) части Ростиславовой грамоты, гдѣ содержатся постановленія о десятинахъ, мы находимъ здѣсь слѣдующія данныя, совершенно несомнѣвимыя съ догадкою проф. Мрочекъ-Дроздовскаго, будто бы установленный въ Смоленскѣ, подъ именемъ десятины, вычетъ изъ княжескихъ судебныхъ доходовъ въ пользу церкви на самомъ дѣлѣ равнялся не десятой долѣ, а половинѣ этихъ доходовъ: 1) десятина установлена Ростиславомъ только съ *даней* Смоленской земли, а не „отъ вирь и продажъ“²⁾; 2) эта десятина съ даней, какъ видно

¹⁾ Примѣръ такого дѣлежа судебныхъ пошлинъ между княземъ и епископомъ находимъ еще въ слѣдующей статьѣ Ярославова церковнаго устава: „Свадебное и сгородное, бой и убійство, аще что случится и душегубство, платять виру князю съ владыкою *наполы*“. Замѣчательно также, что въ нѣкоторыхъ спискахъ т. наз. Рядя и суда церковнаго, утановленнаго первыми князьями“ (это — позднѣйшая сокращенная редакція Владимірова устава) перечень епископскихъ судовъ оканчивается словами: „А съ епископомъ *наполы*: *пошибаніе* (преступленіе, почти тождественное съ умычкою), или дѣва дѣтя повержетъ“ (См. наши „Книги законныя“, стр 36, прим. 1). Что дѣла объ „умычкѣ“ отнесены въ Ростиславовой церковно-уставной грамотѣ къ „тяжамъ епископнымъ“ только потому, что епископъ получалъ право на половину княжескихъ продажъ отъ этихъ дѣлъ, видно изъ дальнѣйшаго перечня епископскихъ „тяжъ“, которыя, какъ исключительно-епископскія, перечисляются уже съ особыми замѣтками} о такомъ ихъ характерѣ „то епископу“, „тяжа епископа“. „а не будетъ зла ничею церкви“, и о которыхъ потомъ дано общее постановленіе: „Ажь будетъ или тяжа или продажа епископа, да ненадобѣ ни князю, ни посаднику, ни иному никому отъ мала и до велика по всей волости Смоленской“.

²⁾ Постановленія Ростиславовой грамоты о десятинахъ начинаются словами: „Се даю святѣй Богородици десятину отъ всѣхъ *даней* Смоленскихъ, что ся въ нихъ сходитъ истыхъ кунъ, *кромѣ* продажи, и *кромѣ* вирь, и *кромѣ* полюдья“. Правда, нѣкоторые понимаютъ это „кромѣ“ въ смыслѣ „сверхъ“ и пытаются оправдать такое пониманіе дальнѣйшими мѣстами грамоты, гдѣ наряду съ данями одинъ разъ упоминается *вира* („Дѣдичи и дань и *вира* 15 гривенъ“) и два раза — *помодье* („на Копысѣ *помодья* четири гривны“... въ Лучинѣ *помодья*... гривны“). Но уже то самое, что *вира* и *помодье* относятся въ грамотѣ Ростислава къ числу постоянныхъ и опредѣленныхъ налоговъ (даней) только въ видѣ рѣдкаго исключенія для отдѣльныхъ мѣстностей, доказываетъ, что десятина съ княжескихъ вирь и продажъ, а равно

изъ дальнѣйшаго распредѣленія ея между тогдашними составными частями Смоленскаго княжества, всегда есть *строга-арифметическая десятина*. Такимъ образомъ аргументъ почтеннаго профессора, заимствованный изъ церковно-уставной грамоты Ростислава, есть не болѣе, какъ *retitio principii*. Значить, и десятина Русской Правды, превышающая въ указанномъ случаѣ десятую долю княжеской продажи, требуетъ иного комментарія. Не дастъ ли сама Правда какого нибудь ключа къ разрѣшенію этой загадки? Если допустить, что въ данномъ случаѣ, т. е. при продажѣ въ 12 гривенъ, цифра эта имѣетъ только номинальное значеніе (а допустить это возможно уже потому, что Правда знаетъ только три неизмѣнныя цифры продажи: 12 гривенъ, 3 гривны и 60 рѣзанъ или кунъ): то уже извѣстная намъ арифметическая аномалія въ расчетѣ 41-й статьи старшаго извода Правды: „отъ 12 гривну... въ десятину 2 гривнѣ, а князю 10 гривенъ“ получить нѣкоторое объясненіе, непротивное нашей догадкѣ о томъ что и здѣсь рѣчь идетъ не о церковной, а о государственной десятинѣ. Продажа въ 12 гривенъ за кражу домашнихъ животныхъ назначается по Русской Правдѣ въ томъ, случаѣ, когда 10 воровъ украдутъ одну овцу (съ каждаго вора по 60 рѣзанъ или кунъ, значить, со всѣхъ— 600 кунъ, чтѣ и составитъ 12 гривенъ). Размѣръ княжеской продажи въ этомъ случаѣ убавляется на 2 гривны, которыя

и съ полюдья, не была общимъ установленіемъ для всей Смоленской земли. Включеніе виры и полюдья въ опредѣленный окладъ могло состояться только по особому условію князя съ отдѣльными общинами, которыя за условленную плату получали право самосуда въ дѣлахъ объ убійствѣ (т. е. право взыскапія виры съ виновныхъ) и свободу отъ вѣзда въ ихъ территорію сборщиковъ княжеской дани, взимавшихъ съ общинъ, на свое содержаніе, дополнительную плату, которая и называлась *полюдьемъ*. Вообще же сумма виры и продажъ, конечно, не могла быть каждый годъ постоянною. Точно также и размѣръ полюдья могъ быть неодинаковъ, смотря потому, самъ ли князь собиралъ свои дани, или посылалъ за сборомъ ихъ кого либо изъ своихъ служилыхъ людей. Словомъ: Ростиславъ устанавливалъ въ своемъ княжествѣ церковную десятину только съ постоянныхъ, овладныхъ княжескихъ доходовъ, куда виры, продажы и полюдье относились только въ рѣдкихъ исключительныхъ случаяхъ, почему и были исключены изъ числа *общихъ* источниковъ десятины.

отчисляются въ десятину. Но такъ какъ ариметическая десятина съ 12 гривенъ равняется не двумъ гривнамъ, а только 60 кунамъ, т. е. одной гривнѣ и десяти кунамъ: то $\frac{2}{5}$ двугривеннаго вычета изъ княжеской продажи, т. е. 40 кунъ (въ 2-хъ гривнахъ 100 кунъ), возвращаются самому же князю въ излишкѣ, отчисленномъ въ десятину, а $\frac{3}{5}$ (60 кунъ), вѣроятно, идутъ въ вознагражденіе „емцу“ (поймавшему) воровъ, которому въ настоящемъ случаѣ, при продажѣ въ 12 гривенъ, всѣ извѣстные списки старшей Правды (едва-ли, впрочемъ, согласно съ своимъ оригиналомъ) даютъ 70 кунъ.

То обстоятельство, что позднѣйшіе изводы Русской Правды уже не знаютъ десятины, о которой говоритъ старшая Правда, мы объясняли и объясняемъ себѣ такъ: „Государственная десятина, по всей вѣроятности, просуществовала у насъ не долго послѣ того, какъ по ея образцу учреждена была десятина церковная; уступивъ этой послѣдней свое названіе, она сама переименовалась и преобразилась въ другія подати, число которыхъ постоянно возрастало и характеръ измѣнялся сообразно съ новыми потребностями и внутреннимъ ростомъ государства“¹⁾. На это проф. Суворовъ не безъ ироніи замѣчаетъ: „Отъ *исконнаго* русскаго учрежденія (такъ называли мы десятину въ смыслѣ *первичной* государственной подати на Руси) можно было бы съ полнымъ правомъ ожидать большей живучести!“ (стр. 194). Однако-жъ для *государственнаго*, и въ особенности *финансоваго* института, получившаго у насъ начало, можетъ быть, вмѣстѣ съ самимъ государствомъ, просуществовать до временъ Ярослава и его сыновей (т. е. почти цѣлыхъ два столѣтія), значить, по нашему мнѣнію, доказать не *малую* живучесть! Такимъ образомъ, пока выставленная нами догадка о существованіи въ древней Руси государственной десятины не будетъ опровергнута болѣе основательными возраженіями, чѣмъ какія встрѣтила она до настоящаго времени, мы считаемъ себя въ правѣ утверждать, что русская церковная десятина взята

¹⁾ Книги законныя, стр. 24.

была не съ западнаго церковнаго образца, а съ своего— государственнаго.

2) Вліянію католическаго церковнаго права проф. Суворовъ приписываетъ еще включеніе уставомъ св. Владиміра въ кругъ лицъ церковнаго вѣдомства всѣхъ „людей богадѣльныхъ“, которые на западѣ назывались *personae miserabiles* и состояли подъ особымъ покровительствомъ церкви, а также—порученіе духовнымъ властямъ надзора за правильностію торговыхъ мѣръ и вѣсовъ. „*Несомнительность* западнаго вліянія въ этихъ двухъ пунктахъ вытекаетъ для автора изъ того соображенія, что если изъ двухъ образцовъ, которые могли вліять на русскую жизнь, одинъ (византійскій) оказывается не подходящимъ къ ней, а другой (западно-католическій) носитъ черты разительнаго сходства съ русскою жизнію: то вліянію этого послѣдняго, а не перваго, должно быть приписываемо образованіе тѣхъ или другихъ древне-русскихъ отношеній“ (стр. 204—205). Удивительно, какъ авторъ легко убѣждается въ „несомнительности“ своихъ соображеній и какъ смѣло рассчитываетъ при этомъ на довѣрчивость читателей! Чтобы судить о томъ, какой изъ двухъ возможныхъ образцовъ для постановленій древне-русскаго церковнаго устава о людяхъ церковныхъ и о правѣ духовной іерархіи наблюдать за торговыми мѣрами и вѣсами оказывается наиболѣе подходящимъ къ этимъ постановленіямъ—западный или византійскій, для этого нужно было бы, конечно, представить тотъ и другой образецъ въ одинаковой полнотѣ, безъ всякой утайки. Не то мы видимъ у проф. Суворова. Въ доказательство своего вышеизложеннаго соображенія онъ приводитъ массу выписокъ изъ разныхъ источниковъ западнаго церковнаго права, какъ „несомнительныхъ“ образцовъ для соответственныхъ постановленій устава св. Владиміра, но ничего не хо четъ знать о совершенно аналогическихъ фактахъ, представляемыхъ церковными законами и самою жизнію православнаго востока. А между тѣмъ, кому неизвѣстны эти безчисленныя ксенодохіи, птоходохіи, орфонотрофіи, врефотрофіи, носокоміи, геронтокоміи и другія подобныя благотворительныя учрежденія, которыя по византійскимъ церковнымъ и государственнымъ зако-

намъ всѣ находились въ вѣдѣніи духовной іерархіи: столичные подчинены были патріарху, а провинціальныя—мѣстнымъ епископамъ? ¹⁾). Неужели первые русскіе іерархи, родомъ греки, съ которыми такъ „часто снимался“ св. Владиміръ при устроении церковныхъ порядковъ на Руси, ни разу не указали ему на этотъ образецъ своей отечественной церкви? Не лишне замѣтить и то, что нѣкоторые изъ византійскихъ государственныхъ законовъ, отдающихъ всѣ богоугодныя и благотворительныя заведенія въ вѣдомство духовной іерархіи, находились уже въ первоначальномъ славяно-русскомъ номоканонѣ, такъ что въ настоящемъ случаѣ ссылка церковнаго устава на „греческій номоканонъ“ была бы возможна и въ подлинномъ законодательномъ актѣ св. Владиміра. Приведемъ по первоначальному славяно-русскому номоканону два такихъ закона: одинъ—изъ извѣстнаго собранія 87 главъ, извлеченныхъ Іоанномъ Схоластикомъ изъ разныхъ новеллъ Юстиніана, другой—изъ Эклоги императоровъ Льва Исаврянина и Константина Копронима. Первый въ пергаминахъ Кормчей Московской синодальной библіотеки XI—XII в. (№ 227) читается такъ:

„Аще кто оустроенине (κατασκευήν) устьнаго домоу. или притворныма цркви (ἐκκλησίαν). или гостинница (ξεῖνος). или нищинихъ прѣзвѣдница (πτωχείου). или сиротъ крмленна (ὄρφανοτροφείου). или недоужьныхъ прѣзвѣдница (νοσοκομείου). или много устьнаго домоу въ оумьрѣиѣмъ съвѣтѣ (ἐν τελευταία βουλήσει) бывать въобразити (γίνεσθαι διατυπώση). притворноюю оубо црквѣ равьно патн лѣтъ (εἴσω πέντε ἐνιαυτῶν). оууредити повелѣиѣмъ промышлѣннѣмъ боголюбиваго ѣппа и княза (τοῦ ἀρχοντος). И аще ть самъ съвѣщавъ[и]и (ὁ διαθέμενος)

¹⁾ Списокъ и краткое описаніе 35 богоугодныхъ заведеній, находившихся въ одномъ только Константинополѣ, см. у Дюканжа Constantinopolis christiana, lib. IV, с. 9). Что всѣ подобныя заведенія находились въ вѣдѣніи мѣстнаго патріарха, видно, напримѣръ, изъ слѣдующихъ словъ новеллы императора Ираклія, изданной въ 620—629 году: ὑφ' ὧν (πατριαρχικὸν θρόνον) τελοῦσι πάντες οἱ ἐταγεῖς τόποι τῆς βασιλείδος ταύτης πόλεως καὶ τῆς ταύτης ἐνορίας (Zachariae, Ius graeco-romanum pars III, 42). Новелла издана противъ провинціальныхъ клириковъ, проживавшихъ въ столичныхъ церковныхъ странцопримницахъ и причинявшихъ имъ обременительные расходы.

повелѣиеть (ὀρίζει). хоташаи (ὀφείλοντας). гостиньники (ξενοδόχους) ѿли иишектрмильца (πτωχοτρόφους). ѿли ѿны таковыи строителя (δοικητάς). или своимъ наследникомъ таковое избъранне подастъ. повелѣваемъ образы всьми наследникомъ ображеннѣ (τὰ διατυπωθέντα) испъзнати. по мѣстомъ епѣомъ сьмотрациимъ (τῶν κατὰ τόπον ἐπισκόπων ἐποπτευόντων). аще добръ строенне происходить. и аще обрашють не добромъ быти строителемъ. власть имъти бес тыщеты (ἀνευ ζημίας) ѿны въ тѣхъ мѣсто подобныи (ἐπιτηδείους) творити“ (л. 294—295) ¹⁾. Въ славянскомъ переводѣ Эклоги находимъ слѣдующее замѣчательное постановленіе о церковной опецѣ надъ малолѣтними сиротами, которымъ родители не назначили опекуновъ: „Аще ѿ нѣкихъ сироты оставлены бѣдуть и младенцы, и бѣдетъ тѣмъ задница (ὕποστασις), аще родители ихъ оумирающе написаниемъ старьшинны (χορηγатора) снмъ оставать, да схраненѣ бѣдетъ тѣхъ хотѣниие. аще ли ни, блгоутнени домн тѣхъ старьшинньство (χορηγωρείαν) да имуть: въ бгохранномъ семь градѣ—сирьхъ кормленне (τὸ ὄρφανотροφεῖον) и проуни блгоутнени домн и знаемьши цркви (αἱ ἐγνωσμένα ἐκκλησία); въ епаркиихъ же—кѣппи (τὰ ἐπισκοπεῖα), монастыри и цркви, дѣндеже, к годнии брака постигающе (πρὸς γάμου μοῖραν καταστῶντες) наследници соутаются; ли къ браку прити не вѣсхотать, до .к. лѣт тѣмъ блгоутнени домомъ, монастыремъ и црквамъ таковыи задница хранити, ти (καὶ) посемъ нескѣдно (ἀνελλιπῶς) рсѣнныи наследникомъ ѿдавати: не оугодно бѣ естъ Бѣгу, якоже и доньна (καθάπερ καὶ μέχρι τοῦ νῦν), старьшинны ѿны предлагати, и сиротинныи вѣсти (τὰ τῶν ὄρφανῶν κατεσθῆεν), ноньхъ просити (κἀκεῖνα προσαιτεῖν): ти бо (οἱ γὰρ αὐτοί) блгоутнени домове и Божни цркви, нже уюжеи заступлюще (οἱ καὶ τῶν ἀλλοτρίων προϊστάμενοι) и страньныи яко свои, и заповѣдь Божню (κατὰ τὴν ἐντολὴν τοῦ κυρίου), приемлюще и пѣнмающе (ξενοδοχοῦντες καὶ ὑποδεχόμενοι), боль плаче (πολλῶ πλέον) сирьхъ (τὰ τῶν ὄρφανῶν) схранать, ѿ снхъ оустроенне въ время своеи да ство-

¹⁾ Греческій подлинникъ этого собранія изданъ у Геймбаха въ 'Anecdota juris graeco-romani, t. II, p. 217 (cap. 25).

ратъ“¹⁾. Если не эти самые, то другіе подобныя законы указываетъ и Неволдинъ въ своемъ извѣстномъ изслѣдованіи о пространствѣ церковнаго суда въ древней Россіи, справедливо усматривая въ нихъ прямые образцы для соотвѣтственныхъ постановленій устава св. Владиміра²⁾. У того же Неволдина проф. Суворовъ могъ бы найти выписки и изъ такихъ византійскихъ государственныхъ законовъ, по которымъ епископы имѣли право участвовать въ выборѣ смотрителей за городскими торговыми мѣрами и вѣсамъ, и самыя эти вѣсы и мѣры хранились въ церквахъ, подъ наблюденіемъ епископовъ³⁾.

По вопросу о происхожденіи позднѣйшаго русскаго церковнаго устава, усвояемаго преданіемъ великому князю Ярославу I, и о вліяніи на этотъ уставъ католическаго церковнаго права, проф. Суворовъ повторяетъ тѣже самыя соображенія, какія высказаны имъ и относительно устава св. Владиміра: произошелъ-де Ярославовъ уставъ въ западной Руси вслѣдствіе подчиненія ея католическимъ литовскимъ князьямъ и уже по этой причинѣ долженъ былъ ис-

¹⁾ Въ греческомъ подлинникѣ (Zachariae, Collectio librorum juris graecoromani ineditorum) это—VII титулъ Эклоги; но славянскому же переводу—„Зачатокъ ѿ“. Переводъ приведенъ нами по старшему списку его, находящемуся въ Троицкомъ „Мѣрилѣ Праведномъ“ XIV в. (№ 15). Кстати замѣтимъ, что въ этомъ спискѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ оставлены пробѣлы, потому, вѣроятно, что писецъ не довѣрялъ своему оригиналу, какъ испорченному. Эти пробѣлы частію до сихъ поръ остались пустыми, частію наполнены письмомъ, почти современнымъ первоначальному, но уже другого содержанія. Въ позднѣйшихъ спискахъ славянской Эклоги пробѣлы старшаго списка уничтожены, такъ сказать, механически: текстъ переписанъ сплошь, но съ прежними пропусками. Тѣже пропуски и въ печатной Кормчей (гл. 49), куда старый переводъ Эклоги попалъ съ одного изъ самыхъ испорченныхъ списковъ. Замѣчательно еще, что юго-славянскія Кормчія, начиная уже съ XIII в., вовсе не знаютъ Эклоги. Она составляетъ исключительную принадлежность только русскихъ Кормчихъ особеннаго разряда, удержавшихъ въ себѣ нѣкоторыя составныя части *первоначальнаго* славяно-русскаго номоканона.

²⁾ Сочин. т. VI. стр. 257, подъ рубрикой: „Дѣла благотворительности“.

³⁾ Тамъ же, стр. 266, пун. 1 и 4.

пытать на себѣ вліяніе католическихъ церковныхъ порядковъ (стр. 230—232). Впрочемъ дѣйствительные слѣды этого вліянія авторъ находитъ не въ какихъ либо прямыхъ заимствованіяхъ, внесенныхъ въ новый русскій церковный уставъ изъ источниковъ католическаго церковнаго права, а исключительно въ томъ, что многія статьи этого устава оказываются сходными съ Закономъ суднымъ, и одна (о поджогѣ) — съ „Заповѣдію св. отецъ“ (стр. 222—225). Значитъ, здѣсь идетъ рѣчь собственно только о *посредственномъ* и, какъ мы уже знаемъ, *мнимомъ* вліяніи католическаго церковнаго права на древне-русское православное, поскольку это послѣднее обнимается уставомъ Ярослава. Такимъ образомъ позднѣйшій русскій церковный уставъ не доставилъ нашему автору никакого новаго матеріала, пригоднаго для разработки *главной* его темы. Этотъ недостатокъ до нѣкоторой степени восполняется другимъ вопросомъ, который хотя и не имѣетъ прямого отношенія къ главной темѣ, но все же даетъ автору возможность ближе держаться къ излюбленному имъ западу, чѣмъ къ востоку.

Извѣстно, что существуютъ двѣ редакціи Ярославова устава: западная и восточная, литовско- и московско-русская. Старшій списокъ первой сохранился при грамотѣ литовскаго великаго князя Александра Казиміровича, данной въ 1499 году новонареченному Кіевскому митрополиту Іосифу въ подтвержденіе старинныхъ правъ западно-русской православной церкви ¹⁾. Списки же второй редакціи несомнѣнно восходятъ къ началу XV вѣка ²⁾. Но ни одинъ изъ нихъ, не вы-

¹⁾ См. Акты, относящіеся къ исторіи западной Россіи, т. I, № 166.

²⁾ По палеографическимъ признакамъ, самымъ старшимъ спискомъ Ярославова устава долженъ быть признанъ тотъ, который находится въ сборникѣ Москов. синод. бібліотеки XV вѣка № 951, л. 199—200. (Ср. Горскаго и Невоструева „Описаніе“ рукописей этой бібліотеки, отд. 2, ч. 3 стр. 577). Къ сожалѣнію, этотъ списокъ слѣванъ съ большими пропусками. Въ началѣ онъ совершенно сходенъ съ Соловецкимъ спискомъ 1493 г. (о которомъ см. слѣд. примѣчаніе); но писецъ, какъ видно, человекъ очень стыдливый, выписалъ изъ своего оригинала только девять начальныхъ статей устава, а затѣмъ, послѣ замѣчанія: „Иныя же вещи мнози суть, яже неписаны зде, срама ради“, прямо перешолъ къ заключительной

ключая и *напечатанныхъ*, не былъ извѣстенъ проф. Суворову ¹⁾). Отсюда получилась для него незавидная возможность доказывать преимущество западной редакціи предъ восточною какъ по времени происхожденія, такъ и по самому содержанію. Правда, автору извѣстно, что „древнѣйшее историческое свидѣтельство объ уставѣ Ярослава содержится въ договорной грамотѣ великаго князя Василія Дмитріевича и митрополита Кипріяна“, но вслѣдъ за Невוליнымъ, онъ не придаетъ этому свидѣтельству рѣшающаго значенія, такъ какъ въ упомянутой грамотѣ будто бы „говорится лишь вообще объ изданіи Владиміромъ и Ярославомъ какихъ-то уставовъ, безъ всякихъ частнѣйшихъ подробностей“ (стр. 225) ²⁾. На самомъ же дѣлѣ изъ грамоты ясно видно, что подтвержденіе старыхъ двухъ церковныхъ уставовъ сдѣлано было въ ней такъ, что оба устава цѣликомъ выписаны были „изъ великаго стараго номоканона“ на особый „списокъ“ или „свертокъ“ и снабжены этою самою подтвердительною грамотою, съ которою они опять вошли потомъ въ составъ нѣкоторыхъ списковъ „великаго номоканона“, т. е. Кормчей книги ³⁾. Такимъ образомъ

части устава, начинающейся словами: „Аще кто уставъ мой порушитъ и уставленіе мое“ и пр. Такъ какъ этотъ списокъ несомнѣнно принадлежитъ первой половинѣ XV вѣка, то оригиналъ его могъ быть на нѣсколько десятковъ лѣтъ старше.

¹⁾ По печатнымъ изданіямъ извѣстны три списка Ярославова устава XV вѣка: 1) Соловецкій 1493 года, напечатанный въ Православ. Собесѣдн. за 1861 г. ч. III, ст. 93 и сл.; 2) Кирилло-бѣлозерскій, находящійся въ тамошнемъ сборникѣ, писанномъ въ 1470, 1475 и 1479 годахъ, и изданный въ Ученыхъ Запискахъ втораго отдѣленія Академіи Наукъ, кн. V, отд. III, стр. 54—57; ср. стр. 2; 3) Новгородскій половины XV вѣка, помѣщенный въ числѣ приложений къ новому изданію первой Новгородской лѣтописи (1888 г., стр. 454—459, ср. предисловіе редактора, стр. VII)

²⁾ Ср. Неволина т. VI, стр. 305.

³⁾ Въ концѣ грамоты, по изданію Карамзина (И. Г. Р. т. V, прим. 233), сказано: „Списанъ же бысть сей свертокъ (по другимъ спискамъ: „списокъ“) изъ великаго стараго номоканона на Москвѣ въ лѣто 6911 (=1403), надлежета (въ другихъ прибавлено: 11), мѣсяца Ноября (въ др. безъ имени мѣсяца), 11 (въ др. „въ 12“ и „19 день“). Что слова: „Списанъ бысть сей свертокъ“ или „списокъ“ относятся именно къ церковнымъ уставамъ Владиміра и Ярослава, а не къ самой подтвердительною грамотѣ, видно, во-

церковные уставы Владимира и Ярослава были теперь как бы вновь изданы отъ лица Московскаго великаго князя, наследника той церковно-политической власти, какая принадлежала первымъ двумъ христіанскимъ и единодержавнымъ князьямъ Руси¹⁾. Другое, нѣсколько позднѣйшее свидѣтельство о существованіи списковъ Ярослава церковнаго устава въ первой четверти XV вѣка находимъ въ новой договорной грамотѣ того же великаго князя Василя Дмитріевича съ преемникомъ митрополита Кипріяна—Фотіемъ, изданной 26 июня 1419 года и по своему содержанію совершенно сходной съ предыдущею²⁾.

первыхъ, изъ дальнѣйшихъ словъ: „изъ великаго *старая* номоканона“ (откуда, конечно, не могла быть списана теперь только составленная подтвердительная грамота); во вторыхъ—изъ того обстоятельства, что въ рукописяхъ эта подтвердительная грамота обыкновенно помѣщается *вслѣдъ* за полнымъ текстомъ уставовъ Владимира и Ярослава, такъ что всѣ три акта составляютъ какъ бы *одно цѣлое*, одинъ „свитокъ“. Намъ извѣстны четыре такихъ рукописи, всѣ XVI вѣка: 1) Кормчая Румянц. Музея № 232 (по списку этой Кормчей уставъ Ярослава изданъ преосв. Макаріемъ въ Ист. русс. церкви, т. II, прим. 455, изд. 1); 2) Львовская Кормчая, описанная Головацкимъ въ брошюрѣ: „Библиографическія находки во Львовѣ“. СПб. 1873, стр. 36—37); 3) Кормчая, принадлежащая Московскому купцу И. Л. Силину № 7 (подтвердительная грамота безъ даты) и 4) Требникъ Виленской публичной бібліотеки № 206 (см. Добрянскаго „Описаніе“ рукописей этой бібліотеки. Вильна. 1882, стр. 316).

¹⁾ Нужно впрочемъ замѣтить, что подтвержденіе старыхъ церковныхъ уставовъ великимъ княземъ Вспиліемъ Дмитріевичемъ имѣло только, такъ сказать, принципиальное значеніе. Въ слѣдующемъ году (1404 мѣ) состоялось новое соглашеніе великаго князя съ митрополитомъ Кипріяномъ, изложенное въ особой договорной грамотѣ, въ которой великій князь выговариваетъ себѣ такія права относительно церковныхъ судовъ и людей, которыя составляютъ уже довольно значительное ограниченіе прежняго полнаго дѣйствія уставовъ Владимира и Ярослава. Эта новая договорная грамота въ единственно извѣстномъ спискѣ ея, напечатанномъ въ 1-мъ томѣ Актвъ Археогр. Экспедиціи подъ № 9, имѣетъ испорченную дату: „индикта 12, въ лѣто 6900“. Индикта 12 соотвѣтствуетъ 6912 (1404) году.

²⁾ Намъ извѣстны два списка этой новой договорной грамоты объ уставахъ Владимира и Ярослава: одинъ (безъ даты), а только съ именемъ м-та Фотія—въ Палатѣ Троицкой Лавры XVI вѣка № 730, л. 462—470; другой (съ датой, приведенною въ текстѣ)—въ рукописи 1622 года, принадлежащей Государств. Древлехранилищу при Москов. Архивѣ Мин. Иностр. Дѣлъ (см. витрину № 2) и содержащей въ себѣ исключительно только уставы Владимира и Ярослава съ подтвердительною грамотою Василя Дмитріевича.

Обстоятельства, вызвавшія это повторительное подтвержденіе старыхъ церковныхъ уставовъ, довольно ясно указаны въ современныхъ лѣтописахъ и въ двухъ поученіяхъ самого митрополита Фотія великому князю Василию Дмитріевичу. Въ Никоновской лѣтописи подъ 1410 годомъ помѣщено извѣстіе о захватѣ боярами и князьями, послѣ смерти митрополита Кипріяна (1406 г.), разныхъ вотчинныхъ земель митрополіи. На это же жалуется въ своихъ вышеупомянутыхъ поученіяхъ и митрополитъ Фотій, обвиняя въ присвоеніи церковныхъ земель самого великаго князя и прося его *подтвердить* старые церковные уставы, изданные его благочестивыми предками, изъ коихъ прямо названъ *Ярославъ*: „Хотѣлъ быхъ, писалъ митрополитъ въ своемъ поученіи, пространнѣе явити [ти] отъ древнихъ онѣхъ свято почившихъ великихъ князей, прародителей твоего благородія, Ярослава глаголю, иже добльствія явльшаяся (очевидный переводъ съ греческаго подлинника, приблизительно такого: ἐξολήθητι πλῆτερον ἀποδείξαι σοι ἀπὸ τῶν παλαιῶν ἐκείνων μεγάλων ἀρχόντων, προγόνων τῆς εὐγενείας σου, Ἰαροσλάζου φημί, τὰς (иже) ἀρετὰς φαυρωθείσας), ово убо *благопокорны церкви Христовъ* и по *древнихъ православныхъ царей поревновавша*; ово же и скипетры державъ своей добрѣ устроивша... но сего ради преидохъ на повѣсть родителя твоего благородія, яко самовидецъ еси его добродѣтелемъ и благопокореніемъ, еже имѣаше къ церкви Христовѣ... Тѣмже молюся твоему благочестію, яко... да вся, елика суть церкви Божіи отдана отъ твоихъ прародителей, и утверженна и нареченна, и ты также да сотвориши, якоже они... Также и ты, сыну мой, благочестивымъ *списаніемъ* церкви Божіей нареченнаа *да утвердиши, да устроиши вся пошлны*“ и пр. ¹⁾.

Итакъ въ самомъ началѣ XV вѣка мы находимъ два официальные свидѣтельства о существованіи въ сѣверо-восточной Руси списковъ Ярослава церковнаго устава. Въ ка-

¹⁾ Русс. Истор. Библиот. т. VI, стр. 294—295; ср. стр. 303—304, гдѣ находится слѣдующая жалоба митрополита Фотія: „Свѣдомо же ти буди, сыну мой, и се, яко церковь Божію уничижилъ еси, *насилствомъ, взимая неподо-*

кой же редакціи онъ былъ здѣсь извѣстенъ? Какъ всѣ выше указанные старшіе списки Ярославова устава, писанные въ XV вѣкѣ, такъ и тѣ позднѣйшіе, въ которыхъ онъ сопровождается подтвердительными грамотами в. князя Василия Дмитріевича, даютъ на этотъ вопросъ одинъ отвѣтъ: въ той самой редакціи, какую принято называть *восточно-русскою*. И что всего замѣчательнѣе: почти всѣ рукописи, представляющія намъ этотъ уставъ въ соединеніи со старшею подтвердительною грамотою Московскаго великаго князя, изданною при митрополитѣ Кипріанѣ (1403 г.), принадлежалъ не восточной Руси, а *западной*, литовской ¹⁾. Не значитъ ли это, что Московская грамота, исходатайствованная *послѣднимъ* всероссійскимъ митрополитомъ въ подтвержденіе старыхъ русскихъ церковныхъ уставовъ, имѣла свое практическое значеніе и для западно-русской церкви, именно — давала возможность тамошней духовной іерархіи подкрѣплять свои подобныя же ходатайства предъ иновѣрными князьями указаніемъ на примѣръ сосѣдней страны, гдѣ православная русская церковь находилась подъ державою и покровительствомъ единовѣрныхъ съ нею государей? Уже о самомъ митрополитѣ Кипріанѣ извѣстно, что онъ въ 1404 г., т. е. на другой годъ по полученіи сейчасъ упомянутой грамоты, ѣздилъ въ Литву и на Волынь и имѣлъ тамъ свиданіе съ польскимъ королемъ Ягайлою и литовскимъ великимъ княземъ Витовтомъ, принявшими его съ честію ²⁾. Трудно допустить, чтобы такой ревностный оберегатель правъ церкви, какимъ несомнѣнно былъ митрополитъ Кипріанъ, не вос-

бающая ти“. Не добивался ли митрополитъ формальной отмѣны *второй* договорной грамоты своего предшественника съ великимъ княземъ, которая, какъ выше замѣчено, во многихъ отношеніяхъ уже ограничивала полное дѣйствіе старыхъ церковныхъ уставовъ, подтвержденныхъ самимъ же Василиемъ Дмитріевичемъ?

¹⁾ Разумѣемъ четыре выше указанныя рукописи, которыя несомнѣнно всѣ писаны въ западной Руси (см. стр. 150, примѣч. 3). Намъ извѣстенъ только одинъ восточно-русскій списокъ церковныхъ уставовъ Владиміра и Ярослава, соединенныхъ съ договорною грамотою в. кн. Василия Дмитріевича и м-та Кипріана, — тотъ, который изданъ въ VI-мъ томѣ Полн. собр. русск. лѣтоп., стр. 82—86.

²⁾ Макарій, Ист. русс. цер. т. IV, стр. 85.

пользовался этимъ случаемъ, чтобы исходатайствовать для православныхъ русскихъ епархій, подчиненныхъ двумъ названнѣмъ иновѣрнымъ государямъ, такія же подтвердительныя грамоты на старые русскіе церковные уставы, какую онъ только-что получилъ отъ Московскаго великаго князя. Кипріанъ могъ даже показать Ягайлѣ и Витовту *подлинникъ* этой грамоты, чтобы такимъ образомъ успѣшнѣе расположить того и другого къ удовлетворенію своего ходатайства. По всей вѣроятности, тсперь именно и была дана Витовтомъ та грамота „о духовныхъ правахъ греческой вѣры“, о которой упоминается въ подобной же грамотѣ польскаго короля Сигизмунда I, данной въ 1511 году Кіевскому митрополиту Іосифу и всѣмъ православнымъ русскимъ епископіямъ, подчиненнымъ польской коронѣ ¹⁾. Съ этого же конечно времени стали распространяться въ западно-русскихъ церковныхъ книгахъ (преимущественно въ Кормчихъ) и списки уставовъ Владиміра и Ярослава вмѣстѣ съ подтвердительною грамотою Василя Дмитриевича, — списки, какъ мы уже знаемъ, всѣ безъ исключенія представляющіе послѣдній уставъ въ т. наз. восточной редакціи. Никакой другой редакціи этого устава, въ смыслѣ обще-принятой и обще-употребительной въ *собственно церковной* практикѣ, западная Русь не знала — даже и послѣ 1499 года, когда, какъ выше замѣчено, литовскому князю Александру представлень былъ для утвержденія особый (сокращенный) „свитокъ Ярославль“. Это видно уже изъ того, что всѣ упомянутые западно-русскіе списки Ярославова устава несомнѣнно писаны послѣ 1499 года, а между тѣмъ традиціонный текстъ устава является въ нихъ съ разными схоліями, сдѣланными, очевидно, съ *практическою* цѣлію. Такъ въ Кормчей XVI вѣка, принадлежащей Московскому купцу И. Л. Силину, въ концѣ Ярославова устава или, точнѣе, послѣ стоящей за нимъ подтвердительною грамоты Василя Дмитриевича, находится слѣдующая замѣтка: „А гдѣ гривна серебра писана въ которой винѣ, ино гривна серебра рубль; а гдѣ гривна писана, а серебра не помянуто (т. е. гдѣ

¹⁾ См. изложеніе этой грамоты у Суворова на стр. 227.

разумѣтся въ уставѣ гривна *кунѣ*), ино то шестнадцать грошей¹⁾.

Изъ виду всѣхъ изложенныхъ фактовъ, едва ли кто изъ „ислѣдователей по исторіи русскаго права“ рѣшится, вмѣстѣ съ проф. Суворовымъ, „спокойно оставаться въ томъ убѣжденіи, что восточно-русская редакція Ярославова устава позднѣе западной и составлена въ подражаніе этой послѣдней“, и притомъ—безъ всякой надежды на примѣненіе къ жизни, а просто съ цѣлю „сказать, что вотъ дескать какъ было въ старину, при прежнихъ благочестивыхъ князьяхъ“ (стр. 233). Не только „успокоиться“, но даже на минуту остановиться на такомъ отчаянномъ результатѣ не можетъ ниодинъ серьезный „ислѣдователь по исторіи русскаго права“, хотя бы у него для рѣшенія вопроса о хронологическомъ и матеріальномъ отношеніи обѣихъ редакцій Ярославова устава не было подъ руками никакихъ другихъ данныхъ, кромѣ тѣхъ, какими располагалъ самъ проф. Суворовъ, т. е. кромѣ обще-извѣстныхъ печатныхъ изданій устава въ той и другой редакціи. Достаточно самага бѣлаго сравненія текстовъ памятника по этимъ изданіямъ, чтобы убѣдиться, что такъ называемая западная редакція Ярославова устава есть не болѣе, какъ довольно неискусная передѣлка восточной²⁾. Допустить обратное отношеніе между ними значило бы, говоря словами самого проф. Суворова, обратиться уставъ Ярослава въ неразрѣшимую „загадку въ загадочной (?) исторіи древняго русскаго права“ (стр. 174).

1) Подобная же приписка читается въ концѣ 3-й статьи Ярославова устава (о своевольномъ и одностороннемъ разводѣ мужа съ женою) по списку Лѣтописца Переяславля Суздальскаго — рукописи, оригиналъ которой несомнѣнно писанъ въ западной (литовской) Руси: „а гривна по пятидесять грошъ“ (стр. 42).

2) Напримѣръ, составители западнаго „свитка Ярославля“ нашли нужнымъ прибавить въ концѣ его опредѣленную дату: „Написанъ же бысть свитокъ сей номоканонъ въ лѣто отъ созданія міра 6540-е“ (какъ это напоминаетъ уже извѣстную намъ дату подтвердительной грамоты в. к. Василія Дмитріевича!). Въ сравненіи съ началомъ „свитка“, гдѣ сказано, что онъ изданъ Ярославомъ „съ совѣтомъ преосвященнаго митрополита Кіевскаго Иларіона“, приведенная дата оказывается грубымъ анахронизмомъ: въ 6540 (1032) году Иларіонъ еще не былъ митрополитомъ.

Въ самомъ дѣлѣ, пусть авторъ объяснитъ намъ, какимъ образомъ изъ западно-русскаго „свитка Ярослава“, въ которомъ и языкъ не древній, и счетъ денегъ ведется на сравнительно позднюю монету“ (стр. 230), могъ произойти въ Московской Руси, приблизительно около половины XV вѣка, новый церковный уставъ Ярослава, — такой, въ которомъ и языкъ обилуетъ разными архаизмами (въ родѣ, на примѣръ, *пошибати, засьсти, ато* (или *ать*)=ать=пусть, да, и др.), и деньги въ большинствѣ статей считаются не Московскою или литовскою монетою XIV—XV вѣка, а Киевскою XI—XII вѣка? Или почтенный профессоръ серьезно думаетъ, что въ XV столѣтїи въ Московской Руси могъ появиться „досужій книжникъ-умозритель“, настолько свѣдущій въ древнерусскомъ языкѣ и древне-русской нумизматикѣ, что онъ счумѣлъ дать современному церковному уставу западной Руси видъ юридическаго памятника, близкаго ко временамъ Ярослава и лишь въ рѣдкихъ случаяхъ сбивающагося въ счетѣ денегъ на позднѣйшіе рубли (а иногда и гроши)? Такую огадку, поистинѣ, слѣдуетъ назвать „досужимъ умозрѣніемъ“, несостоятельность котораго обличается самою редакціей западнаго „свитка Ярослава“, какаа дана ему въ старшемъ и единственно извѣстномъ спискѣ 1499 года. Въ концѣ этого списка читаются слѣдующія знаменательныя слова: „Сїа вся суды церковъ да судить; княземъ же, бояромъ и судїамъ въ тые суды не вступатися, и во *иныхъ* *вся*, яже суть написана во правилѣхъ святыхъ Апостолъ и святыхъ богоносныхъ Отець и *въ сїихъ* *номоканонѣхъ* *нашихъ*“. Что это значитъ: „*иныхъ* *вся* суды, писанныя въ *сїихъ* *же* *номоканонѣхъ* *нашихъ*“, т. е. отличные отъ судовъ, только что исчисленныхъ въ настоящемъ „свиткѣ“ Ярослава и указанныхъ въ заключительныхъ словахъ его: *сїа* *вся* суды церковъ да судить?“ Это значитъ, что „свитокъ“ или „номоканонъ“ Ярослава былъ извѣстенъ западно-русской церковной іерархіи въ другой, болѣе обширной редакціи, которая съ незапамятныхъ временъ помѣщалась въ „правилѣхъ св. Апостолъ и св. богоносныхъ Отець“, т. е. въ Кормчихъ книгахъ, и въ которой указывались и *иные* суды церковныя, прямо не упомянутыя въ настоящемъ *новомъ*

„свиткъ“ Ярослава и лишь *косвенно* подтвержденные въ немъ словами: „*иные* суды“. Этотъ новый свитокъ, удержавъ форму стараго, вложилъ въ нее во многихъ отношеніяхъ совершенно новое содержаніе, вызванное нѣкоторыми ненормальными явленіями въ современной жизни западнаго русскаго общества (вмѣшательствомъ свѣтскихъ магнатовъ въ дѣла церковныя, неповиновеніемъ епископовъ митрополиту и въ особенности безпорядками въ дѣлахъ брачныхъ), и только для этихъ новыхъ дополненій къ старому церковному уставу западно-русская церковная іерархія находила теперь нужнымъ исходатайствовать *прямое* подтвержденіе отъ свѣтской (иновѣрной) власти. За всѣмъ тѣмъ старый „свитокъ Ярославль“ по прежнему оставался источникомъ дѣйствующаго права, на основаніи котораго рѣшались духовнымъ судомъ всѣ дѣла, не упомянутыя въ новомъ свиткѣ (разные виды кровосмѣшенія, злоупотребленія родительской власти, неповиновеніе дѣтей родителямъ и т. п.).

Кому извѣстно дѣйствительное хронологическое и матеріальное отношеніе обѣихъ редакцій Ярославова церковнаго устава, тотъ, конечно, не увлечется соображеніями проф. Суворова, направленными въ доказательство преимуществъ западно-русской редакціи предъ восточною въ раціональномъ и практическомъ отношеніяхъ. Восточно-русская редакція всего болѣе поражаетъ нашего автора „чудовищнымъ размѣромъ деножныхъ пеней“, назначаемыхъ въ ней за нѣкоторыя преступленія. Но онъ упускаетъ изъ виду, что 1) пени эти соразмѣряются съ состояніемъ виновнаго: максимальная пеня—въ 5 гривенъ золота—налагается только на „великихъ“ бояръ, и что 2) при назначеніи пеней обращается вниманіе на личность потерпѣвшаго и мѣру зла, причиненнаго ей преступленіемъ: похищеніе и изнасилованіе дѣвицы или замужней женщины („умычка“ и „пошибаніе“), безчестіе, нанесенное мужемъ женѣ посредствомъ своевольнаго и беспричиннаго развода съ нею, оскорбленіе супружеской чести чужой жены ругательнымъ словомъ—все это, въ эпоху происхожденія Ярославова устава, должно было вызывать со стороны церкви такія мѣры строгости, которыя бы приучали грубый, еще полу-языческій народъ уважать церков-

ные законы и смотрѣть на случаи ихъ нарушенія, какъ на самыя тяжкія злодѣянія. Церковный уставъ Ярослава, съ его высокими денежными пенями, къ которымъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ присоединялась еще „княжеская казнь“, былъ для нашихъ предковъ такимъ же „пестуномъ во Христа“, какимъ для евреевъ былъ законъ Моисея. При первомъ опытѣ проведенія въ народную жизнь нравственныхъ началъ христіанской религіи путемъ законодательства и суда, церковь могла и не соображаться съ тѣмъ, согласны или несогласны наказанія, назначаемыя ею нарушителямъ Правды Христовой, съ предписаніями Русской Правды. Пусть за брань, оскорбительную для добраго имени боярской жены, церковный судъ, по уставу Ярослава, налагалъ на виновнаго бѣльшую денежную пеню, чѣмъ какую, по Русской Правдѣ, платилъ убійца боярина: дисциплинировать такимъ наказаніемъ ругательный языкъ, патнавшій супружескую честь чужой жены, церковь находила тѣмъ болѣе нужнымъ, что народная „Правда“ еще не знала преступленія, состоящаго въ личной обидѣ *словомъ*. А въ данномъ случаѣ, т. е. по отношенію къ замужней женщинѣ, осрамленной такимъ названіемъ, которое съ точки зрѣнія христіанской нравственности составляетъ для цѣломудренной супруги верхъ безчестія, эта обида, на взглядъ церкви, равнялась покушенію на самую жизнь потерпѣвшей: ибо, по законамъ Моисея, жена, уличенная въ невѣрности мужу, подвергалась побіенію камнями. Но мы допускаемъ все это съ необходимою оговоркою, какую сдѣлалъ еще Неволинъ, именно: можетъ быть, что несоразмѣрность между денежными взысканіями въ церковномъ уставѣ Ярослава и въ Русской Правдѣ есть только мнимая и уничтожится сама собою, какъ скоро будетъ объясненъ денежный счетъ, употребленный въ томъ и другомъ памятникѣ ¹⁾. Если въ денежномъ счетѣ самой Русской Правды, не смотря на значительное число спеціальныхъ изслѣдованій, посвященныхъ этому предмету, все еще останется много загадочнаго, то вопросъ о денежныхъ пеняхъ Ярославова церковнаго устава, въ осо-

¹⁾ Сочин. т VI, стр. 300.

бенности о пеняхъ, назначаемыхъ гривнами *золота* (которыхъ Русская Правда вовсе не знаетъ), можно сказать, еще ни разу не былъ затронуть въ нашей историко-юридической литературѣ. Возможное дѣло, что, по тщательномъ изученіи письменныхъ источниковъ и нумизматическихъ собраній, цѣна этой гривны, какъ ходячей монеты въ эпоху образованія Ярославова устава, окажется и не столь высокою, какъ обыкновенно думаютъ. Въ западно-русскомъ „свиткѣ“ Ярослава нѣтъ конечно гривенъ золота и никакихъ другихъ: денежный счетъ ведется въ немъ исключительно на польско-литовскіе „гроши широкіе“; но эти гроши считаются уже не единицами и десятками, какъ гривны золота и серебра въ восточно-русской редакціи устава, а сотнями и тысячами. Въ виду этого послѣдняго обстоятельства, проф. Суворову слѣдовало бы предварительно съ точностію опредѣлить отношеніе гроша широкаго ко всѣмъ видамъ старой русской гривны, и затѣмъ уже, если окажется возможнымъ, говорить о „чудовищныхъ размѣрахъ“ денежныхъ пеней, назначаемыхъ въ восточно-русской редакціи Ярославова устава, сравнительно съ пенями, опредѣленными въ западно-русской редакціи.

Въ результатъ своего изслѣдованія проф. Суворовъ получаетъ увѣренность, что „еще задолго до того времени, когда въ Московскомъ государствѣ почувствовалась неотложная потребность „прорубить окно въ Европу“, двери на Руси держались довольно широко открытыми для западно-европейскаго вліянія. Изслѣдовать и опредѣлить въ точности силу этого вліянія значило бы, по словамъ автора, содѣйствовать выработкѣ правильныхъ, соотвѣтствующихъ исторической истинѣ, представленій объ отношеніяхъ древней Руси къ окружающему міру, чѣмъ въ свою очередь условливается сознательное и осмысленное представленіе о существующей дѣйствительности“. Для достиженія этой цѣли почтенный профессоръ рекомендуетъ настоящимъ и будущимъ историкамъ древняго русскаго права пользоваться въ своихъ работахъ сравнительнымъ методомъ „въ самыхъ широкихъ

размѣрахъ“, безъ чего-де „нельзя достигнуть желательной ясности и твердости въ научныхъ построеніяхъ“, и съ тѣмъ вмѣстѣ высказываетъ пожеланіе, „чтобы русскія ученныя силы, въ которыхъ не можетъ быть недостатка, отказались отъ доставшейся намъ по наслѣдству отъ предковъ привычки подыскивать, во что бы то ни стало, образцы разнымъ явленіямъ древне-русской юридической жизни въ византійскихъ памятникахъ и въ византійской юридической жизни, и признали бы, что образцы тѣхъ или другихъ явленій могли находиться не только на востокѣ, но и на западѣ“ (стр. 234).

Сколько намъ извѣстно, историки русскаго права всегда хорошо сознавали необходимость сравнительнаго метода, какъ средства къ объясненію тѣхъ или другихъ явленій въ юридической жизни нашихъ предковъ, жившихъ подъ дѣйствіемъ нормъ Русской Правды. Сравнивали древне-русское право не только съ византійскимъ, но и съ германскимъ, скандинавскимъ и западно-славянскимъ (польскимъ и чешскимъ). Правда, до сихъ поръ никто не занимался *спеціальнымъ* сравненіемъ памятниковъ древне-русскаго или славянскаго права съ современными источниками *католическаго церковнаго* права; но судя по первому опыту такого сравненія, сдѣланному профессоромъ Суворовымъ въ „самыхъ широкихъ размѣрахъ, можно опасаться, что сравнительный методъ едва ли поведетъ тутъ къ „желательной ясности и твердости въ научныхъ построеніяхъ“. Въ работѣ почтеннаго профессора, какъ мы видѣли, одно проблематично, другое—произвольно и натянуто, третье—прямо ошибочно. Сравнительный методъ въ исторіи права — безспорно вещь весьма хорошая; но пользоваться имъ нужно умѣючи, въ мѣру и осторожно. Нужно знать, чѣмъ сравнивать и какъ сравнивать, чтобы, при видимомъ сходствѣ юридическихъ институтовъ у двухъ различныхъ народовъ, не дѣлать поспѣшныхъ и опрометчивыхъ заключеній о вліяніи одного права на другое. Въ наукѣ давно установленъ тотъ фактъ, что при одинаковыхъ условіяхъ жизни, на одинаковой степени культурнаго развитія, могутъ возникать одинаковые правовые институты у народовъ, раздѣленныхъ и пространствомъ и временемъ.

Возьмемъ для примѣра институтъ, о которомъ у насъ уже заходила рѣчь—*десятину*. Всемирная исторія находитъ этотъ институтъ, какъ *первичную* форму государственнаго налога на предметы частнаго обладанія у всѣхъ культурныхъ народовъ древняго и новаго (христіанскаго) міра ¹⁾. Ничего общаго съ этими народами не имѣла, конечно, татарская орда, нахлынувшая въ первой половинѣ XIII вѣка на русскую землю; и однакожь эта орда, въ знакъ своего владычества надъ покоренною странюю, потребовала себѣ „десятины во всемъ: во князѣхъ, и въ людѣхъ, и въ конѣхъ“ ²⁾. Навѣрное можно сказать, что азіатскіе хищники не знали другого образца для этой своей десятины, кромѣ десяти пальцевъ на человѣческихъ рукахъ—символахъ и орудіяхъ власти однихъ людей надъ другими. Въ виду возможности такихъ аналогій въ юридическихъ воззрѣніяхъ и обычаяхъ народовъ, совершенно чуждыхъ и невѣдомыхъ другъ другу, историческая критика дозволяетъ съ увѣренностію говорить о *прямомъ* вліяніи положительнаго права одного народа на право другого только тогда, когда не можетъ быть никакого сомнѣнія относительно путей и способовъ, какими шло и воспринималось это вліяніе. Древняя Русь, конечно, была открыта культурному вліянію не только греко-славянскаго востока, но и сосѣднихъ съ нею странъ латино-германскаго запада. Однако жъ въ тѣхъ случаяхъ, когда для того или другого института древне-русскаго права, и въ особенности права церковнаго, окажутся образцы и на востокѣ и на западѣ, историкъ этого права, имѣя въ виду, что древняя Русь связана была съ греко-славянскимъ міромъ *двойными* узами—и религіозными и племенными, нисколько не погрѣшитъ противъ требованій исторической критики, если припишетъ происхожденіе такого института вліянію востока, а не запада. Противоположная попытка проф. Суворова доказала только, что не все оригинальное хорошо и что „отрѣшившись отъ унаслѣдованной нами отъ предковъ при-

1) Подробности объ этомъ см. въ Staats-Lexikon von Rotteck und Welker, 14 Bd. s. 713—725. 3-te Aufl. 1866.

2) Лѣтопись по Лаврентіевскому списку подъ 1237 годомъ.

вычки подыскивать образцы для разныхъ явленій древне-русской юридической жизни на греко-славянскомъ востокѣ“, можно договориться до крупныхъ несообразностей съ требованіями науки и съ объективной исторической истиной. И то надобно сказать: легче и удобнѣе находить аналогиіи для разныхъ институтовъ древне-русского права въ богатой литературѣ по исторіи германскаго и, пожалуй, католическаго церковнаго права, чѣмъ въ мало разработанной исторіи византійскаго и юго-славянскаго права. Легко, напримеръ, было проф. Суворову, при помощи ученыхъ трудовъ и изданій Вассершлебеиа и Шмица, подыскать въ латинскихъ средневѣковыхъ пенитенціалахъ двойники для большей части статей славянской „Заповѣди св. отецъ“. Но если бы онъ, замѣтивъ, что для нѣкоторыхъ статей той же „Заповѣди“ находятся подлинники и въ греческихъ епитимейникахъ, возымѣлъ благою мысль найти такіе же подлинники и для остальныхъ статей, то пришлось бы имѣть дѣло съ массою рукописнаго матеріала, разсѣяннаго въ разныхъ библіотекахъ запада и востока. Словомъ: пришлось бы совершить почти такую же работу надъ греческими епитимейниками, какую Вассершлебенъ и Шмицъ совершили надъ латинскими пенитенціалами. Но мы не „унаслѣдовали отъ предковъ привычки“ къ такимъ работамъ и предпочитаемъ сдавать ихъ на чужія руки. „Привычка“ справляться съ византійскими источниками, имѣющими отношеніе къ нашей древней литературѣ и жизни, появляется у насъ только тогда, когда западъ въ своихъ ученыхъ трудахъ и изданіяхъ дастъ намъ готовые и надежныя средства для такихъ справокъ. А если мы, по примѣру проф. Суворова, отрѣшимся и отъ этой привычки, то лучше будетъ вовсе не браться за разрѣшеніе такихъ вопросовъ по исторіи древняго русскаго права, съ какими имѣлъ дѣло почтенный профессоръ. И замѣчательно: тогда какъ у насъ дѣлается, съ видомъ серіозной учености, попытка поставить древнюю Русь подъ преобладающее вліяніе католическаго запада, а не православно-славнаго востока, на самомъ западѣ созрѣваетъ сознаніе необходимости ближайшаго изученія Византіи, какъ одного изъ могущественныхъ факторовъ въ исторіи средневѣковой запад-

ной культуры. Предполагается основать особый журналъ для византологіи. Будущій издатель этого журнала — профессоръ Мюнхенскаго университета Крумбахеръ, авторъ новѣйшей и лучшей «Исторіи византійской литературы», въ предварительномъ объявленіи о своемъ изданіи пишетъ, между прочимъ, слѣдующее: «Богатая византійская культура, которая въ большей части Европы и понынѣ еще отражается во множествѣ явленій, а въ средніе вѣка плодотворно вліяла на весь западъ, требуетъ основательнаго обслѣдованія». Такъ судить ученый западъ — и судить конечно въ осужденіе намъ. Мы упускаемъ изъ своихъ рукъ научное дѣло, завѣщанное намъ всею нашею исторіей.

П Р И Л О Ж Е Н І Е.

Къ главѣ I, стр. 22—30.

Чтобы читатель могъ самостоятельно судить объ отношеніи славянскаго Заповѣди св. отецъ къ латинскому Мерзебургскому пенитенціалу, считаемъ нужнымъ привести здѣсь вполнѣ текстъ ея въ параллели съ соотвѣтственными мѣстами пенитенціала и въ томъ порядкѣ статей, какой свойственъ славянскому, а не латинскому тексту. Первый издается нами по Руманцовскому списку съ разночтеніями Синайскаго Евхологіона, изданнаго Гейтлеромъ, отрывки послѣдняго—по изданію Вассершлебена¹. Въ подолженіе къ сказанному нами на стр. 22—30, обращаемъ особенное вниманіе читателя на отношеніе 22-й, 38-й и 40-й статей Заповѣди къ стоящимъ противъ нихъ статьямъ пенитенціала. Различіе между тѣми и другими такъ велико, что исключаетъ всякую возможность признать первыя за переводъ съ послѣднихъ.

¹ Мы не рѣшаемся исправлять варварскую латынь пенитенціала, какъ это сдѣлано профессоромъ Суворовымъ вопреки Вассершлебену.

Заповѣдь стѣхъ ѡцѣ ¹⁾.

Poenitentiale Merseburgense.

ѧ. Нже ² разбой створить, или ѡ роженнѣ ³ своѣго оубнѣть. ꙗ̄. лѣ да покаѣтса въ нной ѡбласти. и потомъ ⁴ да приѣтъ боудеть къ оубьственнѣ своѣ ⁵. аще коудеть правдѣно покаѣлса. ѡ хлѣбъ тѣкмо и ѡ водѣ ⁶. и да послоушьствоуѣтъ ѣмоу ѣппи ⁷ и поповс. оу ⁸ ннхъжс [са] ѣсть покаѣлъ къ роженнѣ ⁹ оубнѣнаго. аще ли са боудеть не добръ покаѣлъ. то не приѣтъ боудеть въ ѡубьство своѣ ¹⁰.

1. Si quis clericus homicidium fecerit et proximum suum occiderit, X annis exul poeniteat, postea recipiatur in patria, si bene egerit poenitentiam in pane et aqua, testimonio comprobatus episcopi vel sacerdotum, cum quibus poenituit et cui commissum fuit, et satisfaciat parentibus ejus, quem occidit, vicem filii reddens et dicens: Quaecunque vultis, faciam vobis. Si autem non satisfecerit parentibus illius, nunquam recipiatur in patria, sed more Cain vagus et profusus sit super terram.

Ѣ. Нже ¹¹ разбой створить не хота. ѣ̄ ¹². лѣ да покаѣтса. ꙗ̄. ¹³ ѡ ннхъ ѡ хлѣбъ и ѡ водѣ.

2. Si quis homicidium casu fecerit, id est non voluntate, V annos poeniteat, III ex his in pane et aqua.

ꙗ̄. Аще который приуѣтъникъ содомьскыи блондъ створить. ꙗ̄. лѣ да покаѣтса. ꙗ̄. ѡ ннхъ ѡ хлѣбъ и ѡ водѣ.

4. Si quis fornicaverit, sicut sodomita fecerit, X ann. poen., III ex his in pane et aqua, et nunquam cum alio dormiat.

¹ Заповѣди стѣхъ ѡцѣ. о. покланн разбоѣ. і о вѣсьмъ грѣсѣ. —
² Аще кѣто. — ³ отъ рожденнѣ. — ⁴ толи потомъ. — ⁵ въ свое отѣуство. — ⁶ о хлѣбъ о водѣ: такъ и во вѣсьхъ остальныхъ случаяхъ. —
⁷ еппи. — ⁸ къ ннхъжс. — ⁹ къ роженнѣ. — ¹⁰ въ свое отѣуство. —
¹¹ аще кѣто. — ¹² ѧ̄ (= ѣ̄) — ¹³ Ѣ̄ (= ꙗ̄).

Д. Аще который приустьникъ
блѹдъ створиѣтъ. ̑ лѣ ¹ да по-
каѣтъся.

Е. Аще кто проклинаѣтъся. ̑.
лѣ да постнѣтъся. ² Г. Ѡ нихъ
Ѡ хлѣбъ ѡ водѣ.

З. Аще кто моужею ³ кль-
нетъся. Г лѣ. да покаѣтъся Ѡ
хлѣбъ ѡ водѣ ⁴.

З. Аще кто оукрадетъ главъ-
ноѣ уѣо. ѡли скотъ, ѡли домъ
подъкопаетъ. ѡли уѣо зело добро
драгоѣ ⁵. Е. лѣ. да покаѣтъся.
аще ли ⁶ мало уѣо оукрадетъ.
Г. лѣ. да покаѣтъся.

И. Аще кто Ѡ приуѣта съ ую-
жею женою блѹдъ створиѣтъ.
ѡли съ невѣстою. ѡли съ
дѣцею ⁷. Г лѣ. да покаѣтъся Ѡ
хлѣбъ ѡ водѣ.

Ф. Аще ли ѣсть дьяконъ. ли
урноризъць ⁸. Д лѣ. аще ли
ѣсть попъ. то ̑ лѣ ⁹. Г. Ѡ

5. Si quis perjuraverit, VII
ann. poeniteat, III ex his in
pane et aqua, et nunquam ju-
ret.

6. Si quis per necessitatem
aut nesciens perjuraverit, III
annos poeniteat, I ex his in
pane et aqua.

7. Si quis furtum capitale
fecerit, id est quadrupedia vel
domum effuderit, aut quodlibet
melioem praesidium furaverit,
V ann., et si a minoribus fura-
verit, III annos poeniteat.

8. Si quis fornicaverit cum
uxore alterius, aut sponsam vel
virginem corruperit, si clericus
est, V ann. poen., II ex his
in pane et aqua, si laicus, III
annos, I ex his in pane et aqua.

Si diaconus aut monachus,
VII ann. poen., III ex his in pa-
ne et aqua, subdiaconus VI,

¹ ж (=з) — ² да покаѣтъся. Этими и оканчивается правило. —
³ наждами. — ⁴ Слово Ѡ хлѣбъ ѡ водѣ нѣтъ. — ⁵ ѡли уѣо добро. зело
драго оукрадетъ. — ⁶ а ли. — ⁷ аще который приустьникъ блѹдъ створиѣтъ.
съ тоуждеж женою, ли съ дѣвцею. — ⁸ аще ли есть дьякъ ли
урънецъ. — ⁹ Слово: аще ли ѣсть попъ. то ̑ лѣ нѣтъ.

ннхъ ѿ хлѣбъ ѿ воды. аще
ли ¹ ѱѣпъ. то да нзвѣржетса.²
н. і. лѣ. покаѣтса.

і. Аще ли кто ѿтравленни
дѣла ³ погоуентъ ульвѣка. ѿ. лѣ.
да покаѣтса. і. ѿ ннхъ ѿ хлѣбъ
н ѿ воды.

лї. Аще кто ѿ взлорнзець ⁴
женоу нмѣнн. то ли съ уюжею ⁵
блоудъ створнтъ ⁶. ѣ. лѣ да по-
каѣтса. і. ѿ ннхъ ѿ хлѣбъ н
ѿ воды.

їѳ. Аще которнн прнхуть-
ннкъ. или ващншо утъ нмѣнн.
ѿстакъ женоу утъ прннметъ. н
пакы ю прннметъ ⁷. аще іестъ
дѣаконъ ⁸. ѿ. лѣ. да покаѣтса.
аще ли попъ. і. лѣ да по-
каѣтса.

їѳ. Аще кто съ урннцею
блоудъ сътворнтъ. понеже ващн-
ши іестъ нареуена ⁹. і. лѣ да
покаѣтса ѿ хлѣбъ н ѿ воды.

II ex his in pane et aqua,
si sacerdos, X, III ex his in
pane et aqua, episcopus XII
et deponatur.

9. Si quis veneficio aliquem
perdiderit, VII annos poeni-
teat, III ex his in pane et
aqua.

11. Si quis laicus habens
uxorem suam, et cum alterius
uxore vel virgine fornicatus
fuerit, V ann. poen., II ex his
in pane et aqua.

12. Si quis clericus vel cu-
juslibet superioris gradus, qui
uxorem habuit, et post con-
versationem vel honorem ite-
rum eam agnovit, sciat, se
adulterium commisisse. Idcirco,
si diaconus, V annos poeni-
teat, II ex his in pane et aqua,
si sacerdos, VII, III in pane
et aqua.

13. Si quis fornicaverit cum
sanctimoniale vel Deo dicata,
sicut in superiore sententia
unusquisque juxta ordinem su-
um poeniteat.

¹ Прибав. естъ. — ² Прибав. сана. — ³ отрокеннъ радн. — ⁴ аще
которы взлорнзець. — ⁵ тоуждѣж. — ⁶ Прибав. или съ дѣвнцѣж. —
⁷ Слозь: н пакы ю прннметъ вѣтъ. — ⁸ днѣкъ. — ⁹ ващншина реуетъ.

дї. Нже в са блѡудъ самъ творитъ. ѿ. лѣ. да покаіетьса ¹.

еї. Аще кто ѿ ² гна пьтн. часть ієдиноу ³ погоубитъ. ѿ. ⁴ лѣ. да покаіетьса ⁵.

сї. Аще кто ѡбъядъса блѡіеть. тръгоубъ ѿ. тн ⁶.

зї. Аще кто помыслитъ на ужою женоу ⁷. толи не можеть стгръшнтн съ нею. ѿ. лѣ. да покаіетьса.

нї. Аще кто болъзнуіеть ѿ болъзнн ради ѿзблѡіеть причастіє ієже іеть комъканіє ⁸. г. дни да постнтьса ⁹. аще пси въкоуцать. р̄ дни да постнтьса ¹⁰.

ѡї. Аще котораѿ жена ѡт роуа оудавнтъ. г. лѣ. да по-

14. Si quis propter concupiscentiam vel libidinem per se ipsum fornicaberit, annum integrum poeniteat.

17. Si quis eucharistiam, id est communionem corporis aut sanguinis Domini neglexerit aut exinde perdidit, ann. I in pane et aqua poeniteat.

Si per ebrietatem aut voracitatem illud vomerit, III quadragesimas.

16. Si quis concupiscit mulierem et non potest peccare cum illa, aut non vult eum suscipere, annum integrum poeniteat.

Si per infirmitatem, VII dies; si in ignem mittit tale vomitum, C psalmos cantet, si vi vero canis lambuerit, C dies poeniteat.

18. Si quis aut uxor suum infantem oppresserit, III annos

¹ аще кто самъ къ са блѡдъ творитъ. лѣ. да покаіеть. — ² нѣтъ. — ³ нѣтъ. — ⁴ ѿ нѣтъ. — ⁵ Далѣе у Гейтлера слѣдуетъ статья зї. — ⁶ аще кто объядъса блѡіеть, да тръгоубитъ к̄. — ⁷ на женѣ тоуждѣ. — ⁸ аще кто болъзнн ради ѿзблѡіеть брашеньце. — ⁹ Далѣе прибавлено: и еже естъ ѿзблѡіеть, да съхраннтъ на огни и р̄ псалмъ да испоетъ. — ¹⁰ аще ли его пси да въкоуцать р̄. день да постнть са. Латинскій текстъ, поставленный противъ этой статьи, по изданию Вассерслебена составляетъ конецъ 17-й статьи.

каіється. **а.** ѿ ннхъ ¹ ѿ хлѣбъ
и ѿ водѣ.

б. Аще кто пролїеть сѣоую
[уашоу] слоужьбоу твора. ти по-
хоронитъ ю. **и.** днии да поститъ-
са ѿ хлѣбъ и ѿ водѣ ².

ка. Аще кто хота ѿ ³ ско-
кѣи плѣти оурѣжетъ. **г.** лѣ. да
покаіється. **а.** ⁴ ѿ хлѣбъ и ѿ
водѣ.

кб. Аще ли кто похоть имѣи.
то ли лоукавьствомъ уюжо же-
ноу лобѣжетъ. ⁵ **г.** лѣ. да по-
каіється. **а.** ѿ хлѣбъ и ѿ водѣ.

кг. Аще который простылю-
дннъ враждоу имѣи оударитъ
улка и ѿжрѣавитъ и **г.** днии ⁶
да покаіється.

кд. Аще кто бздою оукра-

poeniteat, I ex .his in pane et
aqua.

83. Si quis vero de calice
per negligentiam stillaberit in
terram, igne sumatur et L dies
poeniteat; si super altare stilla-
berit calix, sorbeat minister
stillam tribus vicibus, labit
calicem subtus positum, et ip-
sam aquam bibat et III dies
poeniteat.

19. Si quis sibi colebet
membrum truncaberit volunta-
rie, III annos poen., I ex his
in pane et aqua.

58. Si vero diligens femi-
nam inscius alicujus mali prop-
ter sermonem, XL dies poen.,
osculatus autem eam et ample-
xatus, IV quadragesimas poen.,
diligens tamen mente, VII dies
poeniteat.

24. Si quis laicus alium
percusserit et sanguinem fun-
derit, XL dies in pane et aqua
poeniteat.

31. Si quis per necessitatem

¹ ѿ ннхъ. — ² Статьи этой нѣтъ у Гейтлера. — ³ ѿ нѣтъ. — ⁴ а
нѣтъ. — ⁵ а кто похоть имѣи. или лжкавьствомъ тоуждеж женѣ при-
име. — ⁶ г дннъ.

ДЕТЬ СИДНО ИКУТО ¹. ЛН РИЗОУ ².
И. ДНИИ ДА ПОКАИЕТСА.

КЄ. АЩЕ КТО ВЪ А. И ДНЬ
СНОУАРА НА КОЛАДОУ ИДЕТЬ ³, ЯКО-
ЖЕ ⁴ ПРЬКЕ ПОГАННИ ТВОРАХОУ.
Г. ЛѢ. ДА ПОКАИЕТСА О ХЛѢБЪ
И О ВОДѢ. ЯКО О СОТОНЪ ИЕСТЬ
ИГРА ТА ⁵.

КѢ. АЩЕ КОТОРАЯ ЖЕНА ИЗВЪР-
ЖЕТЬ ⁶. Г. ЛѢ. ⁷ ДА ПОКАИЕТСА О
ХЛѢБЪ И О ВОДѢ.

КЗ. АЩЕ КТО КЛАТЬ БОУДЕТЬ.
ТО ЛН ⁸ МОЛНТЬСА СЪТОНАМЪ. ИЛИ
ИМЕНА ИМЪ ТВОРНТЬ УЛѢВУСКАА.
Є. ЛѢ. ДА ПОКАИЕТСА О ХЛѢБЪ И
О ВОДѢ ⁹.

КН. АЩЕ КТО БЛОУДЪ СТВОРНТЬ
СЪ ВДОВОЮ. ЛН СЪ ДВѢЦЮ ¹⁰. Г. ЛѢ.
ДА ПОКАИЕТСА.

КѢ. АЩЕ КТО ДОМЪ ЗАЖЬКЕТЬ.
ИЛИ ¹¹ ГОУМНО. Г. ЛѢ. ДА ПОКАИЕТ-
СА. А. О ХЛѢБЪ И О ВОДѢ ¹².

furaberit cibaria aut vestes
sive quadrupedia, propter fa-
mem vel nuditatem, XL dies
poen.

32. Si puis, quod in Kalen-
dis Januarii multi faciunt, quod
adhuc de paganis residit, in
cervolum, quod dicitur, aut
in vecola vadit, III ann. poe-
niteat, quia hoc daemonum est.

33. Si qua mulier aborsum
fecerit voluntarie, III annos
poen. cum pane et aqua.

34. Si quis mathematicus
fuerit, id est per invocationem
daemonum mentes hominum tu-
lerit, aut debacante fecerit,
V annos poen., III ex his in
p. et a.

35. Si quis viduam vel virgi-
nem raptus fuerit III ann.
poen, in p. et a.

38. Si quis domum vel are-
am cujuscunque igne cremave-
rit, VII ann. poen., III ex his
in p. et a.

¹ УТО. — ² ЛН РИЗОУ ВѢТЬ. — ³ ИДЕТЬ НА КОЛАДЖ СНОУАРА. —
⁴ ЯКОЖЕ. — ⁵ Слово: ЯКО... ТА ПѢТЬ. — ⁶ Прибавлено: ОТРОУА. —
⁷ КЪ ЛѢТА, т. е. З, такъ какъ у Гейтлера Б означаетъ 2, а В З. — ⁸ І. —
⁹ У Гейтлера статья эта стоитъ въ самомъ концѣ Заповѣдн. — ¹⁰ СЪ
ВДОВОЖ ЛН СЪ ДВѢЦЕЖ БАДЪ СЪТВОРНТЬ. — ¹¹ ЛН. — ¹² Ж (т. е. 7)
ЛѢТЬ ДА ПОКАЕТЬ СА О ХЛѢБЪ О ВОДѢ.

л̄. Аще кто ѿ монастырь-
скихъ цр̄кве тѣкмо уто оукра-
дѣтъ. з̄. лѣ. да покаѣтъся. г̄. лѣ ¹
ѿ хлѣбъ и ѿ водѣ.

л̄а. Аще которыи сѣиникъ
съ гнѣвомъ сважетъ уѣвка. ли
кръвѣ пролѣѣтъ. да проситъ вра-
га. да дасть ѣмоу исцѣльнию. ²
постъ. ѿ. дини ³ ѿ хлѣбъ и ѿ
водѣ. аще ли ѣстъ днѣкъ. з̄.
лѣ. аще ли ⁴ попъ. лѣ. ⁵ аще
ли ⁶ ѣгпъ. ѣ. лѣ. да покаѣтъся.

л̄б. Аще кто ѡлрати не мо-
жетъ. да испоѣтъ плѣмъ м̄з. ⁷
аще ли не оумѣтъ. да дасть
сребрѣнницу ⁸. Аще ли не имать
цаты. то ⁹ ѿ брашна ѣже имать
да дасть.

л̄г. Аще кто мздоу възьмъ ¹⁰
ѿ кого поститнса хота ¹¹ за нь.

39. Si quis aliquid de mi-
nisterio sanctae ecclesiae vel
qualecunque opus quolibet mo-
do fraudaberit vel neglexerit,
VII an. poen., III ex his in p. et
a., et sic concilietur.

40. Si quis clericus homi-
nem per iram percusserit et
sanguine fuderit, solvat ei pri-
mum operam mercedis et me-
dicum quaerat, duabus quad-
ragesimis poen. in p. et a., dia-
conus VI menses, presbyter
ann. I.

41. Si quis jejunare non
potest, quando debet jejunare,
pro uno die in pane et aqua
cantet cum venia psalm. LI, et
sine venia LXX.

42. Si quis jejunare non
petest et psalmos nescit, pro
die det denarium unum, et si
non habet pretium, de cibo,
quantum sumit, tantum porri-
gat. Pro uno anno in pane et
aqua det solidos XXVI.

44. Si quis mercedem acci-
pit et jejunaberit, si per igno-

¹ г̄ лѣ вѣтъ. — ² цѣлѣнью. — ³ денъ. — ⁴ Прибав. естъ. — ⁵ то лѣ. —
⁶ Прибав. естъ. — ⁷ да испоѣтъ к̄ (т. е. 40) псалмъ. и з̄. — ⁸ цатъ.
⁹ Прибав. да. — ¹⁰ възьмѣтъ. — ¹¹ Этого слова цѣтъ.

лице вѣдѣи се створить ¹. да
алуеть за са. ѿланко и за ѿного.
и ѿже ѿсть вздалъ. да дасть ни-
щнымъ. какоже и уюжа грѣхы ²
въземлетъ. нѣ льпо да именову-
ютъ хѣтъ рабѣ.

лѣ. Аще которая жена блудъ
створыши. то ли проказитъ ѿт-
роуа въ собѣ. ³. лѣ. да по-
каѣтъ. в. лѣ ³ ѿ хлѣбѣ и ѿ
водѣ.

лѣ. Аще который блорнзець
скоупости ради клянетъса лоу-
каво ⁴. како ⁵ да дасть нищнымъ
имѣннѣ своеѣ. и шдѣ въ ма-
настырь да покаѣтъса.

лѣ. Аще который прнхътннкъ
съ уетвьреногомъ блудъ ство-
рнтъ. л. ти лѣ. съ. ⁶ т. лѣ. да
покаѣтъса. аще жены не имать.
аще ли женатъ ѿсть ⁷. то. ет. лѣ
да покаѣтъса.

лѣ. Аще который попъ или
прнхътннкъ оупнѣтъса. т. дннѣ
да покаѣтъса. аще ли ѿсть въ-
лецъ ⁸. з. дннѣ да покаѣтъса.

лн. Аще кто оупойтъ дроуга

rantiam hoc fecerit, jejunet
pro se, quantum se promisit
pro illo jejunare, et quod ac-
cipit, det pauperibus, et qui
aliena peccata super se susce-
perit, non est dignus christi-
anus.

46. Si quae de mulieribus,
quae fornicantur, occiderit, quod
nascitur aut avortivum facere
festinat, X ann. poen.

47. Si quis laicus per cu-
piditatem perjurerit, totas
res suas det pauperibus et tun-
datur, in monasterio serviat
diebus vitae suae.

51. Si quis cum animalibus
peccaberit, qui amplius quam
viginti annorum fuerit, XXV
annos poeniteat.

52. Si quis clericus aut sa-
cerdos se inebriaberit, XL dies
poen. i. p. e. a., laicus VII.

53. Si quis alium cogit, ut

¹ сътворилъ есть. — ² яко тоужда грѣхы. — ³ бѣ ѿ нѣ. — ⁴ лють. —
⁵ яко. — ⁶ лѣ лѣт. нмы. — ⁷ аще ли женѣ нмѣ. — ⁸ блорнзець.

своѣго ¹. да поститася ² ѿба. ³.
дннѣ.

лѣ. Аще кто съѣдно что
оукрадетъ. да поститсѣ. ¹. ³ дннѣ.
аще ли ѣсть дѣтскъ. то. ².
дннѣ ⁴.

ѣ. Аще кто помыслитъ съелоу-
дннѣ ⁵. то ли не можетъ. да
трѣгоубъ. ⁶ ѣ.

мѣ. Аще кто съ рабою своєю
белоуднѣ. ⁸ ти родитъ ѿтроуа ⁹.
да свободнѣ рабоу тоу. и пос-
титсѣ лето ѿдно ¹⁰.

мѣ. Аще комоу оумреть ѿт-
роуа некръщено за лѣнностью. ¹¹
г. лѣ. ¹² ѿ хлѣбъ и ѿ водѣ.

inebrietur, humanitatis gratia,
ut ebrius poeniteat, et si odio
hoc fecerit, ut homicida judi-
cetur.

55. Si quis cibum furabe-
rit, XL dies poen., si postea,
ann. I, et si infans fuerit X
annorum, VII dies poen.

57. Si quis concupiscit for-
nicari et non potuit, tribus
duadragesimis, et qui per tur-
piloquium vel aspectum quoin-
quinatus est, tamen non vo-
luit fornicare, XL diebus poen.,
si autem inpugnatione cogita-
tionis violenter inquinatus est,
VII dies poen.

60. Si quis intrat ad an-
cillam suam, si genuerit ex ea,
libertit eam et I annum poe-
niteat.

61. Si cuius infans sine
baptismo per negligentiam
mortuus fuerit, III ann. poen.
I ex his i. p. e. a., II sine,
vino et carne.

¹ аще кто друга своего оупонѣ до рѣга.—² да поститсѣ.—
³ ѣ (т. е. 40) дннѣ.—⁴ Прибавлено: да поститѣ сѣ.—⁵ блждѣ сътво-
рннѣ.—⁶ трѣгоубнѣ.—⁷ своєю пѣтъ.—⁸ блждѣ сътворнѣ.—⁹ толн
родн дѣтнщѣ.—¹⁰ едно.—¹¹ дѣтнщѣ некръщенѣ за лѣнность.—
¹² Прибав. да покастѣсѣ.

мѢ. Аще кто гнѣваѣтъся на брата ¹ своего. ѿелко же днѣи ² гнѣвъ дѣржитъ. толко да са поститъ ³ ѿ хлѣвъ и ѿ водѣ.

мѢ. Аще кто проклянетъ брата своего въ гнѣвъ ⁴ и пакы възлюбитъ и. ⁵ днѣи покаѣтъся ѿ хлѣвъ и ѿ водѣ.

мѢ. Аще кто оудавленноу. или кровь скотью. невадѣи ѿѣдо оумьрло ѣсть ⁵. или трѣбно уто ѣсть безъ бѣды ⁶. вѣ. не. да поститъся. аще ли вѣдѣи ѿлѣ ѣсть. вѣ. лѣ. да поститъся.

мѢ. Аще кто не схранитъ комканнѣ ⁷. то ли мѣшь ѿго възкоуситъ. или сътретъся. мѢ. днѣи да поститъся.

мѢ. Аще кто прольѣтъ ⁸ стѣиѣ уаши въ время приношеннѣ. ⁹ днѣи да поститъся. аще ли на коньуннѣ ¹⁰ прольѣтъ. мѢ. днѣи да поститъся ¹¹.

64. Si quis odit fratrem suum, quamdiu non repellit odium a se, tantum temporis cum pane et aqua poen.

66. Si quis fratrem suum cum furore maledicit, placuit, cui maledixit, VII dies in p. e. a. poen.

74. Si quis sanguinem animalium manducaberit nesciens, aut morticinum aut idolis immolatum, IV menses poen. i. p. e. a., si autem scit, II ann. sine vino et carne.

78. Si quis non custodierit sacrificium, et mus comederit illud, XL diebus poeniteat, qui autem perdidit et non fuerit inventum, XX diebus poen.

79. Si quis perfudit aliquid de calice super altare, quando aufertur linteamen, VII dies poen., et qui infudit calicem in finem solemnitatis missae, XL dies poen.

¹ брата. — ² денъ. — ³ да поститъ са. — ⁴ аще кто брата своего въ гнѣвъ проклянетъ. — ⁵ не вѣды ѿко оумьрло естъ. — ⁶ безъ бѣды естъ. — ⁷ брашеньца. — ⁸ Прибав. отъ — ⁹ приношенью. — ¹⁰ аще ли по приношенью. — ¹¹ Далѣе у Гейтлера состоитъ слѣдующая статья: кѣто въ цркве съпа, толн سموу крагъ блазнѣ принесетъ въ зѣлѣ. ж денъ да поститъся и да поклонитса на денъ. р.

мѣ. Аще кто крадетъ уерни-
цю. Г. лѣ. да поститѣ. Ё. ѿ
мнѣхъ ѿ хлѣбѣ и ѿ водѣ. ¹ а
іеже іестъ оукралѣ. да дасть ни-
щимъ.

мѣ. Аще которъи приуѣтникъ
ловитъ. аще іестъ дѣякъ. Ё. лѣ
да покаіється ². аще ли ³ попъ.
то. Г. лѣ. да покаіється ⁴ ѿ хлѣбѣ
и ѿ водѣ.

нѣ. Аще кто кого заканна-
іегъ ⁵ стымн. толи оупнѣвѣса
блюіеть ⁶. м. дннѣ да покаіється
са ⁷. ѿ хлѣбѣ и ѿ водѣ. аще
ли іестъ дѣякъ. да. З. лѣ. ѿ
хлѣбѣ и ѿ водѣ ⁸.

нѣ. Аще кто къ вѣхвѣамъ
ходитъ. Г. лѣ. да покаіється. Ё.
уасти хлѣба. а третнююю по-
пѣла да іестъ ⁹.

88. Si qui monasteria spoli-
ant, III ann. poen., I ex
his i. p. e. a., II sine carne
et vino, et omnia, quae sub-
trahit, det pauperibus.

30. Si quis venationes quas-
cunque exercuerit, si clericus
est, ann. I, diaconus II, sa-
cerdos IV poen.

¹ урѣнникъ окрадетъ. Ё лѣта да поститѣ са о хлѣбѣ о водѣ.—
² да поститѣ са.—³ Прибав. естъ.—⁴ да поститѣса.—⁵ аще кто
заканнаеть кого.—⁶ блюіеть.—⁷ кти денъ да поститѣ са.—⁸ ж
(т. е. 7). денъ да поститѣ са о хлѣбѣ о водѣ.—⁹ У Гейтлера нѣтъ
этой статьи; вмѣсто нея стоятъ 27-я статья Румянцовскаго списка.

Цѣна 1 рубль 50 коп.